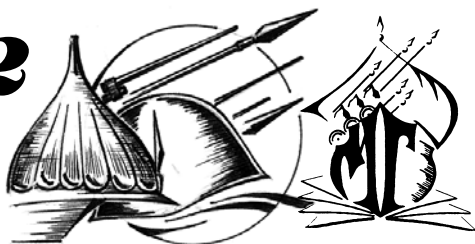

Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2016

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лев КРИШТАПОВИЧ. Бандеровщина как химера евроинтеграции	3
Виктор САУЛКИН. О покровителях международного терроризма	74
Сергей СОКУРОВ. Холодная осень «Русской весны»	120
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Диктатура безумия	160

ПРОЗА

Павел КРЕНЁВ. Пунашки, воротча и госьба. Рассказ	44
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Русские сны. Рассказ	83
Людмила АНИСАРОВА. Она была актрисой... Рассказ ...	98
Николай ЗАЙЦЕВ. Княжий воин. Рассказ	129
Олег СКРЫННИК. Корж. Рассказ	186

ПОЭЗИЯ

Ольга ФОКИНА. Ранний вечер и поздний рассвет. Стихи ...	68
Александр ИВУШКИН. Деревня, уходящая от нас... Стихи	109

Анатолий АВРУТИН. ...И горечь полыни во рту. Стихи	114
Владимир ШЕМШУЧЕНКО. Как земля и трава. Стихи ...	149
Владимир НЕЖДАНОВ. Огненная птица. Стихи	157

РУССКИЙ МИР

Михаил СМОЛИН. Как росли антирусских	208
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Игорь ЕВСИН. Кто победил в Русско-японской войне?	218
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Петр МУЛЬТАТУЛИ. Об отречении императора Николая II от престола	224
---	-----

ЭКСПЕРТЫ

Валентин КАТАСОНОВ. «Хозяева денег» топят Россию .	260
Владислав ЖУКОВСКИЙ. Социальный геноцид	268

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН. «Физиолог человек»	272
--	-----

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Изречения Черномырдина	283
------------------------------	-----

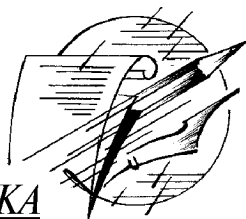
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, профессор (г. Минск)

БАНДЕРОВЩИНА КАК ХИМЕРА ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Несостоявшееся государство

Об Украине сегодня говорят много. Но во всех этих разговорах нет главного. Нет понимания того, в чем причина нынешнего украинского кризиса. Обычно аналитики останавливаются на поверхностно-событийной стороне этой проблемы или увлекаются далекими историческими аналогиями для объяснения природы возникшего противостояния на Украине. Все это далеко от действительного понимания политической и экономической реальности сегодняшней Украины.

Надо понять главное. А главное заключается в том, что нынешний украинский кризис есть лишь результат накопившихся катастрофических последствий развала СССР. В 1991 году все думали, что постсоветские страны стали независимыми и суверенными государствами. Это оказалось на бумаге. А на самом деле они превратились в экономически и политически несамостоятельные, полностью зависимые от западной бюрократии и олигархии. И если некоторые республики бывшего СССР (Белоруссия, Россия, Казахстан) за этот постсоветский период своего движения сумели выбраться на дорогу самостоятельности и независимости,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

определился со своим историческим выбором, то другие постсоветские образования (Грузия, Молдавия) продолжали прозябать в ситуации перманентного кризиса. Не исключение в этом ряду и Украина. Она переживает не какой-то внутренний социально-экономический и политический кризис, а кризис, обусловленный ее политической и идеологической зависимостью от Запада. Отказ Виктора Януковича от подписания Договора об ассоциации с Европейским союзом лишь рельефно обнажил эту бесспорную истину.

Вообще удивляет беспардонное отношение западных политиков к странам СНГ. В один голос они требуют от них определиться со своим выбором, притом сделать этот выбор только в пользу Европейского союза. Всякие аргументы и варианты, которые не согласуются с представлениями еврокомиссаров, даже не подлежат обсуждению и отбрасываются без всяких колебаний. Вдумайтесь в такую логику. Можно ли требовать от якобы независимых и самостоятельных государств такой политики? Любый мало-мальски уважающий себя не только политик, но и гражданин ответит, что нет. Следовательно, такое требование еврокомиссаров может выдвигаться лишь по отношению к государствам несамостоятельным и зависимым, которые даже трудно назвать государствами.

Такое беспардонное отношение высвечивает истинную цель так называемого европейского выбора. Его сущность состоит в увековечивании дезинтеграции постсоветского пространства. Чтобы закамуфлировать эту истинную цель европейского выбора, западные политики говорят о приобщении наших народов к европейским ценностям и демократии, к материальному благополучию, что позволит всем нам жить, как в Европе. Но это сугубая политическая риторика, которая не имеет никакого отношения к реальной политической практике западных «благодетелей». Посмотрите: какие политические партии и каких политиков поддерживают США и Европейский союз в странах СНГ? Такие политические партии и таких политиков, которые ничего общего не имеют с гуманистическими, демократическими ценностями. Возьмем, к примеру, украинские партии «Свобода» и «Правый сектор». Ведь очевидно, что это партии оголтелой русофобии в самых отвратительных формах. Ведь это партии, пропагандирующие и практикующие самую злобную ненависть к другим народам. Дайте им только волю, и они установят такие ценности, которые ничем не будут отличаться от фашизма. И вот эти русофобские, антисемитские, антидемократические партии западные политики зачисляют в разряд евроинтеграционных партий, которые якобы стремятся

к европейским ценностям. Разве это не фарисейство со стороны США и Европейского союза? Объективно западные политики поддерживают лишь только антироссийские и антидемократические силы в странах СНГ.

Поэтому вся эта возня вокруг европейского выбора и европейской интеграции преследует лишь одну цель: закрепить на вечные времена дезинтеграцию постсоветского пространства. Важно обратить внимание на то, что дезинтеграция постсоветского пространства — это не только дезинтеграция территории и экономики, но это в то же время и дезинтеграция государственности постсоветских стран. И ультимативно навязываемый западной бюрократией европейский выбор Украине будет закреплять разрушение не только экономики, территории, но и самого украинского государства. Но в этом и заключается экономическая и политическая несостоятельность подобного европейского выбора, поскольку такой европейский выбор исходит не из интересов Украины, а из узкомеркантильных целей западных производственных и финансовых корпораций, из геополитических интересов блока НАТО.

И когда команда Виктора Януковича решила просчитать социальные и экономические последствия Договора об ассоциации с Европейским союзом с точки зрения элементарных украинских интересов и, увидев, что подобная ассоциация приведет к неминуемому социально-экономическому краху страны, притормозила процесс подписания, то западные политики решили провернуть силовой вариант своего европейского выбора.

Теперь или никогда — таков лозунг западных политиков в отношении Украины. В самом деле, поскольку будущее самого Европейского союза под большим вопросом, то для евроинтеграторов сегодня остается последний шанс не позволить Украине покончить с зависимостью от Запада и присоединиться к отвечающей ее интересам евразийской интеграции. Согласится ли сам украинский народ с такой перспективой развития своей страны — покажет ближайшее время.

И еще одно соображение.

В том, что западные политики одобрили силовой вариант продвижения своей евроинтеграции на Украине, заметно было их желание нагадить России в связи с блистательной организацией и проведением зимней Олимпиады в Сочи. Как ни старались западные журналисты, политики, депутаты дискредитировать сочинскую Олимпиаду, представить Россию неумелой, неспособной в организации мировых спортивных мероприятий, ничего у них не вышло. Олимпиада в Сочи по-

казала не только материальную, но и нравственную, ментальную силу российского народа, его огромный творческий потенциал и созидательные возможности. Привлекательность России резко возросла во всем мире. Вот и решились западные русофобы переключить внимание мирового сообщества с прекрасного олимпийского зрелища в Сочи на кровопролитие в Киеве. Нечто подобное происходило во время пекинской Олимпиады, когда США и Европейский союз натравили режим Саакашвили на Южную Осетию. Ведь западные политики — это настоящие вампиры, которые оживают лишь тогда, когда напьются человеческой крови.

Не время перемен, а перемена времени

Кризис на Украине спровоцирован деятельностью тех политических сил, которые ориентированы на европейский выбор, их желанием встроить свою страну в однополярный мир. Но европейский выбор, то есть однополярный мир — это тупиковый, бесперспективный вариант для Украины, поскольку он исходит не из интересов украинского народа, а из геополитических амбиций США и НАТО. Если мы не будем понимать этого действительного мирового контекста, мы будем путаться в оценке социально-политической ситуации на Украине. Поэтому те политические силы, которые сегодня находятся у власти в Киеве, по всем критериям следует квалифицировать как несамостоятельные, полностью зависимые от Вашингтона и Брюсселя. Следует согласиться с президентом России Владимиром Путиным, что на Украине произошел государственный переворот и вооруженный захват власти.

Правда, эти силы называют себя силами европейской интеграции, приверженцами европейских ценностей. Но это на словах. А на деле такие евроинтеграционные организации, как «Свобода», «Правый сектор» и аналогичные им структуры ориентированы на конфронтацию, насилие, разжигание национальной ненависти как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Кстати, еще в декабре 2012 года, когда партия «Свобода» прошла в украинский парламент, Европарламент принял специальную резолюцию, назвав ее («Свободу») расистской, антисемитской, ксенофобской и призвал все другие политические силы не сотрудничать и не вступать с ней в коалицию. Представлять этих политиков приверженцами демократических ценностей, патриотами Украины — это не только насмешка над здравым смыслом, но прямое оскорбление, самое настоящее святотатство в отношении всех тех, кто освобождал Украину и Европу от коричневой чумы.

Поддерживая современных бандеровцев на Украине, господствующая элита США и Евросоюза тем самым раскрывает подлинную сущность своей антидемократической власти, политической системы и антиисторической внешней политики. Как бы она ни словоблудствовала о правах человека и демократии, но факт остается фактом: разгул неонацистов, антисемитов, русофобов ей роднее и ближе по духу, чем мир и справедливость на украинской земле.

Естественно, те здравые силы на Украине, те украинские регионы, которые не желают, чтобы неонацисты и антисемиты диктовали им, как они должны жить, насильствовали их разум и волю, выступают против подобной перспективы развития своей страны. Отсюда и требование, что они сами должны определять будущее своего региона и своей судьбы. Это законное право граждан, исповедующих принципы демократии и свободы. И когда крымчане потребовали проведения референдума о статусе своей республики, то препятствовать этому, прикрываясь фарисейской трактовкой ненарушимости внутреннего законодательства Украины, — значит становиться на какую угодно позицию, но только не на международную и демократическую. Ведь право крымчан на свою свободу аналогично правам человека, зафиксированным во Всеобщей декларации прав человека ООН. И когда западные политические фарисеи заявляют о нелегитимности крымского референдума, они тем самым отрицают и права человека. Ибо как свобода одного человека не может зависеть от желания другого человека, так и свобода крымчан не может зависеть от разрешения другого народа. Свобода народа, как и свобода человека, определяется не желаниями других субъектов политики, а лишь самим народом на своем референдуме.

К примеру, Шотландия в Великобритании решила провести в 2014 году референдум о своей государственной независимости. Конечно, Лондон выступал против проведения такого референдума. Но он выступал против проведения подобного референдума, нисколько при этом не отрицая права шотландцев на его проведение. Poleмика велась не с точки зрения запрещения шотландского референдума, а исключительно в плоскости позитивности или негативности этого референдума для самих шотландцев, то есть в рамках общепризнанных демократических традиций и принципов. Почему же, спросим, Шотландии можно было проводить референдум, а Крыму — нельзя? Почему же вокруг крымского референдума западные политики и их марионетки поднимают истерику о недопустимости волеизъявления крымчан и

занимаются всяческими инсинуациями против России? Потому, ответим, что как вашингтонские и брюссельские политики, так и их украинские евроинтеграторы никакого отношения к демократии и правам человека не имеют. Они так относятся к демократии, как фарисеи к соблюдению десяти заповедей. Когда они произносят «почитай отца и мать свою», то в их устах это означает «продай отца и мать свою». Когда они декламируют «не прелюбодействуй», то на практике это означает «свобода однополым бракам». Когда они говорят «не лжесвидетельствуй», то в действительности речь идет о политике двойных стандартов.

Недопустимо разжигать ненависть между братскими народами — русскими и украинцами. Нельзя противопоставлять братские страны — Россию и Украину, как это делают западные политики и их приспешники на Украине. Защита русских людей, русскоязычного населения на Украине, защита их национального достоинства, права разговаривать на своем языке, любить свою историю, поклоняться своим памятникам и святыням — это одновременно защита и самих украинцев от антиукраинской политики так называемого «правительства победителей». Думается, что это прекрасно понимают и в Вашингтоне, и Брюсселе, которые защищают даже права физиологических извращенцев (геев, транссексуалов), но почему-то отказывают крымчанам в праве самим решать свою судьбу. Ведь свобода народа в конечном итоге зависит от самого народа.

Какой урок вытекает из крымского референдума? Крымский референдум окончательно подвел черту под политикой однополярного мироустройства. Как бы дальше ни развивалась ситуация вокруг Украины, мир ментально, психологически уже не будет таким, каким он был до крымского референдума. Наступает не просто время перемен, наступает перемена времени. Наступает время многополярного мира. И будущее Украины может быть только вместе с Россией.

Русофобия — это и есть западная демократия

Совсем недавно много дискутировали на тему федерализации Украины. Одни политики и эксперты утверждали, что только при условии конституционной реформы, учитывающей интересы юго-восточных регионов, можно остановить сползание Украины к катастрофе, другие — наоборот, категорически заявляли о неприемлемости федерализации, поскольку она неизбежно приведет к распаду украинской государственности.

В чем, на мой взгляд, ущербность точки зрения, которая отрицала правомерность требования федерализации Украины? В том, что данная точка зрения базировалась на логике возможности. Проблема заключается в том, что логика возможности исходит не из анализа конкретной действительности, а из абстрактных рассуждений, для доказательства которых пытаются найти подходящие аргументы. Поскольку любое реальное политическое явление может быть выражено в такой абстрактной форме, то наиболее абсурдные и бессмысленные вещи могут рассматриваться как возможные. К примеру, возможно, что американский президент станет иранским аятоллой, ибо он, будучи человеком, может как таковой принять ислам и сделаться мусульманским проповедником. Возможно, что Порошенко станет российским президентом, ибо, переехав на жительство в Россию и получив российское гражданство, он может заняться политической деятельностью и быть избранным главой российского государства. И так до бесконечности. Чем необразованнее человек, чем менее известны ему определенные отношения предметов, о которых он рассуждает, тем более он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях.

Существует даже ироническое выражение — политики пивных заведений, которые как раз рассуждают о политических событиях на основании логики возможности. Настоящий политик в своем анализе исходит не из возможности, а из реальной действительности.

О чем свидетельствует сегодняшняя политическая действительность Украины? О том, что унитарной Украины уже нет. Страна со всей очевидностью раскололась на Запад и Юго-Восток. Причем этот раскол носит ментальный, культурный, исторический, политический, экономический характер. Философски выражаясь — это антагонистический раскол, и примирить непримиримые части страны на принципе унитаризма уже невозможно. В такой ситуации сохранение унитарной Украины означает установление диктатуры Запада над Юго-Востоком. Но это уже не демократическое, а бандеровское единство государства, так сказать, унитарная бандеровщина.

Кто ратует за унитарную Украину в самой Украине? Ярош и Тягнибок, Турчинов и Яценюк, Порошенко и Тимошенко. То есть альянс неонацистов, русофобов и олигархов. О чем это говорит? О том, что унитарная Украина не в возможности, а в действительности будет только Украиной бандеровской, неонацистской, олигархической. Власть в такой унитарной стране уже принадлежит и в будущем будет принад-

лежать наиболее реакционным, наиболее профашистским, наиболее олигархическим элементам украинского общества. От такого унитаризма люди, сохранившие хотя бы элементарное чувство порядочности, обязаны открещиваться как от сатаны. Но что мы видим в действительности, а не в возможности? Оказывается, те западные политики, которые на всех перекрестках клянутся в своей любви к демократии и правам человека, как раз и настаивают на сохранении именно унитарной Украины, которая объективно является Украиной неофашистской, олигархической. Казалось бы, зачем США и Евросоюзу нужен такой чудовищный унитаризм? Ларчик открывается просто. Дело в том, что этот чудовищный унитаризм направлен против России. А все, что направлено против России, для западных политиков как бальзам на душу. Русофобия — это и есть западное понимание демократии и навязывание такой демократии другим странам. Дело в том, что русофобия давным-давно укоренена в ментальных структурах господствующего класса Запада. Его альянс с украинскими бандеровцами не случаен, а закономерен, обусловлен общей русофобской природой как украинских неонацистов, так и их западных покровителей. Для последних, в соответствии с их русофобской ментальностью, профашистские, националистические организации на Украине являются именно демократическими структурами. Такова логика всех русофобов как на Западе, так и в постсоветских республиках. Своей антироссийской политикой западные фарисеи толкают Украину к катастрофе.

Вот и получается, что федерализация Украины — это была реальная альтернатива бандеровской Украине. Федерализация Украины привела бы к политическому равновесию все регионы Украины и положила бы начало успокоению украинского общества. Федерализация Украины поставила бы все националистические, неонацистские структуры («Свободу», «Правый сектор», «Батькивщину», «Удар») в ситуацию ментального остракизма и выбросила бы их на обочину политической жизни страны. Федерализация Украины — это был реальный спасательный круг украинской государственности. Это со всей очевидностью показали референдумы 11 мая 2014 года, проведенные на Донетчине и Луганщине. Историческое значение этих референдумов состояло не только в том, что люди поддержали необходимость федерализации Украины, но и в том, что референдумы были проведены по требованию самих жителей и самими жителями Донетчины и Луганщины. Это поистине были настоящие народные референдумы. А как говорится, глас народа — это глас бога.

Поэтому истерика западных политиков и их марионеток на Украине о непризнании результатов референдумов есть лишь косвенное подтверждение того исторического факта, что Украина уже никогда не будет такой, какой она была до 11 мая 2014 года. Как образно выразился один из киевских политологов, «юго-восток уже ушел, он занес ногу, чтобы навсегда покинуть Украину».

Кроме того, федерализация отвечала и внешнеполитическим интересам Украины, поскольку она не на словах, а на деле закрепляла бы внеблоковый статус страны. Украину при федерализации нельзя уже было бы использовать в качестве инструмента конфронтации со своими соседями, провоцирования всяких милитаристских проектов. Отпали бы предлоги для появления НАТО на Украине, так как очевидно, что Юго-Восток страны не приемлет натовского присутствия. Следовательно, и на западе Украины НАТО не появилась бы, поскольку такое появление означало бы, что сами натовцы раскалывают страну на враждебные части и разрушают украинскую государственность. Федерализм — это была бы хорошая прививка от натовской заразы. Таким образом, федерализация Украины объективно укрепляла бы всю систему стабильности и безопасности на Европейском континенте. А это в интересах белорусского, русского и украинских народов.

Феномен Новороссии

Западные политики любят прикрывать бандеровское мракобесие необходимостью защиты территориальной целостности и суверенитета Украины, которым, по их мнению, угрожает «имперская Россия». Но это политический камуфляж. Ибо никакой угрозы независимости Украины со стороны России не существует. Правда в том, что угрозу Украине представляют сами бандеровцы, которые стремятся к тому, чтобы разжечь пламя братоубийственной войны между русскими и украинцами. При этом бандеровцы рассчитывают не на собственные силы, а на вмешательство США в эту геополитическую войну против России.

В истории все это уже было. Напомню, что после победы советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков бандеровцы продолжили фашистскую политику на части территории Украины, рассчитывая как раз на поддержку их политического безумия со стороны США и Англии. Бандеровские главарь убеждали своих головорезов в том, что на помощь им придут США и Англия, которые начнут войну против СССР. Именно возможность

такого опасного сценария на территории сегодняшней Украины и вынудила крымчан воссоединиться с Россией.

Но это воссоединение было направлено не против Украины, а против бандеровцев. Президент России В.В. Путин в своем историческом выступлении 17 марта 2014 года в Москве абсолютно верно подчеркнул, что Крым всегда будет и русским, и украинским, но никогда не будет бандеровским. В этом и заключается исторический смысл воссоединения Крыма с Россией.

Следует признать, что современным западным наполеончикам очень импонируют воинственные клики бандеровской нечисти о походе на Москву, о разрушении Кремля. Поскольку Россию под предлогом ее «демократизации» не удалось расчленить на отдельные квазиреспублики, на что, несомненно, рассчитывали западные стратеги в ельцинские времена (напомню, что на столе у Ельцина лежал план раздела России на 7 государств), постольку они в своем натовском походе на Москву не гнушаются использовать даже бандеровское отребье.

Феномен сегодняшней Новороссии заключается в возрождении к жизни судьбоносных общерусских начал (русский язык, русская культура, братскость, единство восточнославянских народов) в противовес губительным для нашей жизни ценностям западного общества (крестоносцы, шляхта, униатство, бандеровцы, однополые браки, натовцы). Исторический смысл появления Новороссии выражается в том, что Новороссия будет и русской, и украинской, и белорусской, т.е. общерусской, но никогда не будет бандеровской, шляхетской, натовской.

В то же время Новороссия это не только возрождение общерусской истории, но одновременно рождение новой системы международных отношений — многополярного мироустройства. В этом плане Новороссия представляет собой смысловой стержень формирующегося нового геополитического центра силы на большом постсоветском пространстве. Конечно, это рождение происходит в непримиримой борьбе с клеветниками России не столько в сугубо военной форме, сколько в ментальном, философском плане. Это, как говорил великий поэт, «славянские ль ручки сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос».

Поэтому совершенно ясно, что тот, кто против Новороссии, какими бы он софизмами ни оправдывался, тот объективно против многополярного мироустройства, тот объективно находится на стороне нынешних неонацистов — бандеровцев и их покровителей в лице США и Евросоюза.

Было бы большой ошибкой полагать, что сегодняшняя трагедия Украины обусловлена сугубо негативными внутриукраинскими проблемами — деградацией экономики и масштабной коррупцией. Эти негативные явления не причина нынешнего распада Украины, а лишь следствие той безрассудной политики, которую украинское руководство проводило на протяжении всего постсоветского времени. Суть этого безрассудства выражалась в глупейшем сочинительстве некой новой украинской истории, некой новой украинской идентичности и так называемой евроинтеграции. Зачастую эту новую украинскую историю и новую украинскую идентичность пытались отыскать где угодно, даже в скифо-сарматской эпохе, но только не в реальной национальной истории — Киевской Руси. А так называемая евроинтеграция осуществляется на основании принципа: «Пусть погибнет Украина, но процветают европейские ценности». Ирония действительности такова: на Украине вроде бы хотели написать национальную историю, а на самом деле сочиняли антиукраинскую историю, что объективно вело к разрушению эфемерной украинской государственности и постоянной конфронтации с Россией, что лишало Украину условий естественного цивилизованного развития.

Разумеется, такую антиукраинскую политику, как в области истории и культуры, так и в сфере экономики, США вместе со своим вассалом — Евросоюзом не только поощряли, но и всячески навязывали Украине. Дело в том, что правящая элита США, исходящая из однополярного видения мира, стремится законсервировать постсоветское пространство в дезинтеграционном и конфронтационном состоянии. Без этого условия претензии США на установление однополярного мироустройства не могут осуществиться. Поскольку Украине, о чем откровенно повествовал закоренелый антисоветчик и русофоб Збигнев Бжезинский, отводится ключевая роль в реализации дезинтеграционного сценария на постсоветском пространстве, постольку все усилия США направлены на то, чтобы максимально развести Украину и Россию по разные стороны исторического, экономического, политического, культурного развития. И это не какая-то злая воля или конспирологические замыслы руководства США, а результат господства олигархии, бюрократии и военщины в политической системе страны. Кстати, в этом заключается и трагедия американского народа, известное благополучие и стабильность которого в своей стране основывается на со-

знательном провоцировании американской олигархией нестабильности и нестабильности в других регионах мира.

Поэтому важно осознать геополитический и геоэкономический парадокс современности. Он состоит в том, что социально-политическая стабильность внутри США зависит от факта нестабильности в других регионах планеты, в том числе и на постсоветском пространстве. Отсюда американские сценарии продвижения «демократии» и НАТО к границам России, противодействие интеграции постсоветских республик, развертывание противоракетной обороны США в Румынии, Польше и Турции, постоянные угрозы в адрес неудобных правительств и развязанная США война на Украине. Збигнев Бжезинский недвусмысленно заявлял, что «обязанности имперской геостратегии США заключаются в предотвращении сговора между вассалами, сохранении покорности подчиненных и недопущении объединения варваров». А как известно, что у Бжезинского на языке, то у администрации президентов США на уме. Все это резко дестабилизирует ситуацию как на международной арене, так и в постсоветском регионе.

За прошедший год много говорилось о гражданской войне на Украине. Это поверхностное понимание украинских событий. Разумеется, в какой-то степени можно утверждать, что одна часть украинского народа воюет против другой части украинцев. Но ограничиться только таким объяснением значит не увидеть истинную причину этой гражданской войны. Вообще любая гражданская война не есть только война между разными слоями и классами народа внутри страны. В любой гражданской войне участвуют международные силы, которые фактически и определяют интенсивность, смысл и цели гражданского конфликта.

На Украине происходит не просто внутриукраинская гражданская война, а ведется геополитическая война США против многополярного мира. Эта война носит многоаспектный характер: информационный, политический, дипломатический, финансовый, экономический, ментальный, цивилизационный и, наконец, военный. Естественно, геополитическая война США против многополярного мира на постсоветском пространстве — это в первую очередь война против России, которая как раз активно выступает за строительство полицентричного мироустройства. И здесь нет ничего уникального. Точно такую же геополитическую войну ведут США в Азиатско-Тихоокеанском регионе против Китая. Такую же геополитическую войну ведут США на Ближнем и Среднем Востоке против Сирии и Ирана. А на латиноамери-

канском пространстве эта война ведется против Венесуэлы, Кубы, Бразилии, Эквадора, Аргентины. Следовательно, никакой внутриукраинский диалог не приведет к миру и стабильности на Украине, пока у власти будут находиться американские марионетки и пока последние не будут разгромлены в нынешнем военном столкновении с ополченцами юго-востока Украины.

Парадокс военного противостояния выражается еще и в том, что США ведут геополитическую войну не только против России, но также против и Украины. Дело в том, что США нужна не независимая, а бандеровская Украина. Независимая Украина и бандеровская Украина — принципиально разные вещи. Ведь бандеровщина это не только «Правый сектор», «Свобода», «Батькивщина» и другие организации такого толка. Бандеровщина — это прежде всего ментальная, так сказать, своеобразная этнополитическая общность, формировавшаяся на протяжении длительного исторического периода, начиная от униатских времен и кончая сегодняшними днями. Характерные ее черты: отрицание общерусской истории как основы формирования украинского народа, патологическая ненависть ко всему русскому в самых отталкивающих формах, религиозный фанатизм и террористическое отношение ко всем, кто не согласен с идеологией бандеровщины. Не случайно интеллектуальные представители бандеровщины всячески фальсифицировали украинскую историю, подменяя ее антиисторическими русофобскими концепциями и сумасбродными политическими проектами. И нынешние властители Украины: Порошенко, Кличко, Тимошенко, Турчинов, Яценюк, Тягнибок по своей ментальности, ценностям, убеждениям — не украинцы, а бандеровцы, т.е. представители такой этнополитической общности, которая ничего общего не имеет ни с Украиной, ни с украинским народом. США, прикрываясь лицемерными причитаниями о территориальной целостности Украины, используют эту антиукраинскую бандеровщину в своей геополитической войне против многополярного мира. Вот почему всякая поддержка американских марионеток в Киеве есть оправдание геополитической войны США против мирового сообщества.

В то же время ополченцы юго-востока Украины являются истинными защитниками суверенитета Украины и единства украинского этноса. Заметьте: ополченцы сражаются не против независимости Украины и украинской истории, а против бандеровского антиукраинства и русофобии. Такова диалектика ситуации. Если не заниматься бандеровскими

фальсификациями на тему неньки Украины, а добросовестно изучать свою историю, то нетрудно понять, что Россия, Украина и Белоруссия — это не просто некие отдельные истории этих стран и не просто независимые государства в школьном понимании этого слова, а такие социально-исторические образования, которые представляют собой нераздельный цивилизационный организм, характеризующийся единством территории, истории, культуры и образа жизни. Нечто вроде православной троицы, где Россия — бог-отец, Украина — бог-сын, а Белоруссия — дух святой.

Понимание большинством стран мирового сообщества губительности силовых факторов структурирования международных отношений неизбежно приводит к формированию таких форм интеграции, которые, возможно, еще не укладываются в сегодняшнее представление о перспективах развития, но которые, несомненно, будут определять формирование условий для подлинно справедливого и демократического развития всех государств мирового сообщества уже в ближайшем будущем.

Коллективный Чемберлен

Сегодня западная правящая элита в ментальном отношении представляет собой коллективного Чемберлена. Английский премьер-министр Невилл Чемберлен в свое время «прославился» тем, что всячески «умиротворял» Гитлера и подталкивал его к походу против СССР. Нынешний коллективный Чемберлен (руководство США и Евросоюза) всячески «умиротворяют» бандеровцев на Украине и подталкивают их к войне с Россией. И не просто к локальной войне, а к войне мировой. Ибо призыв бандеровки Ирины Фарион «уничтожить Москву» есть призыв к развязыванию мировой войны. А как в этой ситуации ведет себя коллективный Чемберлен? Оказывается, человеконенавистническая, маниакально антироссийская политика бандеровцев — это выражение самой настоящей демократии и европейских ценностей. Вот и выходит, что у бандеровцев на языке, то у западных политиков на уме. Под прикрытием фарисейских причитаний об установлении мира на Украине коллективный Чемберлен стремится превратить Украину в натовский плацдарм в его походе на Москву. Поэтому не случайно, установив контроль над Киевом, коллективный Чемберлен предполагает взять под «международный» контроль российско-украинскую границу. И кто же предлагается в «международные» контролеры? Германия, Франция и Италия. Точь-в-точь как во

времена мюнхенского сговора. Цель подобного «контроля» совершенно ясна: запустить бандеровцев на российскую границу, чтобы установить фашистский порядок на Донбассе и Луганщине. Абсолютно прав Владимир Якунин, что «на Украине не просто националисты, там чистые неонацисты, их герой — Бандера. Это фашизм!»

Историческая справка. В межвоенный период так называемые западные демократии выпестовали фашизм, доказав тем самым несомненную кровнородственную связь между своей демократией и гитлеризмом, а также продемонстрировав нравственный предел падения своей цивилизации. Кстати, родился фашизм не в Италии и Германии, а что ни на есть в «старой», «доброй» Англии. Английская колониальная политика была чисто фашистской политикой. Самыми последовательными носителями фашистской идеологии были английские колониальные чиновники и офицеры, которым принадлежит первенство в создании первых в новейшей истории концлагерей во время англо-бурской войны 1899—1902 годов и тайного общества «Потерянный легион». Этот прообраз будущих войск СС прославлял Р.Киплинг, писавший, что в легионе могли служить «только люди с сердцами викингов». Что же касается одного из первых народов, ставшего жертвой английского колониализма — ирландцев, то во время голода 1847 года не какой-то заскорузлый обыватель, а английский философ Томас Карлейль предлагал выкрасить в черный цвет два миллиона ирландцев и продавать их как рабов в Бразилию. Фактически Томас Карлейль был духовным предтечей фашизма. Это он ничтоже сумняшеся высказывал такие свои философские перлы: «Кого небо сделало рабом, того никакое парламентское голосование не сделает свободным человеком».

Выдающийся индийский писатель и мыслитель Рабиндранат Тагор с горечью отмечал: «Подумай только, как раздобрела Англия на харчах голодающей Индии! А ведь многие в Англии считают, что вечно кормить их — великая миссия Индии! Какая беда, если ради процветания и возвышения Англии целый народ пребывает в рабстве! Чужеземная цивилизация, если можно ее назвать цивилизацией, ограбила нас. Настанет день, когда, по воле судьбы, англичане вынуждены будут покинуть Индию, пока еще входящую в их империю. Какую Индию, какую ужасающую бедность оставят они после своего ухода, какое опустошение!»

Гитлер был лишь учеником английских колонизаторов. Он считал разумным и справедливым то, что «многие сотни ты-

сяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают миллионы представителей «чужих рас».

В этом плане в ментальности западной элиты ничего не изменилось и ныне. Расизм, ксенофобия, ненависть, насилие — все эти идеологические атрибуты фашизма доминируют в ее сознании. Отличие, скажем, каких-нибудь кэмеронов, оландов, меркелей от прямодушного Томаса Карлейля лишь в том, что у первых все их карлейлевские перлы прикрыты флером религиозного ханжества и высокопарного политического пустозвонства на тему демократии и свободы. Как глубоко подметил американский публицист Пол Крейг Робертс, «недостаток в дипломатии Путина заключается в том, что она опирается на добрую волю и торжество истины. Однако у Запада нет доброй воли, а Вашингтон заинтересован не в торжестве истины, а в торжестве самого Вашингтона. Путину противостоят не разумные «партнеры», а министерство пропаганды, направленное против него. Вашингтон лгал так долго, что не в состоянии делать что-либо еще».

Вот откуда проистекает генетическое родство западных политиков и бандеровцев. Природа у них одна и та же. Насилие и мракобесие. Ханжество и ненависть. Лицемерие и ложь. И как следствие — фашизм. Но фашисты никогда не существовали в одиночку. Если были фашисты, были и коллаборационисты. Польский посол в Париже Юзеф Лукаевич 25 сентября 1938 г. заявлял послу США Булиту: «Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом. Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, что в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобие государства». А польский генштаб 31 августа 1937 г. в своей директиве № 2304/2/37 еще более категорически признавался, что конечной целью польской политики является «уничтожение всякой России», а не только советской. Вот и оказывается, что бандеровцы, являясь обыкновенными коллаборационистами, со своими мракобесными призывами «уничтожить Москву» ничего нового не говорят, они лишь озвучивают тайные желания сегодняшних так называемых лидеров западных демократий, политика которых, по сути своей, ничем не отличается от фашизма. Подтверждение этому — недавнее расследование агентства Ассошиэйтед Пресс, установившее, что правительство США выплачивало пособия нацистским преступникам, которые согласились покинуть страну, чтобы, так сказать, не портить вывеску американской демократии. Игнорирование опасности возрождения неофа-

шизма на Украине и в Молдавии, в прибалтийских республиках, в других европейских странах, а также откровенная поддержка русофобских, неофашистских, террористических партий и движений на постсоветском пространстве со стороны бюрократии и олигархии США и Евросоюза наглядно показывает истинное лицо их «демократии». В этом плане Гитлер был не меньшим демократом, чем сегодняшние обамы и кэмероны.

Поэтому надо понимать, что сегодня реальную опасность человечеству представляет именно западный коллективный Чемберлен. И думать, что с ним можно договориться, чтобы обуздать бандеровцев на Украине, это такая же наивная иллюзия, как политика советского руководства в августе 1939 года договориться с Англией и Францией о противодействии фашистской агрессии. Только интеграция постсоветских республик, укрепление их обороноспособности и мерная поступь железных батальонов российской армии могут быть надежной гарантией демократического и независимого развития наших народов.

Только Новороссия может спасти украинский народ

Основная ошибка при анализе политической ситуации на Украине, на мой взгляд, состоит в том, что к ней подходят с привычной политологической точки зрения. Логика такова: раз есть президент, правительство — значит, есть самостоятельное украинское государство.

Парадокс в том, что подобная логика никак не относится к реальной украинской действительности. А реальная политическая действительность такова, что Украина сегодня — это марионеточная страна. И от так называемой украинской власти на Украине ничего не зависит. Зависит от того, кто управляет этой страной. Ни для кого не секрет, что управляют ею США. Разумеется, управляют не для украинского народа, а для реализации своих милитаристских интересов на контролируемой ими территории. Вспомним слова Збигнева Бжезинского: «Обязанности имперской геостратегии США заключаются в предотвращении сговора между вассалами, сохранении покорности подчиненных и недопущения объединения варваров». Расшифруем: вассалы — это страны Европейского союза и аналогичные им другие страны; покоренные страны — это Украина, Грузия, Молдавия и аналогичные им марионетки в других регионах планеты; варвары — это те страны постсоветского пространства, которые стремятся к объединению. Вот это и есть реальная американская «демок-

ратия», предназначенная для других стран. Чтобы реализовать эту «демократию» на Украине, надо было развязать войну бандеровцев против украинского народа — вот истинная цель американских политики на Украине.

Правительство Яценюка — бандеровское правительство. И президент Порошенко от бандеровцев недалеко ушел. Взять хотя бы его инициативу о перенесении празднования Дня защитников Отечества с 23 февраля на 14 октября. Это чисто бандеровский акт, который должен был показать, с кем Порошенко: с украинским народом или с бандеровцами. И он, нисколько не колеблясь, выбрал бандеровцев, а не украинцев.

В Киеве рассуждают о партии войны и партии мира. Наивное рассуждение. Как будто есть какое-то принципиальное различие между этими названиями. Выскажем парадокс: никакой партии войны или партии мира как украинских партий на Украине не существует. На Украине есть партия, но это партия Рах Амерісана, то есть партия «мира по-американски». Но «мир по-американски» — это и значит война для Украины. Это и есть демократия по-американски. Ибо, как говорил «большой друг» украинского народа Збигнев Бжезинский, «сохранение этого плацдарма и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов». То есть не какая-то территориальная целостность Украины, а геополитические интересы США — вот что интересует американскую бюрократию и военщину при продвижении НАТО на Восток. Отсюда должно быть понятно, что только Новороссия может спасти украинский народ от бандеровских марионеток и их западных кукловодов.

Вашингтонский органчик

Гони историю в дверь, она влетит в окно. В справедливости этого выражения убеждаешься на примере политического поведения так называемых руководителей новых стран Европейского союза, в частности, президента Литвы Дали Грибаускайте. Все ее lamentации о России как «террористическом государстве», о том, что «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас» есть не что иное, как заезженная пластинка госдепа США, вмонтированная в голову литовской дамы наподобие механического органчика в голове градоначальника у Салтыкова-Щедрина. Было бы наивным воспринимать кликушество этого вашингтонского органчика как озабоченность европейцев демократией и территориальной целостностью Украины. Для наивных поясним.

Общеизвестно, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В западных политических трактатах прямо утверждается, что «если большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой». Очевидно, что такое понимание демократии трудно назвать демократическим, поскольку согласно этой концепции большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересом меньшинства. А как тогда быть с охраной прав большинства? По американской трактовке демократии выходит, что большинство не нуждается в защите своих прав? Выходит, что роль государства в таком обществе — это охранять права меньшинства, а не всех граждан? Но ведь такое государство будет уже являться государством не для всех граждан, а лишь для меньшинства, то есть государством не демократическим, а олигархическим. Чем в действительности США и страны Европейского союза и являются.

Если нарисовать собирательный образ западной бюрократии и олигархии, то его можно уподобить персонажу античной мифологии — Прокрусту. Прокруст любезно предлагал уставшим путниками свое ложе для отдыха. Но подобный отдых заканчивался трагически для тех, кто пользовался услугами этого античного «благодетеля». Именно такую же прокрустову политику и демократию стремятся реализовать США и ЕС на постсоветском пространстве, в том числе, разумеется, и на Украине. Западные прокрусты уложили доверившуюся им Украину на свое ложе и под крики о демократии и территориальной целостности Украины методично разрушают украинское государство и экономику, превращая их в мертвые обрубки.

Мешает этой антиукраинской деятельности американских прокрустов Россия, которая предупреждает украинский народ, чтобы он не увлекался иллюзиями евроинтеграции. Ибо евроинтеграция так поддерживает Украину, как веревка поддерживает повешенного. США и Евросоюз недовольны Россией именно потому, что она разоблачает их прокрустову помощь Украине. Задача же вашингтонских органчиков наподобие литовской «градоначальницы» как раз и сводится к тому, чтобы переключить внимание европейской общественности с американского Прокруста — Обамы на российского Тесея — Путина, приписав последнему замыслы первого.

Вообще важно понять, что, пытаясь продвигать свою демократию и безопасность на Восток, вашингтонские и брюссельские прокрусты четко расписали роли между старыми и новыми членами Европейского союза и НАТО. Старым чле-

нам, то есть западноевропейским странам, отводится роль учителей на тему демократии и международного права, универсальности западной системы ценностей. На новых членах, то есть восточноевропейские страны (Польша, Чехия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония), возложена грязная работа по продвижению прокрустовской политики НАТО и Евросоюза на Восток. Политические градоначальники в этих новых членах НАТО и Евросоюза выполняют сугубо антироссийскую функцию, играя роль провокаторов по нагнетанию напряженности и конфронтации по всему периметру общерусской цивилизации. И подобная политика Вашингтона в отношении Москвы никогда не изменится. Отсюда вывод: Запад вынужден будет считаться с позицией России, только если российское руководство будет решительно отстаивать национальные интересы своей страны и последовательно работать над укреплением многополярной системы международных отношений.

Бандеровщина как явление дегенерации

Трагедия Украины состоит в том, что в западных проектах ей отведена роль военно-политического плацдарма США, направленного против России, в более точном смысле — против общерусского мира, общерусской цивилизации. Такую установку для Украины четко сформулировал польский американец Збигнев Бжезинский, заявивший, что «Россия должна ясно и недвусмысленно признать отдельное существование Украины», что на языке американской геополитики означает признание Украины владением США. Именно эту антироссийскую цель и прикрывает политическая риторика американских дипломатов, когда они говорят о территориальной целостности Украины.

Разумеется, реализация этого американского предназначения Украины, направленного против России, предполагает наличие соответствующей политической и экономической элиты, другими словами, управленцев. То, что именно бандеровцы выбраны в качестве главных «менеджеров» осуществления этой «американской мечты» или «американского мира» на пространстве Русского мира — совсем не случайно. Обусловлен этот выбор тем обстоятельством, что бандеровщина — наиболее рельефное воплощение дегенерации, т.е. вырождения.

Дегенерация исторических взглядов — это когда бандеровские историки пытаются сочинить некую собственную национальную историю Украины, а на самом деле демонстрируют свое дегенеративное понимание исторического процесса.

Дегенерация этничности — это когда бандеровские этнографы, археологи пытаются вывести этногенез украинцев от так называемого прародителя человечества — укра.

Дегенерация цивилизованности — это когда бандеровские мыслители изобретают некую самостийную украинскую цивилизацию, которая якобы ничего общего не имеет с Киевской Русью.

И самое главное, что упускается из виду, — это дегенерация физиологическая, телесная. Опять же не случайно, что символом бандеровщины является Степан Бандера, который в совокупности вышеперечисленных признаков представляет собой олицетворение дегенеративной персоны.

Вот почему важно понять, что США и Евросоюзу в реализации их антироссийской политики на пространстве общерусской цивилизации нужны не просто фальсификаторы, а нужны именно дегенераты.

Чтобы убедиться в правильности такого заключения, необходимо сравнить двух представителей национально-освободительного движения на Западной Украине и в Западной Белоруссии в межвоенный период — Степана Бандеру и Сергея Притыцкого. Формально их деятельность тождественна: оба они боролись за независимость своей земли от панской Польши. Даже их личные судьбы в этот период похожи. Степан Бандера за организацию ряда убийств представителей польских властей, в том числе и министра внутренних дел Бронислава Перацкого, был приговорен в 1935 году к смертной казни, которая ему была заменена пожизненным заключением. С началом Второй мировой войны вышел на свободу.

Сергей Притыцкий в 1936 году на суде, устроенном польскими властями против Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), стреляя в провокатора Якова Стрельчука, был сам тяжело ранен. Приговорен польским судом к смертной казни, которую в феврале 1937 года заменили пожизненным заключением. 1 сентября 1939 года Сергей Притыцкий бежал из польской тюрьмы.

Внешне, казалось бы, все одно и то же. Но как разительно отличается содержание их политической деятельности. Степан Бандера — ярый ненавистник всего русского, советского, зоологический антисемит. Во время Великой Отечественной войны его бандеровские дегенераты зверствуют против красноармейцев, украинских партизан, мирных жителей. После окончания Великой Отечественной войны его банды терроризируют население Западной Украины и Западной Белоруссии. Он не украинский националист, как пытаются

квалифицировать его некоторые исследователи, а самый настоящий дегенерат, т.е. вырожденец — вырожденец цивилизационный, этнический, исторический, ничего общего не имеющий ни с украинской ментальностью, ни с украинской историей.

Сергей Притыцкий же искренний сторонник общерусского единства, дружбы и братства белорусов и русских. Он не приемлет никаких исторических, этнических, цивилизационных извращений, которые столь характерны для бандеровцев. Он действительно национальный герой Белоруссии.

И опять же самое главное. Вглядитесь в их лица. Ведь очевидно, что физиологически Степан Бандера — дегенерат, лицо у него непривлекательное, отталкивающее, в нем нет ничего доброго, человеческого. И совершенно противоположное впечатление производит Сергей Притыцкий. Взгляд открытый, добродушный, веселый. Ясно, что перед нами человек, а не злобное двуногое существо.

А сейчас взглянем на современных бандеровцев. Опять же неслучайна их война с русскими, советскими памятниками. Они так остервенело воюют с памятниками потому, что эти памятники своим человеческим, гуманным обликом являются своеобразным обличием нынешней бандеровщины, признающей лишь дегенератов. Сравним лидеров Новороссии и правителей нынешней Украины. Разве не очевидно, на какой стороне историческая правда, доброта, человечность, а на какой бандеровская дегенерация? Сравните руководителей донецких и луганских ополченцев и руководителей бандеровских батальонов, многие из которых стали украинскими парламентариями. Разве не очевидно, что ополченцы сражаются за свою Родину, в том числе и Украину, а бандеровские дегенераты — за интересы западных олигархов и бюрократов?

Следовательно, Новороссия спасает не только цивилизацию и культуру на Украине, она спасает генофонд украинского народа от его физического вырождения. Точно так же, как белорусские и украинские партизаны в годы Великой Отечественной войны спасали генофонд своих народов от немецких фашистов и их бандеровских дегенератов.

И тайное становится явным, или Муттерлянд превыше всего

Нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным. И сколько бы ни клялись западные политики в своей верности демократии и правам человека, в душе своей они остаются антидемократами и ретроgrадами. Историческое значение

бандеровщины на Украине выражается в том, что тайные помыслы западных лидеров она делает явными. Стоило А.Яценюку немножко повизитировать в Вашингтон и Берлин, как он наконец-то заявил в интервью немецкому телеканалу ARD о «советском вторжении на Украину и Германию» во время Второй мировой войны и что Россия ныне представляет опасность для мирового порядка и порядка в Европе. Сразу стало все ясно, что именно это есть подлинное отношение нынешних западных лидеров к истории и современности. Как говорится, все возвращается на круги своя.

В свое время Степан Бандера лично клялся в верности Адольфу Гитлеру. «Выражаю вашему превосходительству (Гитлеру) свое глубочайшее уважение», — написал 3 августа 1941 года Степан Бандера. Точно так же в интервью немецкому телеканалу бандеровец Арсений Яценюк лично клянется в верности Ангеле Меркель. Разница в этих клятвах чисто филологическая. С.Бандера клялся верно служить гитлеровскому Фатерлянду, а бандеровец А.Яценюк клянется вечно служить меркелевскому Муттерлянду. Но суть этих клятв одна и та же — это клятва в верности фашизму. Как подчеркнул лидер украинских коммунистов Петр Симоненко, заявление Яценюка означает, что «фашизм официально стал государственной идеологией правящего режима». Фашизм безусловно является идеологией нынешнего бандеровского режима в Киеве (не надо только путать бандеровцев с украинцами, это совершенно разные понятия; бандеровцы — это паразитический нарост на теле украинского народа). В этом плане показательна бандеровская инструкция времен Великой Отечественной войны: «Не нужно бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина — ничего страшного в этом нет». Очевидно, что бандеровцы — это враги украинского народа.

Но все дело в том, что фашизм является идеологией не только нынешнего бандеровского режима в Киеве, но и нынешней правящей западной элиты. Абсолютно прав публицист Иван Мизеров, что «Европа уже давно была готова к этим словам Яценюка, что Европа в глубине души давно хотела эти бандеровские слова произнести». Говоря о Европе, в данном случае надо подразумевать Европу меркелей, кэмеронов, олландов и им подобных. «Антисемитизм — это наш государственный и гражданский долг, — сурово заявила Меркель депутатам бундестага и после паузы добавила: — Это также касается нападений на мечети». Политологи считают подобные высказывания дурацкими оговорками Меркель, а

на самом деле это провиденциальные обмолвки, которые свидетельствуют о фашистской сущности современных западных правителей.

Поэтому когда представитель МИД ФРГ Мартин Шефер резонерствует, что Арсений Яценюк имеет право выражать свою точку зрения в СМИ, так как в Германии действует свобода слова и все вопросы по интерпретации данного бандеровского высказывания он советует направлять автору этих заявлений, то мы тогда в полном соответствии не только со свободой слова, но и с исторической правдой имеем право квалифицировать Ангелу Меркель как наследницу Адольфа Гитлера, поскольку она молчит по поводу заявлений Яценюка (молчание — знак согласия), а ФРГ как страну, которую бандеровцы и меркели отождествляют с фашистской Германией. Вот и выходит: под прикрытием разговоров о свободе слова и демократии поется все та же фашистская песня «Муттерлянд превыше всего».

Разумеется, речь идет не о личностных качествах современных западных лидеров, а о политической природе западной цивилизации, которой присущ такой атрибутивный признак, как фашизм. В 1993 году директор Арлингтонского института стратегических исследований при Гарвардском университете С.Хантингтон опубликовал серию статей под общим названием «Битва цивилизаций». По его мысли, мировая политика вступает в новую фазу, когда основными источниками конфликтов будут уже не идеология и не экономика, а культурно-исторические, цивилизационные различия народов. Поэтому Запад, поучает С.Хантингтон, должен ограничить военное развитие «потенциально враждебных цивилизаций» и усилить попытки по расширению территориальных границ западной цивилизации за счет государств Восточной Европы и Латинской Америки. «В России же и Японии — обеспечить приоритетную поддержку тем группировкам, которые ориентируются на западную модель развития». Это рассуждение С.Хантингтона показательное не в плане оригинальности теоретического анализа современных международных отношений, а как пример ментальности расового превосходства Запада над остальным миром. Подобные рассуждения ничем не отличаются от философии и политики фашизма.

Эту же точку зрения — «Запад против остального мира» — развивал Ж.Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития, член Бильдербергского клуба в своей книге «Линии горизонта» (1994). В области геополитической, философствовал Ж.Аттали, «новый мировой поря-

док» связан с консервацией западной цивилизации как «метрополии» всемирной колониальной империи. После таких слов западных «мыслителей» Гитлер может спать спокойно. Его дело в надежных и верных руках. «Современная политика США, — отмечает американский журналист Эрих Зюсс, — по сути своей не сильно отличается от политики фашистских государств во время Второй мировой войны, одной из главных целей которой являлось разрушение России». Выдающийся немецкий писатель Томас Манн так охарактеризовал природу фашистской Германии: «Это не государство и не социальный порядок, это дьявольское злодейство. Война против него — это священная война человечества против самого дьявола». А известный американский теолог Пауль Тиллих считает весь западный капитализм «дьявольским изобретением».

В самом деле, западная буржуазная цивилизация порывает с христианской, гуманистической и социальной традицией человечества. Апологеты буржуазного образа жизни вполне откровенно признают этот исторический факт. «На протяжении предыдущих столетий, — пишет Майкл Новак в книге «Дух демократического капитализма», — и христианские святые, и философы осуждали честолюбие и богатство, а Франклин (один из идеологов буржуазной системы ценностей) превратил то, что считалось грехом, в добродетель». Воровать, насиловать, убивать — грешно?! Да кто это выдумал? Ведь франклины, карлейли, морганы, ротшильды, соросы давно уже доказали, что воровать и убивать — это великие западные добродетели. А вот быть честным, совестливым, согласно оракулам капитализма, это большой грех. Скажете, так ведь это настоящая шизофрения. И будете правы. Как отмечает известный западный философ Г.Делез, «капитализм производит шизофреников как всякий другой товар — гвозди, зубную пасту, памперсы, полуфабрикаты и прочее». В том числе, разумеется, и политиков.

Не следует забывать, что становление современного западного общества происходило параллельно с завоеванием территорий других народов. Поэтому ментальной основой международной политики западных лидеров было и остается насилие над другими странами и народами. Вот почему западная цивилизация превратилась в смертельную угрозу для всего человечества. Эта очевидная бесчеловечность западной модели социально-политического устройства нашла свое признание в Декларации тысячелетия ООН, принятой 8 сентября 2000 года, где прямо указывается, что «нынешние (западные) неустойчивые модели производства и потребления

должны быть изменены в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков». Мировому сообществу нужна новая система планетарных ценностей. В ее создании России, Китаю, Индии, другим незападным народам принадлежит первостепенная роль.

Новороссия освобождает Украину от бандеровской нечисти

Заявление бывшего министра иностранных дел Польши Гжэгожа Схетыны о том, что именно украинцы, а не какая-то там Красная армия в январские дни 1945 года открывали ворота и освободили узников Освенцима, в очередной раз высвечивает истинную сущность исторического и политического мышления всей правящей элиты Европейского союза. И здесь мало ограничиться эмоциональными оценками этого заявления польского высокопоставленного чиновника как циничного и кощунственного. Проблема гораздо глубже. Геополитическая война, развязанная США на Украине против России и многополярного мира, объективно предполагает замену принципов международного сотрудничества, на основе которых и была создана Организация Объединенных Наций, принципами разбойничьего поведения США на международной арене. В этом плане «мир по-американски» какого-нибудь Обамы ничем не отличается от «нового европейского порядка» Гитлера.

Как отмечает финский политолог Ион Хеллеви, западные правительства становятся соучастниками преступлений, поскольку оказывают поддержку — в том числе информационную — тем, кто проводит репрессии на Украине. «Демократия в Европейском союзе закончилась», — делает вывод финский политолог. В самом деле, мировые эксперты отмечают, что жизнь простого человека на Украине потеряла какую-либо ценность. Нынешний бандеровский режим официально объявил, что отказывается исполнять Европейскую конвенцию по правам человека. Это единственное государство в Европе, «дореформировавшееся» до подобной политики.

И когда Порошенко заявляет, что «мы защищаем не только свою территорию, а возможно, Европейский континент и всю систему мировой безопасности», то это прямой плагиат из выступления Адольфа Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года, где говорилось, что «Советская Россия представляет смертельную опасность не только для германского рейха, но и для всей Европы». Поэтому западные политики и организации всячески одобряют использование бандеровских формирований против украинского народа, поскольку банде-

ровцы зоологические русофобы. А все, что направлено против русских и России, поддерживается и оправдывается США и Европейским союзом.

Отсюда должно быть понятно, что заявление Гжегожа Схетыны об освобождении Освенцима украинцами — это не случайная оговорка, а продуманная политика польских властей, политика, направленная против России. Польские власти даже согласны закрыть глаза на преступления бандеровцев против польского населения в годы Второй мировой войны, поскольку бандеровцы для них — это «патриоты» Украины. Шутим? Нисколько. В 2005 году президент Польши Квасьневский и президент Украины Ющенко встретились во Львове и поклялись над прахом украинцев и поляков, погибших в бандеровско-польской резне, в вечной дружбе и стратегическом партнерстве.

Из речей двух «стратегических партнеров». Квасьневский: «Здесь покоятся останки участников польско-украинских боев, в большинстве своем молодехи, отдавшей жизнь за то, чтобы Львов принадлежал создававшейся тогда независимой Польше. В ту пору столкнулись два чаяния, два патриотизма, две национальных гордости». Ющенко: «Здесь на львовском кладбище погребены люди, которые любили свою родину. Для нас, украинцев, почетно воздать почести всем, кто погибал в братоубийственной трагедии». Именно эти нечестивых «два патриотизма» представляют сегодня главную опасность для мира в Европе.

Поэтому когда бывший министр иностранных дел Польши говорит об украинцах, освободивших Освенцим, под этим подразумевается, что именно «патриоты» Украины, т.е. бандеровцы, были освободителями не только Освенцима, но и Кракова, да и всей Польши. Сказать об этом прямо сегодня еще неудобно, поэтому польский дипломат использует эвфемизм «украинцы». Главное, чтобы не было никакого упоминания о русских, России, Советском Союзе. К этому сводится вся политическая мудрость нынешних западных правителей. Что эта мудрость ничего общего не имеет ни с историей, ни с сегодняшней действительностью, их не волнует и не интересует. Западных правителей волнует лишь одно: сохранение бандеровского режима на Украине как режима сугубо профашистского и антироссийского. Как тут не вспомнить крупного политического деятеля Уинстона Черчилля, который на московской встрече в 1944 году с главой польского эмигрантского правительства в Лондоне Станиславом Миколайчиком так охарактеризовал умственные способности польской шляхты: «Недавно я беседовал с вашим гене-

ралом Андерсом, и мне кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумашествие. Русских разбить невозможно!.. Вы не правительство, вы ослепленные люди, которые хотят уничтожить Европу... У вас на уме только низменные собственные интересы... Вас следует посадить в больницу для умалишенных». Разве не очевидно, что на нынешнее умалишенное шляхетско-бандеровское братство надо поскорее надеть смительную рубашку.

Россия и франко-немецкий фактотум

Переговоры в Минске по прекращению военных действий на Юго-Востоке Украины правильнее назвать не комплексом мер по политическому урегулированию ситуации на Донбассе, а комплексом мер по установлению возможного временного перемирия между киевской властью и новороссийскими ополченцами. Почему следует квалифицировать данные переговоры только таким образом? Потому что переговоры велись вокруг устранения последствий этого кризиса, а не выяснения его истинной природы. В чем заключается природа украинского кризиса? В том, что он обусловлен политикой нынешней киевской власти, а не ополченцами Новороссии. Дело в том, что нынешняя киевская власть абсолютно несамостоятельна, она является лишь инструментом в реализации геополитических интересов Запада, в первую очередь США, на постсоветском пространстве. И от киевской власти в этом переговорном процессе ничего не зависело. Сам состав «норманнской четверки» и ход переговоров это подтверждают.

Фактически переговоры велись не между Донбассом и Киевом, а между Россией и Европейским союзом, за спиной которого маячили США. Роль киевских представителей в этой дипломатии чисто декоративная. Следовательно, и реализация этих договоренностей зависит не от желания Порошенко и его команды, а от политики Запада в отношении Украины и России. А какую политику на деле, а не на словах стремятся реализовать Европейский союз и США на Украине? Совершенно ясно — антироссийскую. Вся эта возня с евроинтеграцией Украины есть лишь продолжение одной и той же антироссийской политики Запада на постсоветском пространстве, начиная с 1990-х годов. Никаких кардинальных изменений в этой политике не произошло. Цель ее — развалить Россию, а если это не удастся, ослабить ее, чтобы она не мешала беспардонно хозяйничать западной олигар-

хии и военщине в бывших советских республиках. В первую очередь, разумеется, на Украине.

Все это давно изложено в работах американского русофоба польского происхождения Збигнева Бжезинского и является альфой и омегой геополитики США в отношении России. Поэтому когда некоторые «эксперты» рассуждают о том, что США не удалось вбить клин в отношения между Россией и Европейским союзом, что минские переговоры вывели янки из участия в урегулировании украинского кризиса, то это просто наивные мечтания.

Пикантность всей этой дипломатии в том, что и Европейский союз в лице Германии и Франции на данных переговорах играл лишь роль марионетки США. Элементарная логика: не будь США, не было бы никакого украинского кризиса.

Вот и выходит, что реальные переговоры велись между Россией и США, хотя последних формально и не было в Минске. Но это и не важно, были доверенные исполнители администрации президента США — А.Меркель и Ф.Олланд. Если бы эта истина была открыта для всех — дипломатов, журналистов, экспертов, то тогда было бы понятно, что от этих переговоров ожидать политического урегулирования украинского кризиса не приходится. Не затем США совершали государственный переворот на Украине, приведя к власти своих очередных марионеток, чтобы потом заниматься политическим диалогом и примирением Киева и Юго-Востока. Это означало бы, что США должны были бы признать собственную вину за украинский кризис. Но это из области политической фантастики. На деле же политики США стремятся не к миру на Украине, а к войне, точнее, к американскому миру на Украине, что тождественно войне. Американский политолог Стивен Лендман в интервью Sputnik абсолютно правильно сказал, что президент Обама хочет войны, никак не мира, а Донбасс — это его война. Вот откуда и вытекает объективная невозможность реализации миротворческих усилий переговорщиков в Минске.

Возьмем 11-й пункт «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» о проведении конституционной реформы на Украине, предполагающий в качестве ключевого элемента децентрализацию украинских регионов, где речь идет и о праве на языковое самоопределение, на участие органов местного самоуправления в назначении глав органов прокуратуры и судов, о содействии со стороны центральных органов власти трансграничному сотрудничеству с Россией, о создании органов народной милиции по решению местных советов. Спросим: могут ли США согласиться не на фиктивную,

а на реальную децентрализацию, автономизацию, федерализацию Украины? Разумеется, нет. Вот на развал России они согласятся, а на федерализацию Украины — нет. Ибо реальная децентрализация или федерализация Украины ставит крест на всей антироссийской политике США и Евросоюза в отношении не только Украины, но и всех других постсоветских стран. При реальной децентрализации или федерализации Украины ни о каком присутствии НАТО на ее территории нельзя будет вести речи, ибо Юго-Восток никогда с этим не согласится. При реальной децентрализации или федерализации Украины русский язык будет признан государственным языком Юго-Востока и бандеровщине с ее дегенеративными ламентациями об «уничтожении Москвы и разрушении Кремля» в этом регионе делать будет нечего. Но ведь и втягивание Украины в НАТО, и запрет русского языка, и геополитическая война против России — это и есть реальная политика США на постсоветском пространстве. Следовательно, этот ключевой пункт «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» при нынешней политике США и Европейского союза по разрешению украинского кризиса абсолютно невыполним. А тогда становится бессмысленной вся конструкция политического урегулирования на Украине. Только укрепление многополярного мира, тесный союз России и Китая могут охладить милитаристский пыл США и являются надежной гарантией подлинного мира и безопасности на постсоветском пространстве.

Польско-шляхетские интриги на Украине

Почему нынешняя польская шляхта так активно поддерживает воинствующее безумие бандеровцев на Украине, прикрывая свою любовь к бандеровцам высокопарными рассуждениями об украинцах как о «великом европейском народе»? Потому что это соответствует генетической русофобии польской шляхты, ее закоренелой ненависти к России и русскому народу. Польская шляхта, будучи гонорливой в отношении белорусов и украинцев и льстивой перед американцами, немцами и французами, в душе своей посмеивается над простотой украинцев, верящих в польскую защиту неньки Украины от «агрессивной» России. Следует отметить, что не какие-то там великие украинские историки типа М.С. Грушевского отыскали Украину и украинский народ еще в эпоху Киевской Руси, а именно польская шляхта сфальсифицировала общерусскую историю после разделов Речи Посполитой в XVIII веке и навязала эту сфальсифицирован-

ную историю денационализированным малороссийским интеллектуалам в XIX веке. Эту же сфальсифицированную поляками общерусскую историю воспроизводит Порошенко в своем указе о чествовании Великого князя Киевского Владимира Святославича как «основателя средневекового европейского государства Руси-Украины» в связи с тысячелетней годовщиной со дня его смерти. Поляки и бандеровцы хотят записать великого древнерусского государя, так сказать, в украинского евроинтегратора. Большой глупости по отношению к русскому князю придумать нельзя, который в свое время подобным евроинтеграторам из Рима ответил: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли вашей веры».

Впервые название «украинцы» в этническом смысле этого слова встречается в квазиисторической работе польского графа Яна Потоцкого «Очерк исторической и географической Скифии, Сарматии и Славян», изданной на французском языке в 1795 году, который, несмотря на свою русофобию, все-таки выводил украинцев от восточнославянских племен — полян, древлян, северян, волынян и бужан. Но этого для противопоставления украинцев и русских польской шляхте было недостаточно. И вот уже другой польский граф Тадеуш Чацкий, который вместе с Гуго Коллонтаем и Адамом Чарторыйским умело использовал либерализм российского императора Александра I в своей антирусской деятельности на территории нынешних Белоруссии и Украины, в псевдоисторической работе «О названии «Украина» и зарождении казачества» (1801) объявляет, что украинцы произошли от **укров**, особой славянской орды, пришедшей на Днепр из-за Волги в первые века нашей эры. От **укров** Чацкий вывел Украину не как нарицательное название, а как собственное имя, а от Украины — украинцев. Эти польские выдумки были разоблачены в «Истории русов», опубликованной в начале XIX века неизвестным автором, скрывшимся под именем архиепископа Георгия Конисского. «С сожалением должно сказать, — пишет он, — внесены некоторые нелепости и клеветы в самые летописи малороссийские, по несчастью, творцами оных — природными русскими, следовавшими по неосторожности бесстыдным и злобным польским и литовским баснословцам. Так, например, в одной ученой историйке выводится на сцену из древней Руси, или нынешней Малой России, **новая некая земля при Днепре**, называемая тут Украиною, а в ней заводятся польскими королями **украинские казаки**; а до того будто бы сия земля была пуста и необитаема и казаков в Руси не бывало. Но, видно, господин пи-

сатель таковой робкой историйки не бывал нигде из своей школы и не видал в той стране, **называемой им Украиной**, русских городов старейших от его, королей польских».

Таким образом, сегодняшние упражнения бандеровских историков, доказывающих происхождение украинцев от «укров», есть не что иное, как заурядный плагиат из псевдоисторических сочинений польской шляхты на рубеже XVIII—XIX веков. Само собой разумеется, что этот бандеровский плагиат нынешняя польская шляхта с радостью тиражирует, способствуя тем самым развалу украинского государства, рассчитывая в дальнейшем на прихватизацию части украинских земель в свои руки. Как это было, например, в XIV—XVI веках.

Трагедия нынешних честных и искренних украинцев состоит в том, что они вынуждены изучать свою историю на основании антиисторических выдумок польской шляхты, истинная цель которой путем разжигания ненависти в среде восточнославянских народов (белорусов, русских, украинцев) реализовать свою иезуитско-униатскую политику на Украине.

Взять, к примеру, Ивана Мазепу, которого именно польские русофобы выставляют в качестве символа украинской свободы. На самом же деле Мазепа о свободе народа никогда не помышлял, а его поведение было поведением самой низкой измены. Судите сами. Накануне Полтавского сражения Петр I был в непрестом положении, и тут Мазепа изменяет своему благодетелю, перебежав на сторону Карла XII. С Мазепой перешли на сторону Карла XII только 1200 казаков. Вот вам и борец за свободу украинского народа. Видный малороссийский историк Н.И. Костомаров в работе «Мазепа и мазепинцы» писал: «Гетман Мазепа как историческая личность не представляет никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь». Мазепа изменил своей родине, польстившись на польские приманки, ему уже был подготовлен княжеский герб, и он выпрашивал себе владения в Белоруссии. Мазепа замыслил измену и Карлу XII, чтобы вернуть себе милость Петра I, но не успел осуществить свой замысел.

История — великая наука. В ней можно найти ответы на причины нынешнего кризиса на Украине. Сегодняшние бан-

деревцы кричат, что «Украина — это Европа». Но опять же незадача. Это очередной плагиат из русофобских писаний польской шляхты. В XIX веке денационализированный, т.е. ополяченный малоросс Франциск Духинский, активный участник польского восстания 1830—1831 годов, находясь в эмиграции в Париже, сочинил «теорию», что «москалей» не арийского происхождения, а туранского. Исходя из этой «теории», он предлагал Западной Европе создать буфер от «москалей» из польского государства, в которое входили бы белорусы и украинцы. Так называемый «санитарный кордон» Черчилля или нынешнее «Восточное партнерство» представляют собой переиздание соответствующих программ польской шляхты первой половины XIX века.

Или возьмем такой вопрос. Нынешняя власть в Киеве постоянно объявляет о мобилизациях граждан для войны с Новороссией. По признанию самих бандеровских чиновников, мобилизации провалены, никто не хочет воевать за европейскую Украину, никто не хочет быть, так сказать, европейским патриотом. А ведь все это уже было во времена Петлюры. Когда этот предшественник бандеровцев попытался провести мобилизацию для войны с Россией, то ничего у него не вышло. В 1919 году Петлюра признавался, что украинские офицеры ненадежны, ибо почти поголовно стоят за объединение с Россией, и что необходимы офицеры-немцы. Вот и сегодня мы видим то же самое: против Новороссии воюет не столько украинская армия, сколько всевозможные натовские банды иностранных наемников и бандеровских дегенератов. Отсюда и вопли современного Петлюры — Порошенко к США о поставках вооружения для его воинства. Очевидно, что речь идет не только о поставках вооружения, но и поставках американских наемников для войны с украинским народом. Отсюда и польско-шляхетские интриги на Украине, цель которых — максимально орусифицировать современную украинскую элиту, чтобы побыстрее развалить украинское государство.

Западные фарисеи и Россия

Ни для кого не секрет, что Запад в своей стратегии развития на постсоветском пространстве преследовал и преследует цель сделать из Украины военно-политический плацдарм НАТО против России и Евразийского союза. Эта навязчивая идея закодирована в геноме западной элиты, о чем свидетельствует вся общерусская история, начиная с агрессии немецких крестоносцев и политики польской шляхты про-

тив Руси и кончая нынешним расширением НАТО на Восток. Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби подчеркивал, что Запад по отношению к России был всегда антиагрессором.

Сегодня всем становится ясно, что западная политика несет не демократию и свободу нашим народам, а ведет к насаждению ксенофобских, фашиствующих режимов в постсоветских республиках.

Наглядный пример — поведение правительств Литвы, Латвии, Эстонии. Они потому и бегут со своей русофобией впереди всей Европы, что ничем не отличаются от бандеровцев на Украине. Последние — их политические и идеологические единомышленники, а фашизация прибалтийских республик была всегда для них тайным желанием, которое сегодня они с радостью делают явным. Ибо цель западной политики, как откровенно заявил в прямом эфире 11 марта 2015 года военный аналитик американского телеканала Fox News, генерал Боб Скейлз: «США должны убивать как можно больше русских в Донбассе». Вот и вся западная демократия!

Но тут вступает в свои права, как говорил Гегель, хитрость разума: западные политики предполагают, а логика истории располагает. Западные политики мечтали о том, что при помощи бандеровцев и еврейских олигархов (Коломойский, Порошенко, Пинчук и др.) они выкачают из Украины материальные ресурсы и, ублажив желудки своих обывателей, тем самым обезопасят себя от их социальных и экономических требований, а в действительности вышло, что из Украины они ввозят в Европу бандеровский фашизм. Известный немецкий журналист Кристоф Херстель прямо обвиняет Ангелу Меркель в поддержке «нацистов на Украине». Вот что на самом деле скрывалось за лозунгом евроинтеграторов «Украина — це Европа» — обыкновенный фашизм.

Западным политикам кажется, что благодаря фашизации Украины и своим санкциям они ослабят Россию и усилят геополитический потенциал западного мира, а на самом деле они способствуют окончательному становлению России в качестве самостоятельной и независимой державы и, следовательно, собственному ослаблению. И вместо задуманного создания на Украине военно-политического плацдарма против России США и ЕС объективно работают на политическое, умственное, нравственное оздоровление и укрепление русской цивилизации, в том числе и Украины как составной части русского мира. Дело в том, что бандеровская фашизация Украины окончательно просветляет сознание наших на-

родов насчет действительной агрессивной политики Запада на общерусском пространстве.

Своей поддержкой фашизации Украины и санкциями против России США и ЕС ускоряют процесс укрепления стратегического союза России и Китая, ведут дело к созданию нового евразийского порядка планетарного масштаба. То есть к совершенно противоположному результату, чем тот, на который они рассчитывали. Так история насмехается над так называемой мудростью западных фарисеев. Как говорил папа римский Франциск I в своем обращении к Европейскому парламенту 25 ноября 2014 года, «несмотря на сильный союз, кажется, что Европа — это старый и изможденный человек. Она все реже является главным героем на мировой арене... Учреждения Европейского союза воспринимаются как безразличные и даже вредоносные, по отношению к интересам отдельных народов». Эти слова с полным правом относятся и к США. Посмотрите на их конгрессменов, например, Маккейна и станет ясно, что речь идет о совершенно маразматических существах.

Таким образом, надо понимать, что разваливается не просто Украина и украинское государство, а разваливается вся идеология и политика евроинтеграции Украины, которая была построена на бандеровщине. Разваливается именно по причине ее фашистской сущности. В этом плане евроинтеграция Украины закрывается, и никакие ляхи, то есть янки, здесь уже бандеровцам не помогут. Но не закрывается возрождение Украины и украинского народа на основе возрождения общерусской истории, ибо нет союза сильнее и святее, чем союз между русским и украинским народами.

Русофобия как европейская ценность

Нам прожужжали все уши о нетленных европейских ценностях, которые наподобие диогеновского фонаря освещают дорогу к царству демократии для наших якобы нецивилизованных народов. Казалось бы, все хорошо. И права человека, и свобода, и благополучие, и толерантность — разве к этому нельзя не стремиться всем нам, погрязшим в коррупции, криминальном бизнесе, авторитаризме и тому подобным нехорошим явлениям? Но вот закавыка! Почему-то благородные европейские ценности намертво связаны с русофобией и фашизмом.

Взять, к примеру, прибалтийские республики, которые уже приобщились к европейским ценностям. И что мы видим? Открытую пропаганду ненависти к России и русскому язы-

ку, политическое восхваление прибалтийских эсэсовцев и такое, так сказать, достижение европейскости, как институт негражданства. Не правда ли, странные какие-то европейские ценности? Создается впечатление, что речь идет не о современных демократических странах, а об античных рабовладельческих полисах, где наряду с институтом рабства был установлен и институт негражданства для метеков (некоренные жители, не имевшие гражданских прав). Если такова логика развития европейских ценностей, то, видимо, следующей европейской ценностью для Прибалтики следует ожидать учреждение института рабства. Тогда демократия в прибалтийских полисах приобретет свой завершенный, можно сказать, классический характер.

Или посмотрим на порошковскую Украину? О молодой европейской демократии на Украине кто только не говорит. Даже янки, находящиеся за тридевять земель от Украины, и те только о том и думают, как убереечь эту демократию от коварных происков «деспотичной восточной империи». И так они, бедолаги, задумались о спасении молодой европейской демократии на Украине, что забросили все свои домашние дела. И в самом деле, есть от чего хмурить американские лбы, ведь Украина — это даже не Европа, Украина — це Америка. Как тут не порадеть родимой сторонущке! Представьте себе, Обама и Маккейн день и ночь вспоминают о родных украинских степях, где их предки казаковали против ляхов. И вот они отсылают на свою милую Украину Ярьсько, которая должна найти место для их ранчо на украинских просторах до того, как плутократ Порошенко по своей торгашеской натуре успеет заложить украинские прерии фанаберистым ляхам.

Правда, опять возникает вопрос — а при чем здесь европейские ценности Украины? Ведь ни для кого не секрет, что для плутократа Порошенко и его бандеровских дегенератов вся их так называемая государственная деятельность вызвана не заботой о развитии демократии и плюрализма в стране, а совершенно противоположными целями. Под предлогом осуждения «тоталитарных режимов» Порошенко и бандеровцы стремятся возродить именно идеологию и практику фашизма на Украине. Такова диалектика ситуации, когда фашизм реанимируется через знак равенства с коммунизмом. На практике это означает, что подобное уравнение направляется не против нацизма, а на фальсификацию нашей отечественной истории, в первую очередь против России и общерусской цивилизации. Ибо для всех очевидно, что с 9 апреля 2015 года, когда принята декоммунизация Украины,

официальная власть в Киеве — это именно русофобия и фашизм. Это и есть реальные европейские ценности для Украины. И все, кто поддерживает эту власть, — суть пособники фашизма.

Но кто главный предстатель (покровитель) этих европейских ценностей для Украины? США и Европейский союз. О чем это говорит? О том, что сами западные правители недалеко ушли от античных рабовладельцев и тиранов.

Поэтому главная европейская ценность сегодняшних западных предстателей бандеровской власти в Киеве — это русофобия. Именно эту ценность проповедают они со своих религиозных и политических амвонов и стремятся реализовать на постсоветском пространстве под видом евроинтеграции и продвижения НАТО на Восток. Для этого используется жупел тоталитаризма. Дело в том, что западные русофобы, пытаясь дискредитировать нашу общерусскую историю, искусственно сочиняли различные схемы и модели, которые либо не имели к нашей истории никакого отношения, либо сознательно извращали исторический процесс и его научное познание.

В частности, это касается и так называемой концепции тоталитаризма, которую нынешние русофобы и просто недалекие историки положили в основу изучения отечественной истории XX века. Американский историк Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» констатировал: «Все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики, получили наиболее полное воплощение в «тоталитарной модели» 1953—1956 гг.». Анализируя аргументы авторов «тоталитарной школы», Коэн показал, что они стали отождествлять сталинскую Россию с гитлеровской Германией, советский коммунизм с нацизмом и т.д. Вот откуда, оказывается, заимствовали сегодняшние русофобы свои убогие мыслишки о тождестве Сталина с Гитлером и СССР с фашистской Германией. Из антинаучной фашистской и западной реакционной историографии 1940—1960 годов.

Хотя на самом деле у фашизма и так называемых западных демократий гораздо больше сходства, а на почве русофобии и антисоветизма они выглядят как братья-близнецы. Фашизм зародился и вырос в бесчеловечное государство в недрах западной цивилизации. Фашизм — порождение Запада. «Чтобы замаскировать этот факт и снять с Запада ответственность за фашизм, — справедливо указывает видный российский историк Виктор Земсков, — происходит масси-

рованное пропагандистское и идеологическое наступление с целью любым правдоподобным обоснованием свалить вину за фашизм на Советский Союз. С этой целью в ход пошли понятия «тоталитаризм», «тоталитарный режим» с последующим отождествлением гитлеровской Германии и СССР».

Ставить на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз, вермахт и Красную Армию — это не просто фальсификация русофобов, а их моральное и политическое преступление перед человечеством.

Таким образом, битва Новороссии против бандеровцев и их западных предстателей-русофобов на Украине — это есть сегодня битва человечества против мирового зла.

Власть, лишенная человеческого образа

Киев — колыбель общерусской истории, мать городов русских, один из красивейших городов не только в Европе, но и во всем мире, и в то же время какой парадокс: в этом красивейшем и святом месте для каждого нашего человека поселилась безобразная власть, то есть власть, лишенная человеческого образа. Словно наступили времена диких орд, которые своими набегами до неузнаваемости обезобразили наш славный Киев. И опять требуются былинные богатыри, которые освободили бы этот исторический русский город, как говорили наши летописцы, от поганой нечисти. В данном случае, говоря о безобразной киевской власти, подразумевается не только категория эстетическая, но именно категории историософская, так сказать, категория святоотеческая, где воедино слились история, культура, цивилизация, ментальность наших народов — русских, белорусов, украинцев.

Почему нынешняя киевская власть безобразна? Потому что она **беззаконна, раболепна, несправедлива, антинациональна, мстительна, неразумна**. Это нечто напоминающее период Смутного времени в России в начале XVII века с небольшими, если так можно выразится, терминологическими корректировками. Когда вместо семибоярщины — семиолигархия, вместо иезуитов — западные дипломаты-лицемеры, когда к ляхам добавились ещё янки и немцы, а вместо Гришки Отрепьева — Петр Порошенко.

Беззаконна — означает, что она опирается не на право и закон (Верховная рада, президент, конституция — фиговые листки украинского государства, предназначенные для западных фарисеев), а на антиисторическое мракобесие бандеровских дегенератов и на антироссийскую политику Ва-

шингтона и Берлина, для которых Украина лишь разменная монета в их геополитической войне против России и Китая. Американский политический аналитик Стивен Лендман в статье «Война Обамы против России» прямо сказал, что неоконсерваторы, «заполонившие» администрацию президента США, объявили России негласную войну, что доказывается «беззаконной политикой на Украине», и что Вашингтон стремится уничтожить все суверенные независимые правительства, а в особенности главных конкурентов — Россию и Китай. А другой американский журналист Эрих Зюсс на страницах OpEdNews констатирует, что «современная политика США по сути своей не сильно отличается от политики фашистских государств во время Второй мировой войны, одной из главных целей которой являлось разрушение России». Именно поэтому президент США Барак Обама отказался приехать в Москву 9 мая на юбилейные торжества, посвященные 70-летию Победы советского народа и Великой Отечественной войне. Именно поэтому киевская власть хочет Великую Отечественную войну наших народов против фашизма заменить Второй мировой войной и отмечать не День Победы 9 мая, а европейский день памяти и примирения 8 мая. Этим она стремится не только объявить США победителем во Второй мировой войне, но также поставить знак равенства между всеми участниками войны. По логике беззаконной киевской власти, гитлеровцы, бандеровцы, прибалтийские нацисты-эсэсовцы, коллаборационисты в других странах ничем не отличаются от защитников Отечества. А поэтому их надо примирить и забыть о фашизме. Это непристойная и оскорбительная фальсификация киевской властью истории Великой Отечественной войны.

Раболепна киевская власть потому, что она характеризуется абсолютной политической несостоятельностью, а следовательно, полнейшей зависимостью от западной бюрократии и олигархии. Собственно, это признает и так называемый министр финансов Украины Наталья Ярьсько, которая выпрашивает у своих западных хозяев финансовую помощь, иначе, по ее словам, Украина превратится в «несостоявшееся государство». Ярьсько говорит о государственной несостоятельности в будущем времени, но правда в том, что при нынешней раболепной киевской власти Украина уже превратилась в несостоявшееся государство. Что доказывает наличие министров-иностранцев в так называемом украинском правительстве. По законам лакейской психологии свое раболепие киевские простернаты прикрывают воинственным фанфаронством о том, что они защищают демократию и ев-

ропейские ценности, европейскую и международную безопасность и тому подобным лакейским бахвальством. Им и невдомек, что лакеем оказывают не финансовую помощь, а дают лишь чаевые, что лакеям не по статусу вести речь о демократии и ценностях, их обязанность совершенно другая: прислуживать своим вашингтонским и берлинских господам. Не сомневаемся, посол США в Киеве Джеффри Пайетт быстро укажет киевским лакеям на их действительное место в мировой политике. Неужели не ясно, что лакеи, кем, в сущности, являются нынешние киевские властители, никогда не станут господами. Их место в лакейской комнате, а не в европейском доме.

Несправедлива — потому, что она исходит не из интересов украинского народа, а озабочена лишь выполнением требований западных финансовых структур и собственными олигархическими интересами. Конфликт между Порошенко и Коломойским вокруг компании «Укрнафта» является наглядным подтверждением. Фактически это даже не власть, а бессердечные шейлоки, для которых человеческое сердце всего лишь фунт мяса. В этом заключается ее антинародная сущность. Ослепленные витринами западных супермаркетов, порошенки, яценюки, ярьески начисто лишились способности элементарного соображения. Думать, что ротшильды и соросы всерьез озабочены, как спасти Украину от экономической катастрофы, — значит безумно предположить, что западные плутократы вдруг решили отказаться от своей прибыли, сделались бессребрениками.

Антинациональна — потому, что, прикрываясь словами о территориальной целостности Украины, она на самом деле стремится превратить украинскую территорию в натовский плацдарм против России и Китая. Это то же самое, что сделали американские марионетки в Прибалтике. Как отмечает немецкий политолог Арно Кленне, «Украина нужна США как поле битвы с Россией».

Мстительна — потому, что труслива. Только трусливый человек может быть мстительным. Демонстрацией своей мстительности он хочет казаться как другим, так и самому себе сильным. А на самом деле он этим доказывает свое бессилие. Так называемая люстрация, осуществляемая под благовидным предлогом очищения власти от коррупционеров, есть не что иное, как проявление лакейской мстительности нынешней киевской власти, необоснованно возомнившей себя хозяином положения.

Неразумна нынешняя киевская власть потому, что она как попугай заучила одну фразу «Украина — это Европа» и но-

сится с ней, как дурак с писаной торбой. Вот уж действительно: пошли дурака молиться, он и лоб расшибет. «В Европу, в цивилизацию», — заклинают киевские евроинтеграторы на своих партийных съездах, митингах, в программах. В этом глупом повторении одной и той же фразы Европейский союз рисуется в образе библейской обетованной земли, а украинцы уподобляются древним евреям, блуждающим по пустыне в поисках земного рая. Украинцам, по библейским прогнозам евроинтеграторов, осталось блуждать совсем немного. Всего лишь сорок лет. Иерихонские стены, отделяющие Украину от Европы, падут, и украинцы наконец-то попадут в европейское царство благоденствия. А пока под неукоснительным руководством западных фарисеев и книжников, киевские дураки трубят в свои евроинтеграционные трубы, чтобы довести украинский народ до той стадии социально-нравственной деградации, физического вымирания и умственного отупения, когда об украинцах и говорить упадет необходимость.

Совокупность перечисленных признаков даёт основание квалифицировать нынешнюю киевскую власть именно безобразной не только в эстетическом отношении, но и в сугубо человеческом смысле. Про такую власть, думается, все настоящие украинцы могут сказать одно: глаза бы мои ее не видели.

ПУНАШКИ, ВОРОТЧА И ГОСЬБА

РАССКАЗ

Весна у нас на Летнем берегу Белого моря долгая. Месяц март за весенний даже и держать нельзя. И если в средней полосе России говорят: «Пришел марток — одевай семь порток», то у нас до середины марта — чистый февраль. И вьюги, и морозы, и колотун, особенно на открытых местах. Сидят рыбачки у лунок на озерах и прячут красные физиономии от «сиверка», а тот, как будто зима во дворе, замедает порошей лежащих на льду окуней. И солнце уже высоконько висит, и дни вполне длинные, но не могут они пока, не могут совладать с холодами.

Только к концу марта начинает старичье выползать из-под надоевших хоромин. С утра пошел по крышам светлый денек, заиграл искорками в сосульках, затенькали по ноздреватому от первого тепла снегу быстрые, острые капельки, и вот кряхтя и бурча, незлобиво по-доброму переругиваясь, выползают на свет Божий старички и старушки (в основном — старушки), рассаживаются по своим крылечкам и, опираясь на потертые батожки, начинают с ребяческим интересом, со

ПРОЗА

вниманием разглядывать распахнувшееся перед ними Божье мироздание. Как надоел им за зиму кислотоватый, душный запах старых жилищ!

Дожили до новой Весны! Опять солнышко греет старческие щеки, опять прыгают по улице и ковыряются в размягших лошадиных кучках веселые галки.

На море, что напротив деревни, лед еще стоит крепкой коркой, и белое ледяное поле бесконечной широкой полосой уходит в морскую даль. И вот, наконец, в этой дали, на самом горизонте появляется темная полоса: это сильные весенние южные ветра поднимают потеплевшую волну и разбивают ледяную кромку. Опять к уставшим от зимы людям приходит их вечный добрый сосед — море — морюшко.

Деревенским мужикам, кто помоложе да острее глазом, не терпится сходить на «зверя» — морского тюленя (нерпу) и морского зайца — лахтака.

Поэтому идет пристрелка винтовок-трехлинеек. Винтовки выдал им колхоз, которому спущен план на тюленьи шкуры да тюленье сало. Мужик ставит к морской кромке полено, сам ложится за бревно у деревенских амбаров, долго целится, наконец раздается оглушительный хлопок, который улетает за угоры, окружающие деревню, и пропадает в лесных далях.

А вокруг стрелка, пооткрывав рты, стоит стайка местных оборванцев, среди которых и автор этих строк с замиранием сердца вглядывается на все приготовления, манипуляции с винтовкой и канючит:

— Дядя Толя, дай нам тоже стрелить.

Дядя Толя, конечно же, суров, потому как он не просто сейчас мужичок на конюшне или, там, на тракторе, а человек, которому Родина доверила такую великую драгоценность как ружье! И он не дрова, допустим, колет, а готовится к зверовому промыслу!

На мальчишеское нытье он и не реагирует. Лишь позволяет кому-нибудь из нас принести с берега простреленную чурку и поставить новую. Но в конце пристрелки все же наступает счастливая минута: дядя Толя дает каждому из нас лечь за винтовку и прицелиться. При этом старательно разъясняет, как совмещать мушку с целиком, наводить их на мишень, как медленно надо нажимать на спусковой крючок. Это было блаженство!

Настоящая весна начинается с начала апреля. Солнце уже высоко и долго стоит в синем небе, все ближе и ближе подбираться к зенитной маковке, все теплее греет и, глядя на деревню, поля и лес, как бы спрашивает:

— Ну вот, я так стараюсь, а когда же вы все собираетесь избавиться от вашего дремучего холода?

И будто уступая этим настойчивым просьбам, природа медленно-медленно начинает сбрасывать с себя и в самом деле так надоевшую ей стужу.

С теплой стороны логовин сквозь снег начинает до земли просачиваться талая вода. Скатываясь по пологим склонам, она достигает дна и попадает в мелкие ручьи, слабо журчащие, мирно себе текущие под снегом по узким ложбинам. Наплыв талой воды вспучивает ручейки, их спокойное, незамысловатое течение превращается в бурные потоки. Темная, насыщенная полевой грязью вода вырывается из-под снега и, смешанная с ним, с весенним мусором, волнуется, шипит, бурлит, пенится, несется по не разломанному льду к морю. Даже, ничемные ручьишки превращаются в речки.

Это надвигающийся гром весны, вступающей в свои права. Первыми из перелетных птиц в наши края прилетают галки и чайки. Маленькие вороны — галки, не боясь людей и собак, деловито, по-хозяйски, скрипуче переговариваясь друг с дружкой, не торопясь, начинают вышагивать по деревенским подтаявшим дорогам, ковыряются в высунувшихся из-под снега ерновинах, шныряют на взвозах, ворошат утоптанное старое сено, гуляют по навозным кучам. А чайки кричат там, у открывшегося моря. Их гомон, так памятный от прошлого, давно ушедшего лета, манит, зовет весну.

В самом конце марта — начале апреля прилетают долгожданные пунашки.

Веселые стайки этих вездесущих птичек обрушиваются на деревню, как радостный благовест, как долгожданное событие. Их звонкое пение, похожее на треньканье маленьких колокольчиков, звенит то там, то здесь. Птички эти размером чуть больше воробья удивительно красивы. С бело-серо-черным оперением, они отчетливо видны на фоне синего неба, но трудно различимы на подтаявшем, грязноватом весеннем снегу.

Пунашки — мальчишечья радость. Испокон века мужское подрастающее поколение любит ловить пунашек в силки. Это подлинное спортивное состязание, это охота, это страсть! Кто поймал больше, кто оказался удачливее, кому подфартило сильнее! Это разминка после зимнего тягомотья перед веселым летом.

А чего, уважаемые сограждане, стоит сама подготовка к ловле пунашек! увлекательнейшее занятие, скажу я вам. Занимательный процесс! Посудите сами.

С начала надо подготовить плашки, которые и являются главным охотничьим устройством для организации пунаш-

кового промысла. Весь фокус в том, что у кого лучше плашки, тот на коне, с ним удача и фортуна, тот ходит промежду всеми гоголем, и в деревне бабки, тетки и мужики сказывают: «Васька, младший-от, Гаврилы-то Логиновича который, на эту весну самой удачливой в деревне. Уж четырнадцать пунашков взял постреленок. Весь в батька! Тот-то охотник дак!».

А Гаврило Логинович, местный лесник и по совместительству лютый браконьер, имеющий от природы важную походку, еще больше важничает и ходит по деревне впереди пузом. У него ведь не только сын знаменит пунашками, он и сам не оплошал: взял в эту зиму медведя на берлоге и крупную рысь-кота из-под собаки. А сколько лося, не учтенного в лицензиях, добыл — это только ему самому известно... Да и все довольны — полдеревни в эту зиму мяско браконьерское кушало, и вот интересный факт: никто не подавился. Поэтому Гаврилу Логиновича деревня уважает. Завидует, но уважает. А теперь еще вот Васька вперед вышел... Конечно, он помог своему Ваське сделать плашки, это знают все, но от этого Васькин успех не становится менее славным. Изготовить добротные, уловистые плашки — дело, на первый взгляд, пустяшное, незамысловатое: какая тут хитрость — доски да конский волос, но на деле те, кто так считает, приходят домой пустые и грызут ногти, от непонятной неудачи сидя на печке. Грамотные, добычливые охотники десяти-двенадцатилетнего возраста производят их следующим образом.

С начала надо пойти на конюшню и выклянчить у конюхов конский волос.

Ну, это так простецки звучит: пойти да выпросить. А ты пойд и выпроси. А я на тебя погляжу, на наивного человека...

Конюх, брат ты мой, это сугубо занятой человек. Ему надо лошадь вывести, запрячь, встретить, распрячь, поставить в стойло, сани на место поставить. Ему надо упряжь содержать, чинить, хранить. Он должен сенца подкинуть, овса трухнуть, а для этого и сено и овес надо откуда-то принести.... Опять же лошадка должна быть в чистоте, она в своем стойле должна отдохнуть от тяжелой работы за день, потому что завтра у нее опять трудная, нудная ходьба между оглоблями. Да и сам он, конюх, он, как и лошадь, тоже ведь человек, и ему требуется перекурить, передохнуть. А тут ты, малолетний сын деревни подходишь, отвлекаешь его от работы или от перекура, и с наглой молокососной бессовестной физиономией заявляешь:

— Слышь, дядя Федя, мне нужен конский волос для силков, пунашек хочу ловить.

Конюхи таких бесперомонных людей не любят. Где уважительный подход? Где слова о его дядифединой значимости как конюха и как доброго человека?

Он, может быть, тебя и не треснет (твой батька ему сам может крепко накостылять), но промолчит, скривит конюховскую свою образину, сплюнет на подталый лед какую-то сине-зеленую гадость и молча уйдет в темное чрево конюшни, где пофыркивают и пританцовывают в своих стойлах деревенские кони.

Еще раз к нему подходить бесполезно, дядя Федя разговаривать с тобой больше не будет.

Я такую картину однажды увидел и обратился за советом к отцу. Он мне сказал:

— Дак сосед-то наш, Николай Семенович, в этом годе на конюшне работает. Иди к нему. Я ему прошлым летом рюжу давал навагу ловить. Не должен отказать.

И я поймал около конюшни Николая Семеновича, дорогого своего соседа, у которого с отцом, в самом деле, были хорошие отношения.

Дело было после школьных занятий. День клонился к вечеру, но еще вовсю светило апрельское солнышко и справный конюх дядя Коля сидел на южном крыльчке конюшни, на разогреве, в одной рубашке с накинутой на плечи ватной «горбушкой» и чинил упряж. Толстую иглу он просовывал в дырки, протаскивал капроновую нитку, сшивал кожаные пластинки сбруи: от долгого употребления нитки в местах крепления с кольцами перетираются, поэтому нужен постоянный догляд. Хуже нет, когда в пути расползется упряж. Особенно зимой в лесу, да с возом, да на морозе, да когда один-одинешенек. Сиди, кукуй, мерзни, некому помочь.

Дядя Коля сидел с уже раскрасневшейся от солнышка физиономией, крутил своей иглой и мурлыкал невесть какую песенку.

Когда меня увидел, обрадовался:

— Пашка, вот ештвоюлять, ты откуда здесь?

У Николая Семеновича была странная, непонятная никому поговорка «ештвоюлять». Он применял ее повсеместно, при любом разговоре и в любой обстановке хоть за чаем дома, хоть на людях. За глаза его кое-кто так и звал — «Коля — ештвоюлять». Но все его любили за незлобивость и безотказность.

— К тебе пришел, дядя Коля. Дело вот есть.

— Како-такое дело? Сказывай, сосед.

Я запереминался, стал чего-то мямлить, неловко было сразу просить: мол, отрежь волосьев от хвоста ... Потом все же сформулировал главную задачу:

— Плашки надо бы поставить, пунашек бы наловить, дядя Коля.

Николай Семенович воткнул иглу в дырку, зияющую в деревянном настиле, отложил кожаные ремешки, поерзал на бревнышке и развернул худощавое свое тело ко мне. Красивое его лицо всеми молодыми морщинками, всей давненько не бритой щетиной устремилась со вниманием к моей персоне:

— Тэк-тэк, Пашка. Стало быть, за сильями пришел.

— Ага, за сильями, дядя Коля.

Слава богу, не пришлось долго ничего объяснять. Догадливый у меня сосед.

Николай Семенович вытянул вперед правую ногу и как-то двумя руками сразу полез в карман штанов. Он пошаркал в своем кармане и вынул оттуда крепко измятую пачку «Севера», вернее то, что от нее осталось. Мне было интересно, как в таком комке измятой бумаги может сохраниться хоть одна захудалая папироса. Но вот удивительно, он подергал его в разные стороны, кое-как расправил и вытащил из какого-то боку бесформенный предмет, отдаленно похожий на папиросу. Дядя Коля, бурча какие-то слова, из которых ясно слышалось только одно несколько раз повторенное «ештвоюлять», положил предметик на свою широкую крестьянскую ладонь, другой прихлопнул, покатал туда-сюда, приоткрыл верхнюю ладонь, и вот передо мной уже лежит обычная папироса. Прямо фокусник! Я на все это смотрел с восторгом.

Николай Семенович, как ни в чем не бывало, зажег свою папиросу, широко вытаращил зеленые глаза, уставил их в какую-то небесную точку и вдохнул, наконец, всей неширокой своей грудью, как самый изысканный и вкусный, ароматный дым неизвестно на какой фабрике сварганенных деревенских папирос «Север». Несколько секунд он не выдыхал, уставясь в небо, видимо наслаждаясь тем, как табачный дым заполняет легкие, переваливается там с боку на бок, согревая и услаждая живую ткань. Потом блаженно, со сладким надрывом сказал отчетливо: «Хо-о-о», и из его округленного рта, как из маленькой печной трубы, вырвались остатки того, что не застряло в закоулках груди.

Меня от этой картины передернуло. Однажды на повети у своего приятеля Васьки Федотова мы спрятались и тайком распечатали пачку «Севера». Я совершил судорожную попытку сделать затяжку... Меня тогда вырвало, Ваську тоже. Кроме того, мне досталось от своего батьки, который всё откуда-то узнал ... Курить после этого мне больше не хотелось.

— У тебя плашки-то есть? А знаешь ли ты, как их делать да ставить? — задал мне такие вопросы дядя Коля.

Что мне было ответить? Теоретически я кое-что знал: и отец поднаучил, и ребята рассказывали, но с реальным делом я еще не сталкивался.

— Конечно, знаю, — сказал я бахвальски. — Что я, маленький какой?

Я боялся одного: конского волоса дядя Коля мне не даст, если поймет, что я совсем ничего не умею. Чего на неумеху добро переводить? Или сунет того, чего только взять да выбросить.

Дяде Коле на ту минуту делать было особенно нечего: кони на выгоне, все почти работают там да сям, одна только вот эта упряжь... И он стал со мной говорить.

Вообще говоря, в нашей деревне взрослые мужики с такими молокососами, как я, особото и не разговаривают. Че время зря тратить, че рассусоливать и воду в ступе толочь. Вот если подзатыльник, если за дело — это, пожалуйста.

Но Николай Семенович отложил свои дела и стал разговаривать со мной как с равным, очень рассудительно, обстоятельно, как с таким же, как и он, мужиком.

Это меня потрясло и наполнило великой гордостью и важностью.

— Перво-наперво, каки должны быть плашки? Это досочки, каки в амбаре или дровянике найдешь. Но не длинные, а так полметра примерно. А лучше всего, Паша, смотри. — И он нарисовал пальцем на втоптанном в старый снег мусоре оконную раму.

— Найди где-нибудь или выпроси у кого-нибудь, ештвоюлять, старую раму, котора на выброс. Самолучша плашка будет, вот что я тебе скажу, Паша. А ставить ее надо будет так. Вот рама, а вот в этих проемах ты закапывашь еще по одной или по две плашечки и у тебя весь этот кусок земли будет закрыт. Бери с меня пример. Я раньше все время так ставил — пунашкам некуда деваться. Самый уловистый вариант. Всех, ештвоюлять, облавливал. По десять штук зараз! Было время-времечко.

Николай Семенович попыхтел опять папироской. Глаза его блестели, в них прыгали огоньки азарта. Видно, что инструктора меня, молодого бойца, ему, как бывшему сержанту Советской Армии, самому стал нравиться.

— Плашки — это дело важное, а силаь — еще важнее! Вот, к примеру, ты, ештвоюлять, знашь как правильно сделать сило? А, знашь?

— Конечно, знаю, кто этого не знает? Велика важность!

— Да не знаешь ты, Паша, не знаешь! Никто этого не знает, потому как знаю это только я один — Николай Семенович Майзеров, лопшеньгский мужик. А вот я сейчас тебе покажу.

И он убежал к себе, в торец конюшни, в конторку, где конюхи обычно бражничали. Это помещение знали все деревенские мужики. Они похаживали в гости к конюхам. О конторке этой знали и жены тех мужиков и самих конюхов, и все обещали конторку ту спалить. Да как ее спалишь — она ведь в конюшне. Не будут же бабы палить конюшню.

Из конторки Николай Семенович принес пучок белесого конского волоса.

— Это от Поратка волос. Самолучший припас для себя. Да куда теперь ештвоюлять мне за пунашками ходить. Хотя хочу, Паша, ох темнеченько, как хочу.

Он опять уселся на бревенчатый настил, отделил от пучка две волосины, остальные отдал мне:

— Забирай, пока не передумал. Лучше нету, сам убедишься. Смотри, как надо делать.

Дядя Коля взял один волос, согнул его пополам, поднял петелькой кверху и пальцами обеих рук начал скатывать сверху вниз. Очень быстро получилась длинная косичка с круглым ушком на конце. Дядя Коля подтянул нижний конец «косички» и просунул его в ушко. Получилась самая настоящая петля.

— Вот теперь эту петлю надо приладить к плашке. Научить?

— Научить, дядя Коля, научить.

— Ни хрена, ештвоюлять, не умеете, молодежь.

Он поднял с земли щепку, достал из ножен рыбацкий свой ножик, обстругал, получилась маленькая острая лопатка.

Потом продавил кончиком ножа поверхность бревна, образовалась маленькая щель, взял только что приготовленную петлю и спросил меня:

— Ну-ка, скажи мне, охотник, каких размеров петелька должна быть?

Вопрос был сложный. Ясно, что пунашок должен попасть в петлю головкой, но я не знал его настоящих размеров, видел птичек только в полете.

— Вот, дорогой мой сосед, на этом прокальваются все пунашочки. Они делают маленькие петли, потому пунашки в них не попадают. Они разгуливают, ештвоюлять, по плашке как по Невскому проспекту и не попадают.

Я не бывал на Невском проспекте и не знал, как по нему так разгульно можно гулять пунашкам. Николай Семенович бывал на нем проездом из Германии, где служил срочную.

— А какие должны быть петли? — Я не мог не задать этот важный вопрос.

— Иди сюда, пунашочник, следи.

Он просунул в петлю три толстенных конюховых своих пальца.

— Вот секрет тебе показываю. Проверено, ештвоюлять. Только никому не сказывай, это я тебе по-соседски тайну раскрываю. В самый раз. Ну-ко давай свою пятерню.

Он просунул мою ладонь в только что отмеренную улови-стую петлю. Она влезла вся.

— Вот так вот и примеривай, сосед. Наловишь больше всех, Паша. А теперь гляди, как крепить надо.

И дядя Коля заостренной щепкой вогнал конец силка в бревно, в сделанную им расщелинку, легко постучал полешком по торцу щепки, ловко качательными движениями отломил щепку от того, что осталось в бревне и звонко прикрикнул:

— Гаттов-в-вая!

Из бревна ровнехонько и красиво торчал белесый силок, сделанный из волоса, до недавнего времени, украшавшего хвост колхозного коня Поратка.

Николай Семенович сделал из двух пальцев фигурку, напоминающую чьи-то ножки, и эти ножки стремительно, ничего не подозревая, побежали по бревнышку прямо в разъявленную, смертельную пасть петли. Перед этой жуткой пастью они остановились, вместо двух ножек образовался вдруг один торчащий указательный палец дяди Коли, и вот он-то, бесшабашный, рванулся в коварную ловушку.

— Этть, ештвоюлять! — крикнул опять с детским восторгом дядя Коля, и его палец затрепыхался, завертелся в коварной петле в бесполезных попытках из нее выдернуться.

— Доставай пунашка, Пашка! Гат-товвая! — взвизгнул опять Николай Семенович и порвал сило согнутым пальцем.

Потом он достал последнюю папиросу, закурил, несколько раз переменял сидячую свою позу, и сказал мне очень важную вещь:

— Знашь ли ты, Паша, отчего у которых-то деревенских обормотов, пунашки имеются и рыба клюет, а у которых-то и нет совсем?

Я хлопал глазами, я не знал. По сути дела, это была тайна из тайн. Ключ к охотничьему и рыбацкому успеху. Добычливых людей в народе уважают, над неудачливыми посмеиваются. А мужики с удачей есть! Есть такие мужики. Вон возьми хоть, например, Николая Васильевича Пунанцева по кличке Копачка. Он, даже если на свой огород рюжу поста-

вит, ему навага весь кут зальет. А на нерпу ему и в море ходить не надо — напротив дома, с берега, сколько хошь настреляет. Вот добытчик, так добытчик. Добрая за ним слава водится.

Я хотел быть таким же удачливым и иметь такую же славу. Поэтому я хотел наловить много пунашек.

Николай Семенович замолчал. Он пыхтел скукоженной папироской и, повернув свое тонко устремленное лицо на небо, сильно сощурившись, глядел куда-то в сторону тепло-го солнышка, катившегося к окончанию дня. Наверно там, в далекой-далекой сторонушке выглядел он и разглядывал теперь в эту минутку ту самую Тайну мужицкого успеха. А та, словно вертлявая бабенка, поворачивалась перед ним то одним, то другим заманчивым своим боком. Красовалась перед симпатичным дядей Колей.

Я, сидя перед ним на бревнышке, весь извертелся. Очень уж хотелось мне узнать то, чего не знаю я, а дядя Коля знает.

Но задавать вопросы и канючить: «скажи, да скажи!» было нельзя. В деревне не любят тех, кто много болтает, уважают тех, кто много делает. Я старался расти степенным, сдержанным, как, допустим, мой отец. Если уже что сказал, так сказал, как железный столб на километр в землю загнал — трактором не выдернешь.

Дядя Коля, видя, что папиросина догорает, сделал последние быстрые, глубокие затяжки, положил ее на большой палец и ногтем указательного пальца стрельнул папиросу резко и умело. Та улетела метров на пять, в голубую даль.

Он поднялся на ноги и, встал передо мной во весь немаленький свой рост. От этого стал для меня еще внушительнее и загадочнее. От него пахло лошадами и сеном — пахло конюшней — и нашей деревней. Вдруг он полунаклонился ко мне и, приложив ладонь стенкой ко рту, проговорил вполголоса, как бы украдкой, как так, чтобы никто больше не слышал:

— Воротча пройти надо, Паша, воротча. А без этого пунашков ты не поймашь. От стариков это идет, никому этого не переломить...

И заоглядывался по сторонам, мол, не сболтнул ли чего, заторопился-заторопился. Напоследок потряс мою руку, поправил горбушку и быстро шагнул к конюшне. Уже от дверей вернулся, наклонился опять ко мне, и страшно воняя табачиной, шепотом пропыхтел мне на ухо:

— Только ты, ето, сосед, никому, ештвоюлять, про ето не сказывай. А то ежели, ештвоюлять, все будут знать про ето — всех пунашек переловят, тебе и не оставят. Понимашь, аль нет?

Я не знал, чего и сказать, глядел на него ошалело, только кивнул в знак понимания. Хотя не соображал ничего.

Дядя Коля опять быстро шагнул пару раз к конюшне и опять вернулся.

У него было не дыхание, а выхлопная труба плохо переработанной табачины, труба кремотория, в которой не до конца, небрежно сжигают табачные отбросы. И опять на лице выражение человека, выдающего государственные секреты.

— Ты вот что, сосед, понимать должен, не у всех наших старух воротча подходящи. Таки заразины водятся, ешт-воюлять. Ты у ней воротча пройдешь, а тебе, ештвоюлять, еще хуже пунашки запопадают. Выбери каку надо, Паша, спроси у батьки, он знает.

Он позыркал по сторонам своими зелеными, будто в великой опаске сощуренными глазами и прошептал мне стратегическую информацию:

— Вопше ты знашь, Паша, у родни твоей, у Сусаньи Петровны воротча самолучши. Я сам какой-то год проходил у нее. Пунашки попадали, спасу нету. Верна бабаня.

И ушел за дверь. На этот раз насовсем.

А я еще долгонько сидел на бревнышке и никак не мог сообразить: что это за штуковина такая — эти воротча? Почему их надо проходить у деревенских старух? Потом побегал домой делать плашки.

За ужином я извертелся весь. Хотелось у отца спросить про эти самые воротча, но сомневался, с какого боку подойти, чувствовал, есть какой-то подвох в этом вопросе.

— Ты пошто худо ешь, Пашко? — поинтересовался батя, загребая ложкой свежую уху.

Ну, случай подвернулся, надо спрашивать:

— Папа, а у кого мне воротча пройти? У какой бабки?

Отец только-только откусил от хлебного ломтя, ему надо было жевать, но жевать он не начал. Какое-то время сидел с набитым ртом и с вытарашенными глазами. Мама уже было поднесла ложку ко рту, но вдруг положила ее обратно в тарелку, задрала голову, да как начала хохотать. Развеселая такая стала.

Отец стал оторопело на меня глядеть и быстро жевать. Потом сосредоточенно уставился в одну точку на столе. Подносил ложку ко рту, скулы его ходили ходуном. Он ошалело глядел в эту самую точку и, видно, думал какую-то думу и молчал. Был очень серьезен. Все же и он не выдержал момента и, глядя на смеющуюся маму, вдруг прыснул, потом себя пересилил, посерьезнел и спросил меня вполне строго:

— Тебя, Пашко, кто ето научил воротча проходить?

Да знаю я эту напускную отцовскую суровость. Брови хмурит, а в глазах доброта ...

— Сосед наш Николай Семенович. Ты же сам меня к нему послал. Он сказал, что самолучшие воротча у родни нашей — у Сусаньи Петровны. Иначе пунашки ловиться не будут, и рыба клевать.

Тут отец не выдержал, плечи его затряслись, и он побежал за дверь, на поветь. Я понял — чтобы просмеяться.

А мама хохотала во весь голос. Она положила руки на стол и уперлась в них лбом, смеялась мама звонко.

И в самом деле, я не понимал, чего это мои родители так развеселились. Про воротча эти я давно уже слышал, знал, что проходить их надо, хотя и не понимал, что это такое.

Но для меня было совершенно очевидно: штука это важная, даже необходимая в промысловом деле. Тогда почему родители к ней так несерьезно относятся?

Отец, как ни в чем не бывало, пришел с повети и уселся на свое место — в торце стола. Начал есть рыбу, пойманную еще зимой шуку. Мы ее много тогда привезли на санях с озера Никиткина. И мама сказала:

— К Сусанье Петровне нельзя идти, я с ней поругалась.

— Когда-эт ты успела? — округлил глаза папа. — Ты все время с ней ладишь.

— Лажу, да не всегда, оказывается, — ответила резковато мама, подбоченилась, поглядела в окно и фыркнула.

Она всегда так фыркала, когда говорила о женщинах, с которыми была не в ладах.

— Ну, и в чем же вы не сошлись, кумушки? — хмуро поинтересовался отец, снимая мундир с вареной картошины. Он страсть как любил вареную картошку с соленой рыбой. Я тоже.

— Она тебя шаяляком назвала. Старушка сама, а все ей обзывать надо.

— Может, я шаяляк и есть. Форменный. Может, так оно и есть. Родня — она родня и есть. Может и сказать.

Все же у отца в краю глаза мелькнула искорка обиды, и он тему продолжил:

— Чего эт Сусанья Петровна меня костить стала? Вроде я ей ничего худого и не делал.

— Ты, Гриша, за что-то ругнул Павлу Гавриловну, вот бабушка и осердилась.

Павла Гавриловна приходилась дочкой Сусанье Петровне. Жила она с большим семейством в другой половине нашего дома, приходилась нам соседкой и близкой родней.

Но, по правде говоря, всяко было в наших отношениях в разные времена....

— А чего она, деинка, овец своих на нашей половине держит. Огороду разгородила. Нам самим травка нужна. У нас вон пять штук своих. Ягушка ходит суюгна. Траву нашу изводит деинка. Родня — родней, а каша наша, а не ваша.

Отец посмотрел на меня с видом человека, докопавшегося после долгих поисков до истины и с треском хлопнул ладонями по коленам:

— Вот оно что! А я думаю, чего это Павла Гавриловна на меня глазами рыскает да не разговариват. Я и матюгнул-то ее маленько всего. Так, для легкой острастки. А она, гляди-ко ты, осердилась соседка, губу выпятила.

— Не надо бы ругаться с соседями, Гриша. Вон оно как получается, ругань одна вышла да обида. Пусть она, эта трава... Отношения дороже. А для овечек ребята, вон, из припольков травы наносят.

Отец крепко уважал своего дядю, женой которого и была Павла Гавриловна. Конечно, ему никаких конфликтов не хотелось, но что теперь поделаешь — матюги уже вылетели из его возмущенного рта. Надо теперь все улаживать. Зря он погорячился, зря.

Он попил чаю и засобирился куда-то по делам. А мне наказал:

— Ты, Паша, насчет Сусаньи Петровны правильно все решил. Пойди к ней воротча проходить. Она, в самом деле, бабушка справная. Да и любит она тебя, я знаю... Не должна отказать. Только один не ходи, неудобно, собери ребят. Не ты один в деревне пунашочник...

На другой день в школе я собрал ватагу таких же, как я, оголтелых охотников — промысловиков из второго-третьего-четвертого класса. Все они жаждали пройти воротча, все понимали сугубую важность этого неотъемлемого от удачной охоты дела, все осознавали совершенно твердо: воротча не прошел — дичь пролетит мимо тебя, зверь пройдет мимо, точно так же минует тебя и рыба.

После школы я повел этот отряд искателей удачи к дому Сусаньи Петровны. Она жила в центре деревни, почти напротив здания бывшей церкви, где теперь располагался сельский клуб.

Дом ее стоял на пригорке, в стороне от деревенской улицы, и мы, как и полагается охотникам, не стали ломом туда ломиться, а остановились, спрятались за большим костром дров, что стоял на обочине улицы и подглядывали из-за него: где же обитает предмет нашего охотничьего вождения Сусанья Петровна? Дома ли она? Чем занимается?

А Сусанья Петровна была около дома. Она ходила в больших мужских резиновых сапогах, в старенькой залатанной во множестве мест фуфайке, по закрайку своего огорода, и собирала, оттаявшие из под снега, сырые чурочки и полешки — все дрова, и складывала их на просушку поверх кучи старых досок.

Обстановка была вполне благоприятной. Увидев такое дело, я сказал единомышленникам:

— Можно выходить.

Сам я часто дышал, мне было страшновато появление из-за поленницы на белый свет и на глаза Сусаньи Петровны. Я откровенно трусил. Так, наверно, побаивается молодой солдат вылезать из окопа и идти в первый раз в атаку на пулеметы. Но вылезать надо было, потому, что ребята знали: я — родня, а родне в деревне не принято отказывать. Поэтому на пулеметы я пошел первый, отряд промысловиков нерешительно плелся сзади.

Сусанья Петровна стояла около кучи старых досок и держала перед собой двумя руками сырую чурочку, как будто играла на гармонии. Увидав нас, целую ватагу человек из десяти, она сильно изумилась и стояла с полуоткрытым ртом. Старческое, морщинистое лицо ее, немного припухлое от ветра и весеннего солнышка, сейчас словно порозовело, посвежело. Обычно, маленько уже скособоченная от тяжести прожитых лет, она вдруг разогнулась, вытянулась и спросила нас весело и дружелюбно:

— А куда это вы, мужики таки красивы, путь-дорогу направяете? В каку-таку сторону?

Все молчали, хмыкали носами. А я вроде за старшего: я ведь всех сгношил за воротчами идти. Мне и держать ответ. Надо было с какого-то боку начинать разговор. Сложный разговор, непонятный, но чрезвычайно важный.

— Мы это, бабушка Сусанья, по делу к тебе пришли.

— Да что ты, Паша, да что вы, родненькие вы мои! — Сусанья Петровна всплеснула бы привычно руками. Ох умеет она руками махать, да чурка у нее в обеих руках. Она поводила туда-сюда чуркой, запричитала:

— Да чем же я, старушка така, смогу вам помочь-то, голубочки-то вы мои. Не могу я уж боле ничего. В больших уж годочках-то стала я...

И тут я назвал цель нашего прихода:

— Нам бы воротча у тебя пройти, баба Сусанья.

Сусанья Петровна как стояла, так и села на старые досочки. Посидела она на этих досочках, поглядела на нас с приветливой улыбочкой, и спросила вполне радушно:

— А послал-то вас кто ко мне, окаянные?

Тут уже все вступились, загалдели, видя, что дело может и выгореть.

— Вся деревня нас послала, бабушка, вся деревня. Все говорят, что у тебя воротча самы лучши.

Сусанья Петровна еще маленько посидела на старых досочках, поохала, видно что притворно, незлобно поругала и нас, и всю деревню: вот удумали окаянные, изгаляются над старухой такие-сякие...

Потом она с кряхтеньем, но довольно бойко поднялась, оглядела нас с насмешливым видом, приказала:

— Ну, пришли, дак и пойдем. Заходите в избу, хулиганье. Только ноги выколачивайте. Грязно подит-ко на улке-то теперича.

В избе Сусанья Петровна усадила нас на длинную лавку, что стояла вдоль всей левой стены. Кому лавки не досталось — заняли табуретки, а кто-то уселся прямо на пол.

— За пунашками собрались, — поинтересовалась старушка, а сама зачем-то взяла веник, стоявший у печки в углу, и положила его в правую руку. Примерила, крепко ли сидит он у нее в руке. Было видно, что веник держался в руке крепко.

«Зачем ей веник-то? — подумалось нам всем, — да еще такой, без листьев совсем, одни ветки голые... Если таким веником по одному месту...»

— Ну, что же, детки, будут вам пунашки. Хорошо налови-те. У меня воротча легки.

Она подошла к двери, настезь открыла ее, а сама встала у порога спиной к двери, лицом к нам. В правой руке — веник, левой она подобрала подол сарафана, сколько можно было, задрала подол кверху и расставила широко ноги. Между оголенных старушечьих ног образовалось что-то вроде маленьких ворот.

«Вот они какие-такие воротча, — подумалось мне, — но теперь надо же как-то через эти воротча проходить. А как?»

— Кто первой-то будет? Давайте по очереди.

Куда мне было деваться? Я и пошел первый. Так, наверно, прыгает из самолета в ночь, в неизвестность первый десантник. Ему труднее всего. За ним — все остальные. Им легче.

Я скакнул к бабушке Сусанье, упал перед ней на карачки и так, на четвереньках проскочил ее воротча. При этом крепко получил по заднице бабушкиной метелкой. Пулей вылетел из дверей на улицу. Пролетел над ступеньками. Выскочил на улицу как ошпаренный. Словно из бани в снег. И страшно и весело. За мной на улицу стали выскакивать другие промысловики. У всех в глазах веселый азарт. Многие

почесывают свои задницы. Сусанья Петровна каждого ода-рила своей метелочкой.

Все разбежались вскоре по своим ребячьим делам, а я все стоял у крылечка Сусаньи Петровны, как будто ждал чего-то, чего и сам не знал. Что-то держало меня.

Может быть, меня тревожила образовавшаяся трещина в отношениях между моим отцом и Сусаньей Петровной. А ведь мы родственники. Кроме того, я любил и его и ее. Я ведь знал, что она крестила меня вместе с моей бабушкой Агафьей Павловной.

И вот она, дородная, покрасневшая после проведенной процедуры, статная, выехала из дверей на свое крылечко.

— О, — сказала она с отчетливым удовольствием, — Пашко, ты чего, окаянной, здесь ишше?

— Тебя жду, бабушка Сусанья.

— Чего же в дом тогда не заходишь, дитяtko?

— Да чего-то боязно.

— Лешой-то с тобой! Разве можно родни своей страшиться. Совсем ты, Пашко, стыд потерял. Срамоток-то какой! Ох темнеченько...

Сусанья Петровна сокрушенно закачала головой, запричитала:

— Вот родня, дак уже родня, срам да и все!

— А чего это ты, бабушка Сусанья, к нам в гости не заходишь? — задал я главный свой вопрос. Этот вопрос меня в самом деле тревожил, потому что я в самом деле любил Сусанью Петровну. — И бабушка Агафья тебя давно ждет.

Тут она подбоченилась, положила кулаки на широкие свои бедра, и резковато высказала то, что тяжестью лежало на ее доброй душе:

— А как я к вам ходить буду, если твой батько шалак. Ты че не знашь, че он Павле, дочке моей наговорил?

Я, конечно, знал, чего там было. Там, в самом деле, было мало литературных слов. Но я очень хотел, чтобы они помирились, и я пошел на военную хитрость. Я нашел нужные слова.

— Не знаю, чего уж он ей мог сказать такого... Он ведь деинку Павлу очень уважат. А че меж соседями не бывает? Так ведь, бабушка Сусанья?

А потом я выстрелил из пушки в дальнюю-дальнюю десятку и попал:

— Кажинный вечер, когда ужинать садимся, папа спрашивает нас: чего это Сусанья Петровна, наша самолучшая родня к нам в гости не захаживат? Вот бы с ней опять в пестушка-та сыграть.

Половина деревни знала бесконечную бабушкину страсть: очень уж она любила картежного петушка и была в этой игре всегдашним чемпионом. Мой аргумент Сусанью Петровну прямо-таки ошеломил. Она вздернула кверху так и не выпавшие с годами длинные ресницы бывшей первой деревенской красавицы, и дрогнувшим, помягчелым голосом спросила:

— Че, в самом деле, меня вспомянат, дурак этакой?

— Вспомянат, бабушка, вспомянат. Да все добрым словом. Куда, говорит родня самолучша пропала? А бабушка Агафья ему подпеват. Да и мама тоже.

Сусанья Петровна приоткрыла рот, грузно села на ступеньку, и уставилась в одну точку.

— Вот, окаянный, и надо ему было дочку мою ругать, — сказала она задумчиво, но уже как-то вполне умиротворенно.

— А может, и не ругал он ее совсем. Может, и она не в духе была, мало ли чего ей показалось.

Бабушка Сусанья поглядела на меня, вполне весело.

— Вот ишше заступник нашелся. Ждут там меня, поди ты как, нате-ко. Ладно, хорошо што и сказал. — И стала меня прогонять: — Ты, Пашко, или в дом заходи, чай будем гонять, или побегай с богом, пунашек ловить. У меня воротча ладны, много поймашь.

И я помчался по своим делам. На душе лежала радость от удачно проведенного разговора.

За ужином я опять весь извертелся. Сколько ведь было событий за сегодняшний день, а отца с матерью как будто ничего не интересовало. Отец старательно хлебал уху из соленой вымоченной щуки, доставал ложкой рыбу и, внимательно разглядывал приличные куски, с разных сторон их обкусывал, обсасывал кости. Они с мамой вели бесконечный разговор о хозяйстве, о том о сем, о корове, которая вот-вот отелится; о том, что, скорее всего, будет не бычок, а телушка и ее надо будет выгуливать до следующей зимы.

Я похмыкивал и разглядывал родителей с крепкой досадой: ну о чем они толкуют? О каких-то пустяках. Тут вон какие события состоялись...

— Ты, Пашко, чего как на шиле сидишь? — наконец-то заинтересовался отец.

— Дак у него же сегодня воротча были, — хмыкнула мама и заулыбалась.

— А у кого же ты их проходил? — спросил отец, как будто первый раз об этом услышал.

— Дак у Сусаньи же Петровны. Ты же сам меня к ней направил.

Я не понял сразу, чего это отец стал таким забывчивым?

— К этой карге старой? Не мог я тебя к ней послать. Греховодница она, кокорина. Меня обзывают, страхи божьи как.

Ну и характер у моего батяни! Он ругался показушно, это было видно невооруженным глазом. Видно, что любит родню свою, Сусанью Петровну, жалеет о размолвке с ней, а норов свой выказать все равно надо. И самое главное — не знает, как снова наладить с ней отношения? Сам ведь не пойдешь в ножки падать: прости, мол, меня, шаялка, дорогая тетя! А где гордость мужицкая? Да-а, нехорошо получилось, неладно. Отец взглядывал на меня, и в глазах его явно читалась надежда: не принес ли я какую-нибудь добрую весточку?

— Не выгнала она тебя, греховодница, родню свою? А может, и в дом не пустила?

Подробно я рассказал о том, как бригада местной шантрапы проходила воротча. Мама опять хохотала, а отец держал суровое лицо, но как-то вздрагивал и подавался вперед.

Ему тоже видно хотелось посмеяться, но он всеми силами давил этот смех: ведь речь шла о Сусанье Петровне, а он был сейчас с ней не в ладах.

Но когда я стал рассказывать о разговоре с ней, состоявшемся на ее огороде, отец начал вращать глазами, поменял выражение лица на недоуменное и, отхлебывая из граненого стакана чай, стал тарашиться на меня и спрашивать:

— Чего, так и сказала, что больше на меня не сердита? Че, так и сказала?

Сусанья Петровна так не говорила, но мне очень хотелось внести в семью лад. Почему-то мне казалось, что от этого всем будет хорошо. И я весь изошелся в своем вранье:

— Нагольну правду сказываю. Так мне и сказала. Грит, батько твой шаяк, но мужик он все-таки справной.

Папа вытарашил глаза на маму. Лицо его выражало растерянность от такого вот нахальства и глубоко спрятанную радость одновременно. Какое-то время он сидел молча с полюбвисшей нижней губой, наконец, пробормотал:

— Ну, не знай, что тут и делать, не знай...

— А что делать, мириться тебе надо с ней, Гриша, — решительно высказалась мама.

— А как? — спросил после раздумья отец.

Не допив чай, он вдруг вскочил, подошел к печке, схватил быстрым движением пачку «Звездочки», что лежала на просушке на теплом надпечнике, и убежал на крыльцо. Теперь сидел там, часто кашлял и проворачивал, наверно, в голове

так и этак взад-вперед всякие думы над внезапно изменившейся ситуацией.

Потом, пропахнувший табачиной, он вернулся, плюхнулся на свой стул, стал допивать свой чай. Мы с мамой внимательно его разглядывали, ведь папа, наверно, что-то решил и сейчас нам объявит свое решение. И отец, наконец, сказал:

— Ты, Паша, если такое дело, сходил бы к бабушке Сусанье. Пусть она придет к нам в гости.

Пока он это говорил, то глядел в одну точку — на маму.

Говорил мне, а глядел на маму.

Он всегда так делал, когда не был вполне уверен в своей правоте. Мама была главным оценщиком его слов и решений. На этот раз решение принять было трудно, но он так рассудил, и мама ему не возразила.

Эх, как же возрадовалась тогда авантюрная моя душа! Не зря, значит, замутил я весь этот концерт. Родители шли уверенной поступью в заданном мною направлении.

— Сейчас-то поздновато уже, пап, может завтра схожу?

— Кака тут спешка может быть? Кака? Пошто суету разводить. Сразу торопиться не надо. Тоже надо фасон выдержать. А то скажет Сусанья: не успела пригласить, а они уже под окошками шастают. Прискакали... Не-е, до завтра надо выждать.

Глаза у отца светились тайным светом радости: спадала с плеч тягость глупой, никчемной ссоры.

В тот вечер он еще несколько раз выходил на крылечко. Там курил и курил, и кашлял, но уже как-то весело. Так переживал он пришедшую на сердце радость.

А я на другой день после школы пришел к Сусанье Петровне.

Изда ее была не на запоре, но хозяйки в ней не оказалось. Я заглянул во входную дверь, постучал прислоненным к углу, батожком, покричал. Нет, ни слуху, ни духу. Обошел вокруг весь дом — пусто. Куда-то убрела старушка. Пришлось применять какие-никакие охотничьи навыки. Стал изучать следы. Около крыльца натоптано было много чего — к бабушке народец похаживает, да и я в том числе. Но метрах в трех от крылечка вроде бы обнаружился и ее след. Вот они, ее резиновые чуни направились куда-то по огороду. Да вон куда убрали старые ножки — в дальний угол, туда, где находился погребок с картошкой да с другими прошлогодними припасами. Погребок был укрыт в чреве старенького амбарчика, приплюснутого временем и тяжелыми зимними снегами. Выстроенный лет двести назад «в лапу», с торчащими теперь в углах по сторонам неровными гнилыми бревнами, покрытый рваным от старости древним тесом, амбарчик походил

на взъерошенную ворону, на которую сверху что-то упало и маленько придавило.

Сусанья Петровна, в самом деле, была в погребе. Она шабаршила на дне его всякими деревяшками да ведрами, чего-то там перекалдывала. Кряхтела при этом и тихонько напевала какую-то старую-престарую песню.

— Здравствуй, бабушка Сусанья, — крикнул я сверху вниз.

— Ох темнеченько, хто ето там? — заойкала бабушка и полезла по лесенке вверх.

Я сидел на корточках перед дырой погреба. Лицо Сусаньи Петровны, окантованное серым теплым платком, не постарушечьи зарумяненное весенней работой, оказалось передо мной.

— О Пашко! Здравствуй-косе! Ты откуда тут, окаянной! — Видно, что она была рада мне. Она не ждала от меня нехороших вестей.

Да и мне было радостно видеть ее. Бабушка Сусанья всегда меня привечала.

— Папа и мама приглашают тебя к нам в гости. Чаю пить.

Сусанья Петровна поднялась до конца по ступенькам, кряхтя на карачках вылезла из амбарчика на улицу, встала во весь рост, отряхнула с одежды погребной мусор и села на порожек. Меня она усадила, напротив, на чурочку и, щурясь от весеннего солнышка сказала:

— Чевоу это, Паша, твои батько с маткой меня приглашать удумали? Я им разве нравлюсь? Я же собачусь с ими.

— Не-е, бабушка, они тебя любят.

Сусанья Петровна повернула лицо к морю и задумалась. Старые глаза ее глядели на плавающие по синей воде белые льдинки.

Она о чем-то думала, развязывала узелки памяти. Потом, будто выбросив из дома старые, уже залежалые вещи, сбросила с лица следы отжившей печали и сказала мне с широкой улыбкой:

— Вот родня, так родня! Одно названье! Чаю попить зовут! А я, может, и не согласна совсем. Кто так мирово устраиват?

— А как надо, бабушка? — Я в самом деле не понимал, чего это удумала Сусанья Петровна? А ведь чего-то удумала!

А она поднялась с порожка, встала во весь свой крупный рост, заткнула кулаки в бока и, хитро и едко улыбаясь, сказала мне твердо:

— Ты, Пашко, скажи им, этим, родне моей, твоим батьке с маткой, пускай они дураков-то не строят сами из себя. Я чаю попить и у себя могу. А ежели они хотят мирно со мной жить, с бабушкой, родней своей, пусть госьбу устраивают.

Она потянулась вся, тряхнула бойко плечами, словно молодуха, и, считай, пропела:

— Давненько я, Паша, на госьбах не плясывала.

Отец, выслушав мой отчет, вытаращил глаза:

— Кака ишше така госьба? Праздника-то вроде нет никакого. С какого-такого матюка петь да плясать-то будем?

Мне было совершенно видно, что отец радовался повороту дела. Он ведь крепко уважал Сусанью Петровну и страх как хотел с ней замирился, но соби́рание гостей, веселье с песнями да с плясками ни с какого боку в ситуацию не укладывалось.

И он стал звать на совет маму. Та, услышав такую новость, поначалу застыла в недоумении. Потом села на крылечко и стала хохотать.

— Ну, бабушка Сусанья, вот так бабушка! Ведь все в свою сторону поворотит, — выговаривала мама сквозь смех.

Потом она сказала нам:

— Садись, Гриша, рядом, и ты, Паша, садись. Будем думать, чего тут делать?

Мы посидели, подождали маминого решения.

— Вот, мужички, чего я вам скажу. Денег, конечно, нету, а делать нечего, надо в какой-то вечер людей позвать, посидеть, песен попеть. Давно песен не пели... (Эх, мама любила песни петь.) А бабушка Сусанья человек всяко не чужой, близка родня. Помрет, не приведи Господи, и помирился не успеем. Не-ет, чего уж тут, надо посидеть, надо госьбу делать.

Папа к госьбе был готов всегда. Видно, что он обрадовался такому повороту дела.

— А в кадке и браги ише изрядно осталось, — бодро подхватил он начатую тему и осекся.

Зря, конечно, он про брагу и про кадку ввернул, не ко времени. Мама поморщилась и отвернулась: для нее это был большой вопрос: брага в кадushке на печке все время почему-то неведомым образом убывала...

— Ладно, — сказала мама, — думай не думай, все тут одно — надо обряжать госьбу. Давай, Гриша, решать, кого звать будем.

Госьба получилась знатная.

Изрядно попив винца да бражки, гости, изрядно соловелые, сидели по лавкам, по стульям и задушевно распевали песни. И «Виноградь» исполнили, и «Хасбулат удалой», и «Называют меня некрасивою», и много чего другого. В промежутках между песнями велись шумные разговоры, пились очередные чарочки. И уж всегда после песни, перед очеред-

ным разлитием бражки какая-нибудь раздумавшаяся женочка обязательно задорно-задиристо выпевала: «Песню спели до конца, кабы по рюмочке винца. А кто не пел, дак никакой, а нам налейте по другой!»

Мама сидела рядышком с Сусаньей Петровной, вместе с ней пела, о чем-то с ней ворковала. Вдруг громко-громко, чтобы слышно было всем, мама обратилась к ней и попросила:

— Бабушка Сусанья, ну-ко спой-ко свою любимую.

Сусанья Петровна, будто не понимая, о чем идет речь, для порядка стушевавшись, поинтересовалась:

— Каку ишше таку?

— Да про уставшего-то солдатика, который на войне, да домой хочет.

— Ой, да я и слова-то забыла все, — всплеснула руками бабушка, — да и голосу-то нету никакого уже, старуха ведь я...

Все понимали: эта скромность для порядка, так на госьбах положено маленько кобениться.

— Спой давай уж, спой, — запричитала госьба.

Сусанья Петровна покорно потупилась, глубоко вздохнула, набрала в грудь воздуха и, глядя на какую-то точку над столом, над гостями, затаила густо-грудным, совсем не старческим голосом:

*Ой, туманы вы, да разноцветные
Пораскинулись вы предо мной
Что же вы застите мою заветную
Да путь-дороженьку да в дом родной*

И так у нее душевно-трогательно, так нарядно получилось спеть и про то, что у солдатика кругом война и враги, что он тоскует по родителям и по любимой красной девушке, и про то, как сильно устал он воевать...

Гости долго ей хлопали, а бабушка сидела вся и впрямь растроганная, раскрасневшаяся, и на лбу ее светились мелкие-мелкие бусинки пота. Давно, видно, она не выступала так на людях, давно.

Госьба, задуманная ею, получилась знатная.

Надо было завершать мирово с моим отцом, который явно для нее расстарался. Сусанья Петровна хорошо это понимала.

Она встала, вышла из-за стола и подошла к нему, сидевшему в обнимку с гармонистом Автономом Кирилловичем, старым своим другом, тоже бывшим «военмором» и задушев-

но певшим с ним про то, как «дрались по-геройски, по-русски два друга в пехоте морской».

Бесцеремонно оторвала она его от гармониста и, приказав играть «Колхозную кадрили», потащила отца в танец. Приседать она по своей старости уже не могла, а только стояла, подбоченясь и кружилась тихонько, держа над головой белый платочек. Громко и озорно пела она не совсем в такт музыке частушку:

*Встала баба на носок,
А потом на пятку,
Пошла русского плясать,
А потом вприсядку.*

А отец, мой отец, кружился вокруг нее в матросском танце «Яблочко» и выделывал такие фортели, которых я никогда ни раньше, ни потом не видывал.

А Сусанья Петровна похлопывала его по голове и выговаривала:

— Шаляк, ты, Гришка, шаляк, конечно. Да ведь люблю я тебя! Родня ведь ты мне!

А папа от этих слов еще больше входил в азарт, радостно позыркивал на Сусанью Петровну, звонко и хулиганисто покрикивал что-то и кружил, и кружил вокруг нее в матросской присядке.

Вот такими и запомнил я их навсегда на этой госьбе: радостные глаза мамы, величественную позу Сусаньи Петровны в ярком сарафане с белым платком в руке, папу, кружащегося вокруг нее в веселом «Яблочке», бесконечно счастливого, от восстановленного в семье мира, бабушку, Агафью Павловну, почти слепую, но тоже улыбающуюся, старую подругу Сусаньи Петровны, и гармониста, папиного друга Автонома Кирилловича, подвыпившего, склонившего лысую свою голову к гармошке, неимоверно растягивающего старые ее мехи, и без устали наярывающего песню за песней, танец за танцем.

Теперь я совсем не помню, сколько пунашков поймал я в ту весну? Поймал ли сколько-нибудь вообще? Скорее всего — поймал, ведь у бабушки Сусаньи были воротча ладные.

Дело совсем не в этом. Оно в том, что мне удалось узнать новое дело, помирить милых моему детскому сердцу людей, увереннее, крепче войти в мир совсем непростых деревенских отношений, крепче стать на ноги.

Давно уже нету среди живых почти всех, кого я упомянул в этом рассказе. Да и на деревенском кладбище, куда они пе-

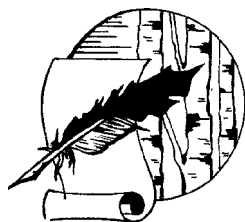
реселились, могилы не всех сразу и найдешь. Кое у кого кресты упали, вросли в мох. Сквозь гнилое дерево проросла трава. Деревня потихоньку пустеет, пустеют дома, и за некоторыми могилками больше некому приглядывать.

Скоро умрем и мы, и неизвестна долюшка и наших крестов да могил.

Но пока ношу по земле бранные свои кости, не забуду их, добрых своих односельчан, не погаснет в сердце моем и память о них, и любовь.

Многое угасает: и чувства, и память. И только одна заботушка неустанно берedit живое пока что тело: в тот последний час, в оставшуюся предзакатную минуточку, успеть добежать, дойти, доползти к тому теплому, укрытому соснами, местечку, где лежат в покойном сне — мои предки, папа, мама, дедушки и бабушки, крестившие меня Агафья Павловна и Сусанья Петровна, мои земляки, которых хорошо знал, и мои одноклассники.

И лечь рядом с ними. Я знаю, они примут меня дружески. Ведь я люблю их всех.

Ольга ФОКИНА

РАННИЙ ВЕЧЕР И ПОЗДНИЙ РАССВЕТ

* * *

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.
Простые краски северных широт:
Румяный клевер, лён голубоватый,
Да солнца блеск, немного виноватый,
Да облака, плывущие вразброд.
Плывут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их крылатой,
Мне всё равно, куда они плывут.
Мне всё равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.
Сижу одна на тихом берегу,
Варю картошку на родном огне,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.
Другим без сожаленья отдаю
Иных земель занятые картинки.
...И падают весёлые дождевики
На голову счастливую мою.

* * *

И до глубинной деревеньки
Дошли раскол и передел:
У вас — всю ночь считают деньги,
Мы — без гроша и не у дел.

Вы натянули шапки лисьи,
И шубы волчьи вам — к лицу,
Мы — воспитали, вы — загрызли,
Мы — на погост, а вы — к венцу.

Такое звёзд расположение,
Таких «указов» звездопад:
Вы — в господу, мы — в услуженье
Да на работу без зарплат.

На вашей улице — веселье:
Еда — горой! Вино — рекой!
Святые звёзды окосели,
Смущаясь вашею гульбой.

У вас всю ночь огонь не гаснет,
У нас — ни зги во всём ряду:
На нашей улице — не праздник.
Но я на вашу — не пойду.

* * *

Всё обсчитано, значит — оправдано:
Нерентабелен наш сельсовет!
И обрезано сельское радио!
И на лампу у клуба — запрет!
И ни почты теперь, ни сберкассы нам,
Ни медпункта, ни школы, ни книг.
«Нерентабельно» — ясно же сказано...
— Ясно, ясно, — кивает старик.
Надвигается тьма заоконная:
Ранний вечер и поздний рассвет.
Добывает лучину исконную,
Он её не забыл ещё, нет!
Он ещё обогреется рухлядью
Из остатков амбара, двора,
И больные суставы припухлые
Поуймёт на печи до утра.
И к нему в предрассветные сумерки
Просочится от стылых дверей
Глас соседки: — Иваныч, не умер ли?
Ну, дак ладно. Живи — не старей...

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ

Засыхают старые рябины,
Оседают старые двory.
На вечерней улочке не видно
Ни влюблённых пар. Ни детворы.
Никого с гармошкой в охапке,
Никого — с сигаркою во рту,
И никто ни в рюхи и ни в бабки,
И никто — ни в салки, ни в лапту.
Отгорит один закат багряный,
Отыграет розовый другой, —
Не шелохнут белые туманы.
Ни вблизи реки, ни за рекой.
Поутру нетронутые росы
Солнцу пить опять — наедине:
Никого — с граблями к сенокосу,
Никого — на скачущем коне.
...Оставляя облака высоки,
Окуная голову в купель,
Редко-редко скрипнет одинокий
Одноногий старый «журавель».
Вскрикнет так, как будто вспомнит юность!
...Только два с краями — не нальёшь:
Полведра — и то большая трудность, —
До избы не скоро донесёшь.
На восьмом десятке молодницы,
Видно, зря живую воду пьют:
Пролетают по небу жар-птицы,
Молодильных яблок не несут.

* * *

Как в армию повестка,
Где можно пасть в бою,
Страшит меня поездка
На родину мою.
Боюсь узнать: старушки —
Соседки — больше нет,
В утряске и усушке
Прикончен сельсовет.
И нет библиотеки.
И школа — на замке.
И маленькие дети
Не плещутся в реке.
И поле, где когда-то

Училась боронить,
Стоит в кустах лохматых,
И их не победить.
...Давно пенсионерка,
Забытая людьми,
Грозится рухнуть церква...
Господь её храни!
По росписи на стенах
Там надписи гвоздём.
Живу.. Не на гвозде, но
Как на гвозде. Живьём.

* * *

Большая Родина без малой
Не то что слишком велика,
А как бы дом родной — без мамы,
Без дела — мамина рука, —
Непредставима, неконкретна,
Не столь заботлива, тепла...
Ах, малой родины примета —
Четыре жерди, два кола,
Над ними — рдяная рябина!
За ними — тропка до крыльца, —
Да, это ты, мой край родимый,
Край дедов, мамы и отца.
Отчизна, Родина, опора,
Моё спасенье в час лихой,
И во спасение которой
На смертный бой готов любой.

* * *

Шорох ветра, рокот грома,
Всполох молнии во мгле...
Счастлив тот, кто счастлив дома,
На своей родной земле.

Ничего душа не просит,
До краёв она полна
Звоном зреющих колосьев,
Синевой небес и льна,

Шумом леса, ароматом
Трав, журчаньем родника,
Сластью ягоды несмятой,
Статью первого грибка.

А уж если из залесья —
Да гармони перебор,
Словно птица в поднебесье,
Песня вырвется в простор!

Жизнь — не поле без ореха,
Но сегодня — так и быть! —
Никуда не надо ехать,
Никуда не надо плыть.

...Ветер, ветер, вдаль влекомый,
Сделай надпись на крыле:
«Только тот, кто счастлив дома,
Знает счастье на земле!»

* * *

Я, бывало, — в белом, в алом,
В безрукавом, с пояском!
Все, бывало, приставало:
Хорошо баской в баском!

Я, бывало, без привала
Сорок верст: пешком!
С мешком!
И обратно успевала —
То лужком, то бережком,

То по грязи, то по пыли,
То по камню, то водой...
Босы ноженьки не ныли
У меня, у молодой!

В теплой лужице — отмою!
Осушу — на лопушке!
И — на танцы под гармонию —
На высоком каблуке!
А теперь — заставала...
Ну, да это — ничего:
Слава Богу,
все — бывало,
Дай Бог каждому того!

* * *

Люблю рубашку Колину, —
Ношу. Стираю. Глажу.
И поперек и вдоль она
Близка мне клеткой каждой.

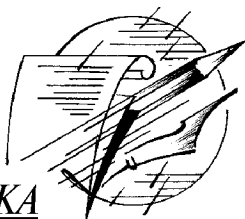
Из штапеля, не броская —
Не для банкетных залов —
«Не маркая и ноская»,
Как мама бы сказала.
В ней брат «в магазин» хаживал,
Пахал и сенокосил,
Дрова рубил и важивал
В жару и на морозе.
Она пережила его
Изробленное тело...
Но по его ль желанию
Брат в гроб уложен — в белом?
Её, осиротелую,
Я прибрала, жалея,
И на себя надела, и —
Всех кофт она милее:
Прохладная, просторная,
Не мнется, не линяет,
В любой работе годная,
Воистину — родная!

* * *

Как давно такого не бывало:
Ночь без тьмы, река без берегов,
Небо спит под лёгким покрывалом
Перистых прохладных облаков.
Небо спит, но сон его не долгот:
Час-другой, и в золоте зари
Без следа растает лёгкий полог...
Не засни, зари не просмотри!
Дома я. Знакомо незнакома
Белой ночи тихая печаль.
По никем не писанным законам
Лес безмолвен, воды не журчат.
По никем не признанной науке
Не отражены — поглощены —
Хоть кричи! — бесследно тонут звуки
В глубине огромной тишины.
Я не сплю. Гляжу. Не отражаю —
Поглощаю... Иль поглощена?
Не мечусь, не рвусь, не возражаю.
Всем прощаю — всеми прощена.

О ПОКРОВИТЕЛЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

У США всё идёт по плану. После речи Путина в ООН многие заговорили о создании новой коалиции, подобной антигитлеровской. Как некогда СССР, США и Великобритания объединились в борьбе с нацизмом, забыв все противоречия, так и сегодня, думают некоторые, объединятся Россия и Америка в борьбе с новым «абсолютным злом» — ИГИЛ. Думать так довольно наивно, хотя аналогия напрашивается. Тогда вскармливали и помогали вооружаться Гитлеру, готовя третий рейх для войны с Советским Союзом, сегодня вскармливают и растят исламский халифат, чтобы руками салафитов расправится с Башаром Асадом. Гитлер вышел из-под контроля, и в 1941-м США и Великобритания вынуждены были выступить на стороне, как они сегодня говорят, «меньшего зла» — Сталина. И, возможно, сегодня Обама, обозначив три смертельных для мира угрозы (лихорадку Эбола, ИГИЛ и Россию), решит, что Россия — «меньшее зло» по сравнению с ИГИЛ. Но чтобы понимать, как поведут себя США в этом случае и возможно ли создание антиигиловской коалиции, необходимо четко уяснить, а действительно ли ошиб-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лись в Вашингтоне, помогая салафитам? «Адвокаты» США из лагеря российских либералов упорно навязывают такую точку зрения, пытаются объяснить нынешний хаос и трагедию на Ближнем Востоке ошибками американской администрации, которая якобы плохо просчитывает последствия своих действий.

Не надо считать американцев недотепами, не ведающими, что творят. В Вашингтоне хватает настоящих профессионалов в разведсообществе и Пентагоне, достаточно и серьезных аналитиков, экспертов. Политика США хорошо продумана и последовательна. В Белом Доме четко выполняют свой план по реформатированию геополитической карты мира.

Решили начать «войну с международным терроризмом» — взорвались башни-близнецы, США вошли в Афганистан и создали военные базы в Средней Азии — вблизи наших и китайских границ. В Афганистане очень скоро производство наркотиков выросло в 44 раза, и весь этот вал смертоносного зелья пошел в Россию. Решили устроить хаос на Ближнем Востоке — Колин Пауэлл потряс в ООН пробиркой с порошком. После этого разгромили Ирак, повесили Саддама Хусейна, устроили «арабскую весну», разгромили Ливию, зверски убили Каддафи. Вопрос Владимира Путина, обращенный к коллективному Западу: «Вы хоть понимаете, что натворили?» можно назвать риторическим. Всё прекрасно понимают, как всё понимали, когда бомбили Сербию, чтоб отдать албанцам Косово, когда громили Ирак, уничтожали Ливию.

Все выполняется четко по плану, а разговоры о том, что «непрофессионалы в Белом доме плохо просчитывают последствия своих действий», можно оставить адвокатам США, участвующим в ток-шоу на ТВ, вроде вытасченного из нефталина Станкевича и вездесущего Надеждина. Сегодня многие потешаются над тем, что США, оказывается, потратили 500 млн. долларов, обучив и вооружив всего от 4 до 5 арабских бойцов, готовых воевать с террористами, а отряды т.н. оппозиции, вооруженные американцами, в полном составе переходят на сторону ИГИЛ. Господа, неужели вы считаете американцев такими простофилями, которых обманули хитрые исламисты? Да эти 500 млн. и есть те деньги, которые были сознательно направлены «коалицией по борьбе с международным терроризмом» на вооружение армии исламского халифата.

Планы США по свержению Асада и разгрому Сирии дали сбой — не смогли сломать сопротивление России. Поэтому в

Вашингтоне вынуждены были отказаться от прямого удара по Сирии и бомбардировок Дамаска ради свержения «кровавого тирана». Пришлось надеяться на отряды «умеренной оппозиции», в которые собирали со всего света «умеренных» террористов. США старательно вооружали отряды «сирийской оппозиции», даже полюбили «Джебхат ан-Нусры» — подразделение Аль-Каиды, того самого «смертельного врага США», с которым США после 11 сентября вот уже 14 лет бьется «на суше и на море, в горах и пустынях», бьется «не на жизнь, а на смерть, спасая весь мир и все человечество». А чтобы Россия больше не вмешивалась в события на Ближнем Востоке, нанесли удар на Украине. Киевской хунте была поставлена задача любым способом втянуть Россию в войну. Заставить Путина ввести российские войска на Украину не удалось, но пожар на нашей земле разожгли, против России ввели санкции. Казалось, теперь уж России не до Сирии и Дамаск должен скоро пасть.

Но сирийцы оказались стойкими бойцами, и Башар Асад проявил характер. Тогда и было решено создать ИГИЛ. Конечно, можно думать, что выпущенный американцами из тюрьмы, Аль-Багдади вышел из-под контроля кураторов из ЦРУ и обманул своих хозяев. Но очевидно, как энергично участвуют в создании ИГИЛ ближайшие союзники США. Они тоже внезапно вышли из-под контроля? Финансируют ИГИЛ Саудовская Аравия и Катар, помогает Турция. Четко наладили для игиловцев продажу контрабандной нефти. Оружие, живая сила в отряды исламистов потоком идут через турецкую границу. Неужели можно предполагать, что неизвестно, кому игиловцы продают нефть, как действуют финансовые схемы. Это не просто бизнес. Хорошо продуман, запущен и четко действует отлаженный механизм по созданию чудовищного монстра. Вооружают исламский халифат на землях Ирака и Сирии сознательно, а вовсе не потому, что в Вашингтоне «плохо просчитывают последствия своих действий». Можно не сомневаться, что если бы США действительно желали уничтожить ИГИЛ, то сделали бы это в кратчайшие сроки. Подогнали бы АУГ, собрали бы всех союзников, сосредоточили авиацию на ближайших аэродромах и за несколько недель смешали бы отряды халифата с песком и горным щебнем. Когда им надо было «вбомбить в каменный век» Сербию, или уничтожить Ливию, они эти задачи решали, не особенно напрягаясь. Здесь же у США задача совершенно другая. Поэтому, после 7000 боевых вылетов из Пентагона звучат бравые рапорты то об «уничтожении экскаваторов ИГ», то «транспортных средств террористов» в виде мотоцикла.

Интересно понаблюдать, кто и как внезапно поднял и направил в Европу потоки беженцев. Миллионы беженцев с Ближнего Востока и Африки должны полностью изменить лицо Европы, и эти миллионы очень организованно направлены на Север. Одна из задач, поставленных перед ИГИЛ, выполняется успешно. Если Европа попытается проявлять строптивость в каких-либо вопросах, серьезные проблемы европейцам создадут в два счета. Об этом слегка намекнули французам, когда арабская молодежь устраивала погромы в пригородах Парижа.

Но главная задача, ради которой возвращают кровожадного зверя ИГИЛ, — наступление на Россию. Когда-то, еще в 90-е Бжезинский сказал, что если Россия не смирится со своей участью, то русским придется столкнуться с вторжением многочисленных орд из глубин Азии. И эти войны будут напоминать нашествия, которые случались в Средние века. Сказано — сделано.

Первый исламский халифат они создавали еще в 90-е. Давайте вспомним, кто был предшественником Аль-Багдади, где и с чьей помощью совсем недавно пытались создать исламский халифат. Первый исламский халифат салафиты решили создать на нашем Северном Кавказе. В «независимой Ичкерии», как сегодня в ИГИЛ, точно так же промышляли работорговлей, захватывали заложников и резали им головы, снимая устрашающие видео (правда, без нынешнего голливудского размаха игиловцев), так же побивали камнями тех, кто нарушал законы шариата. В планы Хаттаба и Басаева, когда они вторглись в Дагестан, и их единомышленников, окопавшихся в мощных укрепрайонах Чабанмахи и Карамахи, входило именно создание исламского халифата на землях Кавказа, Поволжья, а далее везде. Вспомним, кто вооружал и финансировал ваххабитов на Кавказе — все те же хорошо знакомые лица: катаровцы, саудиты и наши дорогие «геополитические партнеры» и «заклятые друзья». Именно США через своих агентов влияния в Кремле разожгли войну на Кавказе, именно их люди в Кремле не давали Армии добить банды террористов, организовывая бесчисленные перемирия и переговоры. Именно США все это время травили и кошмарили в мировых СМИ Россию за борьбу со «свободолюбивым народом Ичкерии», радушно принимая террористов в Вашингтоне. Активно помогали американцам окопавшиеся на нашем Кавказе миссии ОБСЕ и «врачи без границ». А финансируемые из США «грантоеды», «правозащитники» и вся «демократическая общественность» из всех стволов российских СМИ

методично били в спину собственной армии, защищая «благородных борцов за свободу» от жестоких «федералов», восхищались «Робин Гудом»-Басаевым.

Во время второй Чеченской войны постепенно позицию российских СМИ удалось изменить. Но многие «старые, проверенные кадры» по-прежнему на месте — «вечный телеакадемик» Познер, например. Очень любопытно было недавно наблюдать, как Алексеева, напоминая злую колдунью Гингему из «Волшебника Изумрудного города», на встрече с Путиным хвасталась, что СССР, с которым она боролась, исчез, а подобные ей «правозащитники» расплодились по всей стране. Почему-то сразу возник образ расплодившихся тараканов и захотелось посоветовать не гоняться за ними с тапком, а посыпать их дихлофосом. Возмущалась «прабабушка российской демократии» тем, что их, бедненьких правозащитников, привлекающих в страну американские деньги и на эти деньги воспитывающих наш темный народ, обзывают иностранными агентами. И злобно запугивала главу Российского государства недовольством неких серьезных зарубежных организаций, с которыми водят тесную дружбу российские «правозащитники». А эти организации, по ее словам, могут повлиять на свои правительства. Т.е. «либеральная прабабушка» объясняла Путину, что в Госдепе и ЦРУ будут недовольны его поведением.

Вообще-то выступления Федотова, Ясина, Алексеевой в Кремле оставили весьма странное впечатление. Так и представляешь, как резиденты германской разведки в 41-м году на приеме у товарища Сталина жалуются на то, что в Берлине не понравится, что их людей обижают в тоталитарном СССР, мешают спокойно работать.

Война уже идет, и совершенно ясно, что существование либеральной пятой колонны в стране больше терпеть нельзя. Разумеется, можно не обращать внимание на либеральную Гингему, на Ахеджакову, которая вот-вот истерически заголосит «простите нас, дорогой ИГИЛ!», на Макаревича с бандеровским флагом. Но во время войны события могут развиваться слишком стремительно. Спокойно терпеть присутствие либералов, которые обладают серьезными возможностями влиять на информационное поле, — значит проявлять опасное благодушие и беспечность. Еще более серьезную опасность представляют те либералы, которые по-прежнему определяют финансовую и экономическую политику страны.

Операция наших ВВС в Сирии — это продолжение той войны, которая началась еще в 1994 году. Чечня, Дагестан,

Сирия и Донбасс — везде нам противостоит одна и та же сила. Буденновск, Беслан и «Норд-Ост», артиллерийские удары по Донецку и сожженные в Одессе русские люди — это эпизоды войны, которая была развязана против России в начале 90-х.

Положение очень серьезное. Талибы и ИГИЛ готовятся двинуться из Афганистана в Среднюю Азию. «Шайтаны» активизировались на Кавказе. Ячейки «Хизбут-аль-Тахир» то и дело ликвидируют в Поволжье, в Западной Сибири. Сколько «спящих» до времени «джааматов» существует среди миллионов трудовых мигрантов из Средней Азии?

Нас пугают тем, что после авиаударов в Сирии Россия станет мишенью для террористов. Наивно думать, что если бы Россия не оказала помощь Сирии в борьбе с ИГИЛ, то всё это салафитское подполье, внедренное в наши города превратилось бы в мирных овечек. Два года назад во время боев в пригородах Дамаска и Хомсе исламисты писали на стенах: «Сначала Дамаск, следующая — Москва».

Удары российской авиагруппы нарушили планы наших «заклятых друзей». Какие задачи ставила Россия, начиная воздушную операцию против террористов? Во-первых, остановить стремительный рост халифата и спасти сирийское государство, не позволить изуверам вырезать на этой древней земле всех христиан, алавитов, сторонников традиционного Ислама. Помочь обескровленной в четырехлетней войне сирийской армии, которая мужественно бьется с ордами террористов, за которыми стоят США, Катар, Саудовская Аравия и Турция. Добив Сирию, наши «геополитические партнеры» немедленно развернули бы игиловские полчища на Россию. Сегодня это армия из десятков тысяч обученных и хорошо вооруженных бойцов. Уничтожив Сирию, они укрепили бы свои структуры и под победоносные знамена ринулись бы тысячи новых приверженцев исламского халифата. Салафиты очень быстро выстроят и обучат армию в сотни тысяч бойцов, на деньги от продажи нефти наши «геополитические партнеры» поставят им все необходимое тяжелое вооружение. И очень скоро пожар войны перекинется бы в Среднюю Азию.

Задача авиаударов, которые наносили российские ВВС, — прежде всего уничтожить инфраструктуру этого халифата, нанести террористам потери в живой силе, поддерживая таким образом наземную операцию сирийской армии. Главная цель — не позволить этому кровавому монстру продолжать увеличивать свою мощь под внимательной опекой США и саудитов.

Блестяще проведенное развертывание базы наших ВВС в Сирии, напомнившее своей стремительностью появление «вежливых людей» в Крыму, ясное и четкое выступление Владимира Путина в ООН на некоторое время ошеломили наших «партнеров». Авиация «коалиции» под руководством США фактически поддерживала наступление исламистов на Дамаск, бомбила территорию Сирии под видом борьбы с ИГИЛ. Появление русских самолетов в Латакии сделало невозможным для этой «антитеррористической коалиции» наносить удары с воздуха по сирийской армии. Очень расстроился Израиль: бомбить сирийцев как прежде нельзя, с русскими шутки плохи — и Нетаньяху помчался в Москву.

Обама и Керри больше не требуют немедленной отставки Асада, что-то невразумительное о необходимости сотрудничества с Россией пробормотала очень «независимая и самостоятельная» глава Германии фрау Меркель. А еще один член международной коалиции по борьбе с ИГИЛ, Саудовская Аравия, немедленно потребовала от России прекратить авиаудары по террористам. Это при том, что саудиты спокойно бомбят и делают все что хотят в Йемене. Даже президент «нэзалэжной» Порошенко выступил: оказывается, авиаудары по ИГИЛ в Сирии — это «угроза национальной безопасности Украины». Маски сорваны, и стало ясно, как США и их могучая коалиция из целых 60 стран на самом деле относятся к ИГИЛ — детищу Вашингтона и Эль-Рияда.

Россия действует строго в соответствии с международным правом, по просьбе законного президента страны, поэтому на вопли саудитов и прочих спонсоров терроризма можно не обращать внимания. Россия, Сирия, Иран и Ирак совместно способны похоронить проект под названием ИГИЛ. В Вашингтоне это понимают, но открыто выступать против борьбы с террористами не могут. Поэтому из Вашингтона, Лондона и Парижа раздались призывы к русским ни в коем случае не бомбить «умеренную оппозицию», а ограничиться ударами по отрядам ИГ. По словам пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, Путин достаточно живо интересовался и спрашивал, чем умеренная оппозиция отличается от неумеренной оппозиции. Ответа, по словам Пескова, Путин не получил.

Американцы предложили весьма оригинальную схему взаимодействия. Российское командование должно предупредить представителей США о том, когда и где оно собирается наносить авиаудары. Вероятно, чтобы игиловцы вовремя исчезли из этих районов или успели приготовиться встретить наши самолеты залпами ПЗРК. Из Москвы ответили не ме-

нее остроумным предложением. Нашим «американским друзьям» посоветовали вывезти из Сирии всех инструкторов, советников и ценных специалистов, подготовленных на деньги американских налогоплательщиков, а также следить, чтобы никакие летательные аппараты не появлялись в зоне действия российской авиации.

Но растерянность в Белом доме будет недолгой. Керри уже угрожает России тем, что у игиловцев появятся средства ПВО и будут падать российские самолеты, весьма непрозрачно намекая, кто их этими ПЗРК вооружит. Началась мощная информационная кампания против России, и можно не сомневаться, что скоро все западные СМИ будут заполнены кадрами разрушенных мирных городов и погибших под бомбами «русских варваров» мирных жителей. Здесь ничего нового ожидать не приходится — фото бедного утонувшего малыша-беженца мгновенно разошлось по всему миру. А «горловскую мадонну» с убитым младенцем на руках, сотни убитых и искалеченных русских детей на Донбассе никто и никогда на «цивилизованном» Западе не замечал. Как говорят телевизионщики — «это не формат». Гибель русских в «формат» европейских «гуманистов» никогда не вписывалась и не будет вписываться. Бомбежка американцами госпиталя в Кундузе, как и гибель 150 человек после удара по мирной свадьбе в Йемене, забыли очень скоро. А сообщения о «варварских ударах» российской авиации будут фабриковаться регулярно и мгновенно расходиться по всем западным СМИ.

Информационный фронт был открыт очень быстро. «Это второй Афганистан», «почему наши мальчики должны погибать, спасая Асада», «скоро потоком пойдут гробы в Россию», «страна дорого заплатит за имперские амбиции», «как нам воевать, когда бюджет России равен бюджету одного штата Калифорния», «Путину нужна маленькая победоносная война», «лучше бы эти деньги пенсионерам раздали», «война нас разорит, народ обнищает окончательно». И, разумеется, «весь цивилизованный мир против нас, авантюра в Сирии приведет к полной изоляции России». Особенно эта мантра о «цивилизованном мире» оригинально звучит, когда этот «цивилизованный мир» поддерживает т.н. «умеренную оппозицию». А эти «очень умеренные» головорезы, как верно замечено, от ИГИЛ отличаются лишь тем, что у них ножи, которыми режут головы людям, чуть короче. Напомним, что полевой командир-изувер, который на видео вырезал у убитого сирийского солдата и съел сердце, был как раз из этих самых «умеренных» любимцев «друзей сирийского народа».

Через 70 лет после Великой Победы. Война, объявленная России, разгорается все сильнее. Речь идет о сломе мирового порядка, который строили все эти прошедшие годы, как и предупредил Бжезинский, «против России и на обломках России». Глубоко символично, что никто из наших «геополитических партнеров» не был на парадах Победы в Москве и Пекине. Через 70 лет после самой страшной войны в истории человечества все тот же «интернационал ростовщиков», что развязал и Первую, и Вторую мировые войны, готов ввергнуть страны и народы в третью. В очередной раз Россия мешает очередной «исключительной нации» установить «мировой порядок».

В «Комсомольской правде» военные корреспонденты Дмитрий Штешин и Александр Коц рассказывают о настроениях сирийцев: *«Помощник министра экономики Хайан Сулейман на прекрасном русском языке предлагает нам «сто грамм за Победу». Мы пока отказываемся. Спрашиваем автоматически: в России учились? Хайан поправляет: «В СССР, в Киеве. А вот сын у меня учится в России, третий курс МГИМО. Так что я сам и моя семья — пример дружбы наших народов». «У вас кто-то из семьи пострадал на этой войне?» Ответ Хайана ошеломляет: «У меня более 200 родственников погибли на фронте. Но мы не плачем. Когда погиб двоюродный брат, его мама была рада, она знала, что ее сын погиб на фронте против этих террористов. Мы этому научились у вас, у русских. Вашему отношению к погибшим за свою землю. Ленинград, Сталинград — я хорошо знаю, что это за города».*

Но и мы все помним, что значит для мира великое имя русского города — Сталинград. Помним и слова, прозвучавшие в 41-м: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

РУССКИЕ СНЫ

РАССКАЗ

День медленно затухал, наполняя природу уставшим светом. Мыкола на малой скорости подогнал комбайн к краю поля и заглушил его. Перекинув через плечо сумку с пустым термосом, спустился на землю. На фоне тревожно догорающего заката застывший комбайн казался огромным кораблём, севшим на мель. Мыкола вдруг удивился этому сравнению. Станным и чересчур книжным казалось оно для сорокалетнего мужика, в меру домовитого, приземистого и по-крестьянски крепко сбитого.

В самом деле — откуда на родной и привычной «западенской» земле мог появиться фрегат? Но эта усталая вечерняя заря, это скошенное поле на мгновение действительно показали ему берегом моря, и даже с шумом прибора.

Мыкола потрянул головой, освобождаясь от наваждения, и глянул в вечернее небо. Над головой парила хищная птица. Но вдруг она медленно тронулась с места и потянула к ближнему ночлегу — к тёмной полосе соседнего леса.

Впрочем, лирическое чувство не было чуждо Мыколе. Умелого трак-

ПРОЗА

ториста и комбайнёра сельчане уважали не только за техническую сметку, но и за голос и за песенный дар. Нотной грамоте он, конечно, не обучался, но благодаря врождённому абсолютному слуху и природному голосу, впитавшему тепло и сочность украинской природы, пел лучше всех. И это при том, что село, в котором родился, вообще было песенным.

Мыкола почувствовал, как отходит от гудящего напряжения натруженное тело, как наполняется оно этим вечером, этой смуглой высью, запахом жнивы, остывающим земным духом, тихой птичьей переключкой и первыми звёздами...

Поднимая потёртыми ботинками пыль, перемешанную с перстью половы, Мыкола дошёл до своего мотоцикла и опустился на траву. Надкусив травинку, он с прищуром глянул вдаль, где за поворотом скрылась последняя машина с золотистым зерном.

— Какая благодать! — произнёс он вслух и лёг на теплынь земли.

А в густо-синем небе, окрасив облака густым румянцем, уходило на ночной покой оранжевое солнце.

До сознания Мыколы каким-то далёким эхом явственно донеслось, что слова, сказанные только что, вырвались у него по-русски! Более того: он вдруг сейчас вспомнил, что в последние дни ему снятся русские сны!

Особенно памятен был последний... Ослепительно-яркий, цветной, как в детстве!

Он словно перенёсся в мальчишеские годы... На Луганщину, в село Юрьевка, где каждое лето гостил у бабки Маруси. Странно, но «западенскому» мальчишке у бабки нравилось больше, чем дома. Может, от русского приволья, оттого, что здесь разрешалось ему куда больше, чем на родине, с её родительской строгостью, уроками и школой. А может, кровь сказывалась: ведь это была родина отца... В доме старых людей большей частью говорили по-русски. И через несколько дней соседские ребята уже считали его за своего.

Вспыхнул в памяти ослепительный летний день. Он, совсем ещё хлопчик, сбегает со знакомого крыльца. Бабка Маруся что-то кричит вдогонку. А у него в руках котомка со свежими пирожками. И от их сытного духа, от мысли, что впереди ещё целое лето, огромное, как Вселенная, — детское счастье разливается по сердцу. Он бежит на речку. А там друзья — хорошие ребята. Вместе ходят в лес за ягодами, грибами. Вместе в «войнушку» играют. Вместе купаются. И еда общая, и дела общие. Надёжные товарищи: если что натворишь — не выдадут.

Как ослепительно и радостно играют на реке отблески солнца! Как бодрит холодная вода! Но как резко тело сводит судорога, как темнеет в глазах!..

И вот он уже лежит на песке, чувствуя острую боль в лёгких, отхаркиваясь и отплёвываясь. Видит сквозь слёзы испуганные лица друзей.

— Ну, ты, Мыколка, даёшь! — ворчит старший пацан. — Хорошо, Васька вовремя заметил, за шкуру тебя из воды вытащил... Ты уж, смотри, бабке Марусе ничего не говори... А то будет нам на орехи. И тебя с нами перестанет пускать...

— Сдурел, что ли? — испуганно ответил Мыкола сквозь кашель. — Коли бабка узнает — все уши оборвёт. Вы сами смотрите, не проболтайтесь.

— М-могила, — отстучал зубами дрожащий Васька.

При воспоминании об этом сне Мыколу словно передёрнуло. Он вскочил с травы, как давеча ночью с постели. К чему этот сон, это окошко в детство? И тут словно холодом окатило — будто ледяной ком опустился на его сердце. И он понял — к чему.

На днях он решил позвонить по мобильному Ваське. Пересказать сон. Да и вообще поговорить. Тыщу лет не виделись! Трубку почему-то взяла Васькина жена — Люська, которую он помнил ещё девчонкой с мальчишечьими вихрами, разбитыми коленками и обжигающим взглядом синих глаз. Однажды они даже неумело целовались у клуба. Когда узнал, что она вышла замуж за Ваську, кольнула сердце смешная детская ревность.

— Привет, Люсь! А Васька далеко?

— Васька?! — закричала она вдруг сквозь рыдания. — Васька далеко! Вчера ваши долбанули из «Градов» по нашему посёлку. Нет больше нашего дома! И Васьки больше нет. Будете вы прокляты!

Онемев от изумления и обиды, Мыкола ошалело смотрел на мёртвый мобильник. Они с Васькой были одногодки. То, что он погиб, — не вмещалось в голову: аж в висках ломило. Но проклинать за что?.. Он-то здесь при чём?!

Потом понял — при чём...

Они с батькой близко к сердцу принимали всё, что творилось на Украине. Вместе ругали Януковича, за которого дружно голосовали и который подло, по-бандитски обманул всю страну. Вместе радовались, когда начался второй Майдан. Уж теперь-то народ своё возьмёт! Вместе сволочили «москалей» за их телепередачи: лезут, мол, не в своё дело, а ведь ни черта не понимают, у себя бы порядок навели! Однако с каждым днём их брань становилась всё менее уверенной.

Когда же совершился переворот, батька пригорюнился и сказал, покачивая головой:

— Ну и рожи... Боюсь, Мыкола, как бы нам с тобой не пришлось из-за этих упырей нашего бывшего президента-брatка добрым словом вспомнить...

А потом началась эта кровавая сеча на Юго-Востоке. И они с отцом пошли голосовать за нового президента-кондитера, надеясь, что тот хоть кровь остановит. Старый сбежал в Россию, побросав свои хоромы и коттеджи с золотыми раковинами и унитазами. От всего открестился, в том числе и от своего народа.

«Кондитер» оказался ещё хуже прежнего. Война не то что не утихала, а стала ещё прожорливее и страшнее. Хотя по первости, когда отключили российские каналы, на душе вроде как даже легче стало. Украинские телевизионщики от души поносили «москалей», и казалось, всё скоро закончится.

Однако не заканчивалось...

Батька позвонил в Юрьевку, своему брату Егору. Мыколиному дяде, значит. После разговора достал из буфета бутылку горилки и молча пил её весь вечер... После этого телевизор уже не смотрел и «москалей» не ругал.

У Мыколы тоже задору поубавилось. Как-то непонятно стало шемить сердце. И начались у него русские сны...

А потом был разговор с Люськой, и это незаслуженное проклятие. А вчера хоронили соседского хлопца, Степана, которого Мыкола помнил ещё несмышлёным мальцом. Но теперь Степан вырос, окончил школу и уехал в Киев жечь шины. Вернулся с Майдана то ли обкуренным, то ли обколотым, с безумными глазами и с татуированной свастикой на плече. Записался в какой-то батальон. А вчера его хоронили в закрытом гробу.

На сельском кладбище униатский священник говорил горячую речь, караул три раза стрельнул в воздух, но молодая мать молча смотрела на могилу сына, чёрная от горя, и никаких слов не произнесла. Только не промолчала Христина, соседка погибшего, у которой на этой войне тоже было трое сыновей. Мельком взглянула на батюшку и запричитала:

— Боже, сбережы усих нормальных людэй на Украине! Не дай им сойти с ума в цому пэкли и пережиты весь цей кошмар... Сильки нужно ещё смертей, чтобы остановить эту войну? — Она ещё что-то хотела сказать, но беззвучно заплакала и отошла в сторону. Ветер тяжело вздохнул вместе с ней и понёсся к другим могилам.

И вот теперь Мыкола сидел на обочине и смотрел в пыльную колею, которая в сумерках всё больше походила на разбитое корыто из давней пушкинской сказки.

Он поднялся. Надо было идти к Наталке.

С женой, Оксаной, жизнь как-то не заладилась. Когда они окончательно рассорились, Мыкола вернулся к родителям. Жалко было оставлять дом, который построил, можно сказать, своими руками, с помощью, конечно, троих весёлых и работающих молдаван. Подбирал под дом самые крепкие брёвна, чтобы изба получилась ладной и вечной. Но, оказалось, всё напрасно. Семья оказалась ветхой, будто сплели её из ивовых веток. От этой женитьбы только одна выгода и была — сын. Честно говоря, Оксана была стервой. Всё село об этом знало, и Мыколу никто не осуждал. Родители тоже его не упрекали и не пеняли. Отец только тяжело вздохнул и отшутился:

— Ну что же, баба з возу — кабриолет может резко увеличить скорость...

О том, что семья распалась, Мыкола не жалел. Только больно рвалось сердце, что сын растёт без него. Виделись они урывками. Мыкола возил мальчика в город, водил в кинотеатр, покупал ему игрушки, городскую одежду. Чтобы было всё, как у других хлопчиков.

У Оксаны, конечно, выдалась нелёгкая судьба. Что тут говорить! Её деда ещё в двадцатых годах раскулачили и сослали на Соловки. Отсидев положенный срок, он не вернулся на родину, а женился на местной и осел в Архангельск-городе. Там родилась мать Оксаны, а затем и она сама. Если мать хоть немного знала украинский язык, то Оксана росла без его корней. И когда Украина «забродила» своей самостийностью, они вернулись в родное село. В школе над Оксаниным оканьем ребятишки посмеивались, и только один Мыкола сочувствовал ей и в обиду не давал. Так эта дружба, переходя из одного класса в другой, переросла в любовь. Но оказалась она недолгой. Растаяла, как вылепленный зимой снеговик.

А с Наталкой они сошлись при грустных обстоятельствах. Отучившись в столице, Наталка вернулась в родное село учителькой в младшие классы. Всё бы хорошо, да вдруг неожиданно у неё умерла мать, соседка Мыколы, тётя Ганна, что жила за три дома от родительского. Все её уважали, и в дом Мыколы она часто заходила потолковать за жизнь и Мыколу как-то особенно отличала среди других пацанов. И когда это несчастье случилось, Мыкола сел на мотоцикл и как-то быстро всё организовал, так что Наталке, оцепеневшей от горя, ни о чём особенно хлопотать не пришлось.

Больше полсела собралось на поминки, все вспоминали тётку Ганну тёплым словом. А она ласково глядела на гостей с фотографии, и от этой улыбки, и от выпитого вина тесно как-то стало на сердце.

И Мыкола затянул любимую песню Ганны, печальную украинскую песню:

*Ой, чие то жито?
Чиї то покосы?
Ой, чия дивчина
Розпустила косы?
Косы розпустила,
Ня з ким не ходыла.
Парня молодого
Сама полюбыла.*

Никто не удивился, не осудил его за песню, а, наоборот, стали подтягивать. Мелодия ширилась, раскладывалась на голоса...

*Колы маты сына
Рано ожинила,
Молоду невестку —
Зразу невзлюбыла.
Проводжала маты
Сына у солдаты,
Молоду невестку
В поле жито жаты.*

А потом была ещё песня, потом другая, и ещё, и ещё. И каждую пел Мыкола. А Наталка сидела рядом и плакала.

После похорон Мыкола стал заходить к Наталке, помогать по дому. Сначала с матерью или отцом, а потом и один. Так он закахивал, закахивал, а однажды остался насовсем.

Наталка ждала его на пороге. И у Мыколы сразу сердце зашло от нежности, от этих чёрных сияющих глаз, от ласкового и тёплого тела, от тёмных вьющихся волос, от обжигающей белозубой улыбки. Капелька мадьярской крови придавала его любимой ещё большую красоту. И Мыкола сразу схватил её в объятия, зарылся в эти волосы, вдохнул этот запах, родной до боли, до солёной слезы...

Наталка первой отстранилась, перевела дыхание от поцелуев и рассмеялась.

— Пиды, помыйся! А то весь пылюкою пропах та соляркою.

Вода из душа струилась, точно тёплый летний ливень, и под ласковый влажный шум Мыкола с удивлением подумал, как легко и свободно вошёл он в мир этого дома. Как будто всю жизнь здесь прожил.

Да что там! Собственно, и настоящая жизнь-то именно здесь у него и началась. Наталка ей смысл придала, открыла глаза на мир. Раньше-то он ни себя не понимал, ни Украины. И стихи её кобзарей казались ему школьной забавой, картонной шелухой, которые он учил наизусть, только чтобы получить оценки. Но его Наталке Господь дал дар слова. Она читала ему Шевченко, Франко, Украинку, и после её чтения Мыкола со сладкой сердечной болью понимал, что эти стихи — не какое-нибудь «домашнее задание», а душа народа, напевная, таинственная душа. И Украина — это не страница из учебника, а жизнь. Вот эти стихи, эта песня, живущая у него в душе, это небо с хищной птицей, парящей в синеве, жирный чернозём и золотое зерно, эта любовь Наталки, и ночной жар, и ласки её, и этот дом — согретый улыбкой, — тоже Украина, родной мир, родная Вселенная...

И когда он сел за стол на уютной кухне — это своё и родное чувство лишь усилилось. Наталка поставила перед ним глиняную тарелку с борщом, и вместе с паром от него поплыл по воздуху наваристый и пряный аромат, будто добрые украинские домовые наколдовали его. Ему казалось, что никто лучше Наталки не умеет готовить борщ. Разве что только мать... Прошло всего лишь несколько секунд — и вот уже Мыкола с недоумением смотрел на опустевшую посудину.

Наталка лишь усмехнулась и, не спрашивая, налила до-бавки.

— Да... знатно ты готовишь, — похвалил свою кохану Мыкола. — Моя бывшая жонка так не умела. Не борщ у неё выходил, а юшка для свинэй.

— Из-за этого и разлучились, чи шо? — удивилась Наталка.

— Да нет, не из-за этого... Из-за её дурной головы.

— Це як же?

— Да смешно даже рассказывать. Когда начался этот киевский гопак, она зараз «свидомая» стала. Видно, боялась, как бы майдановцы не отправили её обратно на Соловки. И чтобы как-то в себе это уравновесить, она и стала под хохлушку косить, да так, что без смеху смотреть не можно. На родной мове гутарить принялась: в голове с русского на украинский переведёт и выдаёт с запинкой. Вышиванку надела, волосы осветлила «пид Юлю», косу уложила. Прямо местная Тимошенница! А как-то взяла и на кухне майданный плакат прилепила с Юлиной личностью. Я захожу, и ровно бис меня дёрнул.

— Тю! — говорю. — Яка гарна паненка! Не дывысь, шо жидовка армянська...

Ну все же ведь знают про её еврейские да армянские корни, и что она брюнетка по жизни. Но Оксану это так взбесило, я её такой никогда не видел. Побагровела вся, глаза кровью налились.

— Уходи, — визжит. — Кацап клятый!

И хватать за утюг! Трясёт им, да и сама трясётся, как припадочная. Что делать? Не драться же с ней... Ну, я и пошёл: бочком, бочком — и за дверь. А то ведь, думаю, дура баба, хлобыстнёт не ровен час по башке, и оборвётся моя молодая жизнь. Самое главное — за что?

— Ха! Ось щирый казак — утюга испугался!

Наталка поставила перед ним миску отварной картошки с белыми грибами, посыпанную укропчиком. А рядом ещё блюдец с запечёнными рёбрышками...

Мыкола ничего не ответил. Только с аппетитом посмотрел на золотистую бульбу да втянул в себя сытный грибной аромат.

Первая порция кончилась быстро.

— Ще?

— Это уже обжираловка. Так и комбайн подо мною прогнётся.

— Комбайн — не коняка! А на бутербродах да на одном чаю цылый день — тоже не дело! Ишь!

Вот уже и насыщение стало чувствоваться. Мыкола с благодарностью взглянул на свою кохану и заметил невнятную тень тревоги на её ресницах. Вроде бы даже слезинка мелькнула в глазах.

— Ты чего? Что случилось? — с тревогой спросил он.

Наталка сцепила пальцы рук и выдохнула:

— Батько твий був. Сказав, шоб ты до них зашов. Бумага тебе какая-то из военкомата пришла.

— Что же ты раньше не сказала? — удивился Мыкола.

— Так я не думала, шо це так серьёзно, — оправдывалась женщина. — Да и ждала, покы ты наишься. Думала: чи до аппетиту тоби будэ?

Мыкола отодвинул миску с последней картофелиной. Действительно, кусок в горло уже не лез.

— Вот и приехали! — посуровел лицом. — Повестку мне принесли. А это значит: запрягайте, хлопцы, коней!

Встал. Начал торопливо одеваться. Лицо сделалось суровым и бледным. Наталка понимающе не расспрашивала. Только у порога сказала:

— Повертайся... Я буду тебэ ждать.

И было непонятно, то ли сказала про сегодняшний день, то ли на будущее. Эта фраза зацепилась у Мыколы в голове, и он припрятал её в сердце.

Ночь обняла село звёздной темнотой... Фонари на улице не горели с начала войны, дорога освещалась только окнами домов. Кланялся земле Чумацкий Шлях. Мыкола шёл, спотыкаясь о камни, еле высвеченные луной, а на душе была такая же тревожная ночь, как вокруг. Он ждал этого дня, но всё-таки в душе надеялся, что его имя в мобилизационном бардаке как-то затеряется и о нём забудут. Но выходит, что не затерялось, не забыли... Видимо, майданному упырю понадобилась и его жизнь...

В родительском доме горел свет. Ещё издали Мыкола увидел отца, который сидел на крыльце и курил трубку. Повернул к дому и прибавил шаг. У калитки навстречу с радостным лаем выбежал Викинг. Здоровенный мохнатый пёс подпрыгивал, пытаясь лизнуть Мыколу в лицо, а тот ухватил старого брехуна за ошейник и принялся ласково трепать его загривок. Викинг вырвался и понёсся к крыльцу. Отец встал, обнял сына, и свет, упавший с веранды, озарил его седину и тёмное-тёмное от загара, посечённое морщинами лицо.

— Добре, что пришёл. Мать совсем извелась, — одобрительно произнёс отец, выбивая о ладонь трубку.

На голоса выбежала мать. Глаза у неё были мокрые, она то и дело вытирала их краешком платка.

— Ну что вы, мамо? Что за слёзы?

Мыкола попытался бодриться, хотя понимал, что особых оснований для веселья нет...

Сели за стол, но главный разговор заводить не торопились. Мать принесла горячий чай, плетёную тарелку с пирожками, но к чашкам никто не притронулся.

— Ну, как там жатва? — спросил отец. — Много зерна завалил?

— На дальнем поле всё скошил, — деловито ответил сын. — Где-то около тридцати гектаров. Работать — одно удовольствие. Поле ровное, только с краю бугры, да и хлеб не особенно солоmistый. Ну, и машина зверь! Ни разу не ломалась.

— Ну, а на завтра куды збыраэшься? — вступила в разговор мать.

— Завтра надо переводить комбайн на другое поле. Полдня на это уйдёт. Как бы дожди не пошли...

— А мотоцикл твий дэ?

— У Наталки во дворе оставил.

— Треба б його до нас у двир закотыты. Якшо заберуть у армию, вин тут потребнее буде. Про повистку вона тоби сказала?

— Сказала...

Разговор подошёл к главному.

— Что будешь делать? — хмуро спросил отец. — Через три дня предписано явиться в военкомат.

— Не знаю, батько, — честно признался Мыкола. — Не тянет меня что-то пересаживаться с комбайна на танк. Да и против кого воевать? Против бабки Маруси? Против своих ребят?..

Отец взял трубку и дрожащими пальцами набил табаком, но закуривать не стал. Дома мать курить не разрешала. Только глянул под абажур, словно провожая невидимое облачко синего дыма.

— Кажется мне, что наша киевская власть продала американцам Луганщину. Сейчас вся Украина похожа на сплошную Полтавскую ярмарку — всё продаётся и покупается...

— Как всегда у нас — паны дерутся, а у холопов чубы трещат, — согласился Мыкола. — Только я одного понять не могу: как до этого всё докатилось? Брат на брата... Правда на правду...

— Всё давно к тому сползло, — пояснил отец. — Эти гадюки развелись не на пустом месте. Их война породила. Немец ушёл — они подались бандитничать в лес. Истребляли всех подряд. Никого не щадили, но и себя не жалели.

Помолчал. Потом, вздохнув, закончил:

— Гнали фашистов, гнали... А они снова маршируют по Крещатику. От мысли, что третью мировую войну развязывает негр, Гитлер, наверно, сейчас каждый день в гробу переворачивается.

— Так мне-то что делать? — прервал его Мыкола. — Не пойдёшь в военкомат — отловят как барана и силком отправят, а то и похуже — засадят как дезертира.

Мать не выдержала, вскочила. Её качнуло, и она вцепилась руками в край стола.

— Нэ видпушу тебе нікуды! То мий сказ. Все наши жинки повязали чорни хустины. Можэ, и мени ши зараз повязать? Тоби щэ сына трэба до ума довэсты. Не дозволяю!

— Ладно, мать, не шуми, — успокоил муж. — «Не видпушу, не видпушу!» Можно подумать, тебя спросят. Придут и заберут, и никакого разрешения спрашивать не будут. Это раньше призывали в армию, а сейчас забирают, — подчеркнул последнее слово отец.

— А где повестка-то? — вспомнил Мыкола.

Мать подошла к комоду. Достала из шкатулки серый бумажный листок. Вернулась к столу. Протянула сыну. Тот пробежал глазами неряшливо отпечатанный текст, сложил вчетверо, сунул в карман рубашки.

— Вот что, сынку, — сказал отец. — Выбрось-ка ты эту бумажонку и тикай завтра к русским. Трошки гривен та рублив у нас есть, до границы и на первое время в России хватит. Мать завтра котомку соберёт — и топай ты отсель подальше.

— А как же вы? — встревожился Мыкола. Взглянул на мать, на её сухонькое испуганное лицо с большими синими глазами. — Вас же из-за меня затаскают.

— Да ладно! — отмахнулся отец. — Один раз, может, вызовут. Не знаем, где ты, — вот и весь разговор. Обязательно тебе надо тикать.

— Завтра, пожалуй, не получится, — покачал головой Мыкола. — С утра треба перегнать от Наталки мотоцикл. Потом с председателем надо побалакать насчёт комбайна. И вообще: можа, из-за жатвы отсрочку дадут. И главное — сына увидеть надо, попрощаться...

— Это правильно, — согласился отец. — А теперь пошли спать. Утро вечера мудренее.

Чай в тонких расписных чашках так и остыл.

Ночью Мыколе снова привиделся сон. Вначале он увидел огромное оранжевое солнце, которое, как парашют, опускалось далеко на горизонте. На несжатом поле шёл танковый бой. Один за другим загорались бронированные машины. От лязга металла и взрывов закладывало уши. Оседала на землю ржавая пыль. Пахло бензиновой гарью и обожжённой землёй. Потрескивая, высоким пламенем горела неубранная пшеница. В этом огне сложно было разобрать, где свои и где чужие. Башня его танка сотряслась от гигантского взрыва, и огненная волна с силой вышвырнула Мыколу из машины. Он лежал на израненном поле, оглушённый, побитый осколками, и у него не было сил даже шевельнуться. Он лежал и умирал...

А где-то рядом — смутно слышалось — как какой-то украинец матерился от боли на русском языке.

Мыкола чувствовал, как душа покидает его и поднимается к облакам. Прочь от этого сгоревшего танка с перевёрнутой башней, от этой выгоревшей дотла земли. И каким-то последним зрением он успел заметить, как на него двигаются огромные машины, и он не мог разобрать, были это комбайны из его мирной жизни или танки? Мыкола лежал, обняв землю, и на него сыпались пшеничные зёрна.

Потёртая контора бывшего колхоза «Червона Украина» мало изменилась. Разве что вывеску сняли. Даже председатель остался тот же, правда, теперь он стал гендиректором

агрофирмы. Впрочем, на селе его продолжали величать по старинке: пан председатель.

Был он плотным лысоватым мужичком с маленькими хитрыми глазками. Благодаря своей недюжинной изворотливости, председатель выжил в постсоветское время и хозяйство сохранил. Умел договариваться с ворами, себя не забывал, но и с работниками обращался по-человечески, с пониманием, так что крестьяне от него не бежали.

В кабинете пан Матвей встал навстречу Мыколе. Но за радушной улыбкой угадывалось плохо скрытое беспокойство. Мыкола понял, что дела его неважные, и на помощь рассчитывать здесь вряд ли придётся.

— Учётчица мне доложила, — опередил председатель. — С тридцати гектаров снял хлеб! Вот это жниво! Шофера только жаловались — еле за тобой поспевали. Всё было так хорошо — и на тебе! Приехали эти «братки» с автоматами да с повестками! Видел бы ты их рожи... Хотя ещё увидишь... Не знаю, что делать теперь: хоть сам за штурвал садись. По всему видать, погано нашему хозяйству будет... — Помолчал. — Ты это... за стариков не беспокойся. Твою зарплату всю до копейки им отдадим. Да и вообще... будем всегда помогать. Вот дело-то какое!

Мыкола кашлянул в кулак.

— Спасибо вам, Матвей Тимофеевич. Я это... хотел спросить. Что мне дальше делать? Перегонять комбайн самому или это другие сделают?

Председатель отодвинул от себя бумаги.

— Да сами управимся. Хотя с кем теперь работать? Ведь, кроме тебя, забирают ещё Гриценко, Федюка и Нечипоренко. Яких хлопцев уводят, ёперный театр! Вы уж только возвращайтесь! — Он моргнул глазами от неожиданной слезы, чего раньше с ним не случалось, вышел из-за стола и обнял Мыколу. — Прости. Но помочь я вам, ребята, ничем не могу. Такое заварилось.

Воздух уже окончательно расцвёл, раскрасив золотой полоской облака.

Мыкола шёл по битому сельскому асфальту, по голой щебёнке, и грустные яблони кланялись ему вслед. Он знал, куда сейчас идти. К сыну. Мысленно подбирал слова, которые должен сказать. На войне всё может случиться... А вот слова, которые он должен сказать сыну, — они навсегда останутся с ним, как бы ни сложилась его жизнь.

Оксана сидела в саду. Резала яблоки на варенье.

— Тю! Ты глянь, хто це появився! — встретила она его с глумливым смешком.

В её словах была прежняя насмешка и даже злость.
— Чего сразу лаешься? Хотя бы в такой день поговорила бы по-человечески, — устало взглянул на неё Мыкола.

— Це нехай тебэ твоя учителка ласкае, а мы до ухаживания не звычайны.

— Як же ж ты гарно по-украински размолвляешь! — усмехнулся Мыкола. — Краше моей училки, хоть она и природная западенка. Если бы мы с тобой не расстались, глядишь, и уроки литературы мне не пришлось бы брать.

Оксану это лишь больше разозлило. Встала, молвила с наигранным сочувствием:

— Як же ты, радяньский хлопчик, будешь воевать с «колорадами»? Воны ж тоби, як свои!

— Чего это я радяньский хлопчик?

— Ну як же? Я ж памьятаю, с якою радистию носив ты червону тряпку на шыи! Аж червонный весь був...

— Носил, как все. Во всяком случае, я не был председателем пионерского звена, как некоторые, — отозвался Мыкола. — Видать, поморы тебя здорово воспитали.

Оксана открыла было рот, но тут же его сомкнула. Крыть ей было нечем.

На этом их разговор прервался. На голоса прибежал сын. Встал напротив — белобрысый, вихрастый, синеглазый — в бабкину породу. Мыкола опустил перед ним на колени, и мальчонка бросился к отцу в объятия.

— Тато, а ты правда на вийну идэш?

— Правда, сынок, правда. Но скоро там всё закончится. Перемирие объявили.

— Жалко... — Тарас сделал кислое лицо. — Я бы теж пишов воеваты! И всих цих сепаратистив перестриляв бы! Та-та-та, та-та, — захлёбываясь, застрекотал он, будто в его руках был настоящий автомат.

— Твоя работа? — глянул Мыкола на Оксану.

А та лишь подбоченилась гордо.

— Я настоящего украинца з него воспитаю! Не хочу, щоб зрастав холопом в свой батькивщини. З малых рокив трэба любиты ридну хату! А ну, Тарас, скажи батьки, чому ещё навчився?

Мальчишка отодвинулся от отца и, вытянув вперёд руку, крикнул:

— Слава Украины! Хто нэ скаче, той москаль! Москаляку на гиляку!

Отец обхватил его обеими руками и привлёк к себе. Придвинул лицо к лицу. Тарас ещё никогда не видел отцовских глаз так близко. И никогда не видел он в них такой боли.

— А ты знаешь, сынок, что батя твой — тоже москаль? Ты и его хочешь на гиляку?

Мальчишка в изумлении уставился на Мыколу, хлопая огромными глазами. Ему стало жалко отца и хотелось плакать.

— Ты уже большой, Тарас. Не всё подряд нужно повторять, чему тебя учат во дворе... Запомни, сынок... лучше быть москалём, чем скакать всю жизнь, как кузнечик. Ты сейчас многое не поймёшь, но когда ты вырастешь, ты обязательно вспомни наш разговор...

— Не позволяю! — заорала Оксана и выхватила сына. — Не позволяю! Збырайся звидси, поки я милицию не выклыкала! И никола до нас бильше не повертайся.

— Успокойся, жинка, — тихо ответил ей Мыкола. — Может, и не вернусь. Смерть — она ведь не выбирает. Хотя, если честно, что-то мне не очень хочется воевать за таких «патриотов». Ты вот портрет Шевченко повесила в красном углу вместо иконы, а до сих пор не поняла, что и Украину, и Шевченко надо в сердце иметь, а не картинкой на стену вешать. Прощай.

Оксана молчала.

На прощанье Мыкола не выдержал и напомнил:

— Видать, зря я тебя в детстве от пацанов защищал. Сколь волка ни корми, он всё равно в лес смотрит...

Когда Мыкола отворил калитку, то услышал тоненький голосок:

— Тато, не уходи!..

Но он лишь оглянулся в ответ и молча махнул рукой.

Он пришёл домой и всё рассказал отцу.

— Ну, и что теперь будешь делать? — дрогнувшим голосом спросил отец.

— Не знаю, батько, — признался Мыкола. — Но, скорее всего, сбегу при первой возможности. Может, в Россию, а может, и напрямую к ополченцам. Знаю точно: эту гниду надо уничтожать. И чем быстрее, тем лучше это будет для всех. Иначе столько от неё беды будет — никакими слезами не отмоешь.

— Вижу, добрый казак из тебя получился... Бунтует кровь в тебе... — низким голосом произнёс отец.

Помолчали. Отец спросил:

— Где ночевать-то будешь?

— С вами останусь. Можно, на сеновал полезу? Хочу надышаться родною травой. К Наталке завтра схожу. Впереди ещё два дня...

— Полезай. Жалко, что ли? Только ночь нынче уже холодная.

Мать принесла им горилки, кусок домашнего окорока и душистый чёрный хлеб. И до позднего вечера они сидели с отцом и вспоминали светлую прошлую жизнь...

Ночь над прикарпатским селом парила прохладным и светлым пологом. Босоногая луна расхаживала по небу, развешивая звёзды. Мыкола не торопился засыпать. Он вглядывался в расшитую серебряным бисером вышину и думал — долго ли ещё суждено ему смотреть на эту красоту? Наконец, хмель и усталость сделали своё дело, и сон сошёл на его веки.

Выспаться ему так и не удалось. Едва стало светать, двор наполнился чёрной гурьбой обкуренных «братков» с эсэсовскими шевронами на рукавах. Его тут же стащили вниз.

— И чего нэ втик? — спросил черночубый и ударил его прикладом в живот. — Чому дружину свою обижаешь? Думав, на тебэ управы нэ знайдеться?

Мыкола выдержал удар, смолчал. Только прищуренные глаза его полыхнули скрытой яростью. Зашёл в дом, перекинул через плечо заготовленный с вечера вещмешок, молча, одним кивком, попрощался с родителями и перешагнул родной порог.

За калиткой стояли, понурясь, Гриценко, Федюк и Нечипоренко.

— От це добри вояки! — развеселился толстопузый бандеровец. — Слава Украине!

— Героям слава... — вяло ответили Гриценко, Федюк и Нечипоренко.

— Героям сало! — добавил в общий хор Мыкола, но его никто не понял.

«Оно и к лучшему, что так захватили, — думал он про себя. — Легче будет к ополченцам перейти. Ещё сочтёмся с вами, суки фашистские...»

Когда подошли к машине, он оглянулся. Три дома смотрели ему вслед.

ОНА БЫЛА АКТРИСОЙ...

РАССКАЗ

Развесилось над дворами тонкое кружево едва появившейся листвы. Нежная зелень притягивала взгляд, от её трогательной незащищённости сладко щемило сердце. Воздух — свежий, острый, пьянящий — пился всем телом, каждой клеткой — с наслаждением и благодарностью. Промыто звенело утреннее небо, и душа рвалась ввысь, к птицам и свету. И хотелось, чтоб ничего не менялось в этом мире, чтоб он не старел и не грубел, оставаясь таким же младенчески чистым и звонким, как сейчас.

— Весна-а! — выдыхалось радостно на ходу.

— Весна! — хотелось громко сообщать каждому встречному (вдруг кто-то не заметил?).

— Весна, — тихо и просто сказала Евгения встретившейся на остановке соседке. И так же тихо и просто улыбнулась.

Та ответила аж с поклоном: «Здравствуйте, Евгения Львовна». И сразу же, едва Евгения отвернулась, повертела пальцем у виска — для стоящей рядом подруги-коллеги с мгновенно вспыхнувшим вопросом в сильно накрашенных глазах. «Чудна-а-я-а, — прошептала. — Артистка. Я тебе потом расскажу».

ПРОЗА

И рассказала, как только соседка уехала на троллейбусе (экономит!), а подруги-коллеги остались ждать «маршрутку».

— Представляешь, у нас подъезд давно никто не убирает... Ну, в смысле, уборщицы нет.

— Ой, и у нас! Грязища-а.

— А кто пойдёт на такую зарплату? Кто пойдёт? Ну, ладно. Я ж те про эту хотела рассказать...

Подруга-коллега от любопытства быстро заморгала и заинтересованно наклонила крупную голову в густо залитых лаком кудрях.

— Так вот. Никто не убирает. Никому не нужно. А этой Львовне...

Попытка вытянуться в струнку и изобразить «эту Львовну» была не очень удачной, но рассказчица не стушеввалась и продолжила:

— Представляешь, каждое воскресенье драит лестницу. С шестого этажа и до первого. А живёт на пятом. И охота ей — чужие плевки вымывать. А ведь артистка... В драмтеатре, говорят, работает. Кого уж она там играет?

Рассказчица не была в театре лет двадцать. Как школу закончила, так и не была. Эстрадных звёзд, часто наезжавших в их город, не пропускала, почти на все концерты покупала дорогие билеты (не сама, конечно, а... но это неважно).

— Так вот. Перчатки до локтей натянет, голову, как Солоха, повяжет... И метёт, и моет. И моет. И метёт. И такие у неё движения все... Ну, ты видела...

— Да уж...

Коллега сделала наигранно-мечтательное лицо и с придыханием, закатывая большие прозрачные глаза, прошептала: «Весна-а».

Подруги затряслись роскошными телами. Давились, всхлипывали — так получилось смешно.

— Ни с кем не общается. Только улыбается. Здоровается, конечно. Ну и так, по необходимости... Живёт одна. Мужиков нет.

— Да кто ж на такую позарится? Кости одни. А мужики не собаки...

— На кости не бро-са-ют-ся, — с удовольствием подхватила подруга.

И опять заколыхались груди и бёдра, туго обтянутые одинаково ярким и дорогим трикотажем.

В театре было тихо.

Евгения всегда приходила на репетицию задолго до начала. Не только потому, что не любила и не умела опаздывать, а

специально для того, чтобы войти в ясный покой пустого зала и зарядиться его чистой энергией, насладиться отсутствием перекрёстных эмоций, явных и неявных конфликтов. Ей нравилась предрепетиционная смиренность в общем-то небольшого, но глубокого пространства — от задника сцены до последних рядов, от правой до левой стены, от побитых молью ковровых дорожек на уставшем вековом паркете до потолка с огромной дореволюционной люстрой.

Театр был старый. Настоящий. Последняя реконструкция, направленная более всего на фасад, и, к счастью, не тронувшая ни паркета, ни дорожек, ни люстры, многое, конечно, изменила. И не в лучшую сторону. Но Евгения не любила разговоров вокруг этого. Она принимала всё как есть и продолжала любить обновлённое здание, как любят, вероятно, человека, сделавшего пластическую операцию: душа-то осталась прежней.

Евгения прошла в партер, села на своё любимое место, крайнее от прохода, в одиннадцатом ряду. Отсюда она всегда смотрела спектакли, в которых не была задействована, — и премьерные, и непермьерные. Роль благодарной зрительницы была ей по душе, и она почти все свои свободные вечера (а было их больше, чем несвободных) проводила здесь. В четвёртом кресле одиннадцатого ряда.

Да, примой Евгения не была. «Моя планка — роли второго плана», — каламбурила. И получалось у неё это совсем не грустно. В театре её любили. А как не любить? Не сплетница, не завистница, не любовница. Редкость. Живёт своей никому не понятной жизнью и при этом не вызывает раздражения. Опять редкость. Была в ней загадка — а разгадывать никому не хотелось. Пусть будет. Её несексуальная, ровная энергетика дарила окружающим спокойствие. Актёры в большинстве своём не видели в ней женщину, а видели хорошего человека; а актрисы именно за это питали к ней самые тёплые чувства, уважали.

Сцена мало преображала Евгению. Харизмы не было. Была мудрость. Была интеллигентность. Это и играла. Поэтому ролей всегда было немного.

А мужчины в её жизни всё-таки были. Просто не в театре. Просто очень давно. Поэтому никто об этом не знал.

Первая любовь приключилась, когда она, не поступив в Москве ни в Щукинское, ни в ГИТИС, поехала в Ярославль. Там приняли тихую провинциалку как свою. Повезло. Жила не в общежитии — на квартире. Родители так захотели. Заботились, чтоб с пути не сбилась. Одна она у них была. Женечка. Любили её очень. Да не уберегли: не получилось на расстоянии. Хозяйкин сын сразу на неё глаз положил: а чего

далеко ходить? Влюбилась, дурочка. В такого олуха влюбилась! До сих пор не понимает: как можно было? Сытый, холёный — почему-то казался красивым. Неумный — мнился оригинально мыслящим. История банальная. Беременность. Аборт. И попытка сбежать от жизни с её болью и мерзостью. Приехали родители. Они предстали перед ней ужасно похожими: растерянные, беспомощные, седые. А было им всего по сорок пять. Плакали втроём. Прощения друг у друга просили. Она ведь выросла в любви. И ей бы простили всё. И ребёнка бы на ноги поставили. А она... Предала их, получается? Они, действительно, не могли понять: Женечка, ну мыто у тебя есть! Как же ты могла?

Вот тогда, наверное, всё, что было в ней женского, и умерло навсегда. Осталось — дочернее. Вот кого нужно любить — только их, маму и папу. Тех, кто никогда не предаст. И никто больше не нужен. Тем более... Тем более, что детей у неё быть уже не могло.

Родители увезли её домой, выхлопотав академический отпуск. Потом не хотели отпускать, но она всё-таки уехала, твёрдо зная, что вернётся. Ведь театр в родном городе есть. Там и будет работать. В детстве, конечно, мечтала о Москве, о славе, о кино. Но судьба вернула Евгению в театр, куда её водили чуть ли не каждую неделю, начиная лет с пяти. Значит, здесь и надо было служить Мельпомене, не рваться в заоблачные дали.

Женечкины мама с папой жили дружно, но век их оказался недолгим. И умерли не в один день, но в один год. Жить в квартире, где они один за другим в страданиях уходили, Евгения не смогла. Продала квартиру. Купила другую, поближе к театру, в шестизэтажной сталинке с допотопным лифтом, высокими потолками и гулкими лестничными пролётами. Всё новое, чужое, почти враждебное. Но Евгения быстро привыкла. Освоилась. Собственно, она мало зависела от окружения. Её мир: дом, театр, музыка и природа — не нуждался в пересечении с другими мирами.

Однажды в её жизни появился ещё один мужчина. Театрал. Поклонник. Чудаковатый, конечно. Не от мира сего. А сама-то она? Поэтому не привередничала. Позволяла провожать себя после спектакля. И скоропустила в свой дом, то есть в свой мир, который очень быстро вытолкнул инородное тело — и она опять осталась одна, не сетуя ни на что и не мечтая о невозможном, понимая, что это судьба. Да и кто сказал, что нужен кто-то рядом? Нужен не рядом, а внутри. А внутри — только Бог.

Когда Он возник в её жизни? Довольно поздно. Только тогда, когда осталась одна и надо было как-то выживать. Тогда

думалось: надо ли? Но что-то держало. Вера и держала, хотя Евгения ощущала это поначалу неясно и нетвёрдо. Пожалуй, нынешнюю её веру считать твёрдой тоже, наверное, было нельзя. С Богом у Евгении были свои отношения. В церковь она ходила редко, не исповедовалась и не причащалась. Но, уверовав, не усомнилась более ни разу в том, что Он есть, что Он слышит и всё понимает. Храм ей заменяло небо — любое: высокое, чистое, хмурое. Туда она посылала не оформленные в слова благодарность и покаяние, сомнения и надежды. Владея словом и любя его в театре, в общении с природой, а значит, с Ним, она больше доверяла рождающимся в сердце размытым, неярким ощущениям, не стремясь их никак обозначить. В этом присутствовала доисторическая, без придумок и определённости, первозданность, которую можно было бы выразить только музыкой или цветом, но никак не искусственно придуманными людьми символами — словами.

В её квартире часто звучала музыка с многочисленных грампластинок, накопленных ею в далёкие семидесятые, когда после ярославского потрясения жизнь её потихоньку налаживалась в заботливом уюте и нежнейшей любви под родительским кровом. Приобретённый тогда же дорогой проигрыватель «Вега» с эквалайзером казался верхом совершенства по части извлечения чистого звука, и Евгения не изменила ему по сей день, не отправила на помойку, и никаких лазерных дисков у неё не водилось.

Конечно, она слушала вечную классику. Далёкие друг от друга Вивальди, Шопен, Чайковский, Рахманинов были столь ей близки, что мнились не только современниками, но и родственниками, с каждым из которых у неё были особенные, никому не объяснимые отношения. Она любила и поп-музыку, но только не нынешнюю: слушала Ободзинского, Магомаева. Современные ритмы и особенно словесная пустота, под них исполняемая, вызывали у Евгении чаще всего не то чтобы презрение, а откровенное удивление и снисходительную жалость. Конечно, были приятные исключения. Например, в минуты душевного умиротворения, которое нисходило на неё, когда она стирала или возилась на кухне, ею с удовольствием мурлыкались две милые современные песенки, и понятно, почему. «Она была актрисой и даже за кулисами играла роль, а зрителем был я-а-а...» И другое нравилось: «Она была актрисой, а он простой полярник...»

Но чаще Евгения напевала известный шлягер пятидесятых: «Старый клён, старый клён, старый клён стучит в окно...» Причина тому тоже была самая простая: в её окно на пятом этаже заглядывал клён — не такой уж старый, но и не подро-

сток, вполне взрослое дерево, со своей историей, со своим характером. Клён хотели когда-то спилить: солнца из-за него мало. Но Евгения отстояла. И ветви его с тех пор, казалось, стучали в её окно с приветливой благодарностью.

Репетиция прошла обычно. Главный был не в ударе, и все отработали ровно, без срывов и истерик. Из театра Евгения отправилась домой. Повозилась по хозяйству, пересадила наконец долговязую диффенбахию, а то никак руки не доходили. Идти вечером на спектакль не захотела — решила погулять по весеннему городу.

Сумерки, смазавшие очертания предметов, смешавшие краски дня, втянули в свою синюю задумчивость, заморозили покоем и отрешённостью от суеты. Она любила это малопонятное время суток, оно было ей сродни — отсутствием определённости, резкостей и крайностей.

Сумерки позволяли расслабиться, не думать о том, как выглядишь, легко вписывали её в предлагаемые обстоятельства. И она, чувствующая себя неуклюже везде, кроме сцены и зрительного зала, привыкшая глядеть на себя со стороны, именно в сумерки отмечала свою органичность и естественность в этом мире, который она принимала и любила, но который так мало любил её.

Лоснящиеся витрины магазинов, торговки на тротуаре, суетливые люди... Евгения неспешно, как обычно, проплыла мимо всего и всех. И, наконец, оказалась у входа в любимый парк.

В дальнем уголке любимого парка таилась любимая аллея — коротенькая, вроде бы и ненастоящая, неполноценная, в неё редко кто забредал. Евгения обычно промеряла её задумчивым шагом в оба конца много раз, не считая ни шагов, ни концов, а лишь жалея о том, что, сколько ни ходи, а придётся возвращаться домой. Мимо тех же лоснящихся витрин. Торговок не будет. Людей поубавится. И дорога к дому тоже станет короткой, как выдох, который хочется задержать. И задерживаешь, насколько возможно, — но это ничего не меняет. Ничего.

Да нет, неправда, что она не любила свой дом. Неправда. Любила. И одиночество своё любила. Можно добавить: по-своему. А можно и не добавлять. И всё-таки... Убаюкивающие уличные сумерки, вероятно, давали ей то, чего не было и не могло быть дома, — надежду. В этом было трудно признаться. Можно добавить: даже самой себе. А можно и не добавлять.

Именно любимая короткая аллея и именно в сумерки... Она радовала всегда. Особенно в лёгкую туманную дождливость поздней осенью и сейчас, ранней весной, когда озябшие голые ветки гордо, не сознаваясь в нищете, сверкали,

как бриллиантами, собранными каплями, притянувшими к себе слабые остатки дневного света. И так всегда не хотелось, чтобы, отгоняя безответные сумерки и приветствуя ночь, загорались фонари. Но они непременно зажигались, взрывали темноту, припечатывали к асфальту множество резких теней...

Дорога домой оказалась тяжёлой и длинной. Свежим воздухом дышалось почему-то тревожно и трудно.

Непонятно было, отчего именно сегодня привычная стенокардия так разыгралась. День как день... «Скорая» приехала нескоро. «Ничего, ничего», — успокаивала себя Евгения всё это долгое время, закладывая под язык очередную таблетку нитроглицерина. Дверь открыта. В квартире чисто. На столе — записка. Крупными буквами — куда сообщить в случае её смерти (двоюродному племяннику в Москву, которому завещана квартира).

И сладко думалось: а ведь погорюют о ней в театре. Пусть недолго, но погорюют. Зла-то она никогда никому не делала. На этой мысли Евгения постаралась сосредоточиться подольше. Может, ошибается? Может, было когда? Нет. И так и этак потрясла память — ничего плохого не вытрясла. Слава Богу. И главный тоже погрузит. Их изысканно-трогательные отношения, давшие когда-то повод для сплетен, заморозились на стадии бережного внимания друг к другу и ни во что не вылились. Кажется, они оба чего-то испугались. Она — того, что всё быстро закончится и с этим надо будет жить как-то дальше. И сценарий этой жизни, как она ни переделывала его, неизменно оборачивался если не трагедией, то драмой. Ну, а главный, по её разумению, понимая и чувствуя её, как никто, конечно, знал, что если они переступят разделяющую их много лет грань, то очень скоро эта история обернётся лишними проблемами, оттого что он не может дать большего, чем одна или несколько будоражащих тело и душу встреч. Евгения Львовна была ему дорога, он испытывал к ней нежность и сочувствие (они-то и сменяли периодически возникающее влечение).

Вот так всё придумала Евгения. Что на самом деле было у главного в голове и в сердце, это знал, видимо, только он, да и то не всегда (и это она придумала).

Придумывать Евгения Львовна, как и положено творческому человеку, любила. Сочинённые сценарии собственной и чужой жизни теснились в памяти, пересекаясь, перетекая друг друга. Без сценария невозможно было ни лестницу помыть, ни в магазин сходить, ни на прогулку отправиться. Фантазий (от сверкнувшего интеллектом взгляда бомжа до материализовав-

шегосся из сумеречного света уставшего от жизни олигарха) было достаточно. Они возникали как вдруг, так и постепенно, выкристаллизовываясь из реплик и характеров сценических героев, из любимых фильмов Антониони, Феллини...

Обширный инфаркт вырвал Евгению из жизни надолго. После больницы её отправили на реабилитацию в санаторий.

Она медленно, с удовольствием вбирая устало-восторженным взглядом ухоженную красоту санаторного ландшафта, бродила по ровным дорожкам и бережно перекладывала в памяти с места на место, как перекладывала когда-то бабушка свои наряды в сундуке, те моменты, когда в больницу к ней приходила несколько раз почти вся труппа и главный пару раз навестил. И видно было, что нужна, что её действительно не хватает в театре.

Кстати, не хватало её и в подъезде. Жильцы заросли в грязи и удивлялись, куда это Евгения Львовна пропала. И только Любаша с третьего этажа (так её называла только Евгения, для всех остальных она была Любка-пьяница) всё разузнала. Пришла в больницу, почти трезвая, чтобы сказать, как она уважает Евгению Львовну, что только она и человек в их подъезде, ну и взять займы — пару десятков хотя бы. И благодарила несказанно за неожиданную сотню и клятвенно обещала мыть подъезд, пока Евгению Львовну не выпишут из больницы, однако обещаний своих, конечно, не выполнила.

Евгения бродила в одиночестве (она не стала близко сходиться ни с соседкой по номеру, ни с соседями по столу, хотелось больше быть одной), прислушиваясь к своему сердцу: что оно там? выздоравливает? И понимала, что жить ещё хочется, Божьему свету радоваться хочется, входить в свои многочисленные роли тоже хочется. И кто знает, может, придётся ещё сыграть что-то такое... Теперь уж не Катерину, ясное дело (театр исправно ставил классику), а вот Раневскую, например... Она бы смогла. Это ведь её роль, она чувствует... Да нет, если возьмут наконец «Вишнёвый сад», то Раневскую непременно отдадут Нелли Астаховой. Кто подумает предложить главную роль Евгении? Даже Шарлотту не дадут... Шарлотта — Петровская, тут никаких сомнений. Варю дали бы, но возраст не тот. Так что роли для Евгении опять не найдётся. Жаль, но что поделаешь...

После санатория Евгения чувствовала себя намного лучше, про положенную после инфаркта вторую группу поначалу и слышать не хотела. Но врачи велели забыть про театр

минимум на год. А там посмотрят. Пришлось смириться и мечтать, как пройдёт год, всё образуется и она вернётся на сцену.

Теперь Евгения жила ещё более размеренно и плавно. Гуляла, читала, слушала музыку. И единственным нарушением режима была возобновившаяся, как только она вернулась из санатория, уборка подъезда. Только теперь уж выходила не по воскресеньям утром, а тогда, когда чувствовала себя получше.

И был вечер. Третьего ноября это было. Накануне Казанской Евгения решила помыть лестницу. Она облачилась в старый тренировочный костюм, приготовила розовые резиновые перчатки, повязала голову, как Солоха, цветастым, в тон перчаткам, шёлковым платком, принесла с балкона специальные ведро, веник с совком, швабру.

«Бабыя заступница, Казанская-то, — рассуждала она про себя не своими словами и вздыхала по-деревенски, — надо убраться, а то, что ж срам такой: окурки да шприцы — по всему подъезду».

Подъезд у них с некоторых пор, да уж года два, считай, был весьма неблагополучным. Сергей с третьего, и это все знали, приторговывал (или вовсю торговал?) наркотиками. Вот и шли в подъезд всякие тёмные личности. Евгения не раз звонила участковому — он всегда вежливо выслушивал и обещал разобраться. Вот и окно на пятом этаже кто-то недавно разбил. Дует. Евгения на днях попросила Василия Ивановича с четвёртого этажа (все знают, что у него руки золотые) стекло заменить, а он в ответ: не нанимался, мол, пусть домоуправление занимается. Может, он и прав. Не забыть завтра в ЖЭУ позвонить.

Хоть и темно было в подъезде (ещё одна беда: лампочки постоянно выкручивают), а убирать было легко. Бывает так: легко работается, с радостью.

Евгения наводила чистоту для себя, для всех, ради праздника.

Захрипела подъездная дверь. Вот именно не закрипела, как обычно, а нехорошо так захрипела. Евгения в это время уже мыла площадку первого этажа. Двое тяжело и неуклюже, хотя полностью отнюдь не отличались и лица имели худые и бледные, протопали в лифт. Она молча уступила им дорогу, уговаривая себя не обращать на них внимания и не думать о плохом, хотя ясно было, кто они и к кому.

Евгения с тяжёлым сердцем вернулась на свой этаж: сколько будет длиться это безобразие?

Она отжимала грязную тряпку, когда, громыхая, подошёл лифт. Евгения распрямилась, чтобы поздороваться. Но из лифта появились не соседи, а эти двое. Сюда-то они зачем?

— Бабка, — сказал первый, — денег гони давай.

Другой осклабился полубеззубым ртом:

— Да не бабка, вроде. Уборщица. Кошелёк-то с собой, маманя?

«И ведь вменяемые вполне, — подумалось ей. — Вполне вменяемые».

Руки-ноги не дрожали — застыли как-то сразу. И язык застыл. Надо сыграть что-нибудь этакое. Свою? Или как?

— Ребята, — сказала Евгения мирно, собравшись и обретя голос, — нет у меня денег.

И прибавила с интонацией глубоко верующей старушки:

— Идите, милые, с Богом.

Первый смотрел настырно, не собираясь отступить. Второго тоже не остановили смиренные слова Евгении, он набычился, соображая, как вытрясти из этой доходяги хоть что-нибудь.

Господи, какие отвратительные, тупые, гнусные физиономии... какие пустые глаза... И это люди? Как можно себя, подобие Божье, довести до такого? Как можно?

И Евгения, не справившись с волной яростного несогласия, а может, и ненависти, родившейся где-то под диафрагмой и неостановимо рвущейся вперёд, разгневанно прокричала:

— Нет у меня денег! А были бы — не дала. Ясно?! Посмотрите на себя! Вы же... Вы облик человеческий потеряли... Здоровые лбы. Работать надо!

Странное дело, не озверели наркоманы, даже вступили в диалог.

— Ага, — сказал первый насмешливо и даже весело, — сейчас всё бросим и пойдём. Подъезды мести и дворы убирать.

Другой заржал, и тонкие губы его заплясали в дёрганом и рваном ритме.

А ведь вменяемые, снова подумалось. Значит, бояться нечего. В конце концов, она в своём доме. И выскажет им всё, чего они заслуживают. Всё выскажет!

Что это было? Плыл под ногами пол и все четыре этажа под ним со всеми жильцами и со всем их накопленным скарбом. Плыли перед глазами эти двое, которым нужно было сказать (ведь должен, наконец, кто-то это сделать!), как ужасно, подло и гадко они живут. И находились слова — хлёсткие, пронзительные. И обретались жесты — точные, резкие, органичные. И утонули в гневе и вечная недоговорённость, и зажатость, и смирение, и покорность. Натё вам! Натё вам! Все,

все, все! Так больше жить нельзя! Слышите вы, эти двое! И все остальные, слышите?! Так больше жить нельзя!

И головокружительное ощущение полёта, как будто здесь и сейчас были сыграны все несыгранные роли, весь любимый Чехов — от начала до конца...

Она уничтожала этих двоих гневным криком, и издевательским смехом, и презрительным громким шёпотом.

Они, остолбенев, смотрели на неё во все глаза. И если бы дано было им знать хоть что-нибудь про театр, они бы поняли, что видят лучшее исполнение лучшей роли актрисы Евгении Петровской.

Но не было им дано ни знать, ни понимать. Поняли одно: обижает их сильно баба эта ненормальная. И на какой-то её полуфразе первый, разговорчивый, потеряв терпение и заорав «да пошла ты!», ринулся вниз по лестнице, увлекая за собой другана. Вместе, вовсе того не желая, сбили они с ног Евгению. Не удержало равновесия тело её гибкое, перекинулось через перила и устремилось в гулкой лестничный пролёт, до самого первого этажа. Оно достигло его быстрее, чем эти двое. Оползнув, они выскочили из подъезда и, спотыкаясь, побежали, не оглядываясь и не разбирая дороги.

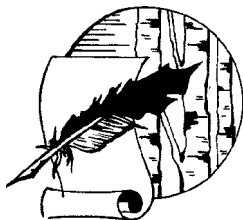
Жизнь — штука загадочная и непредсказуемая. Из кого-то не выбьешь: вцепившись мёртвой хваткой, держатся за неё, порою бессмысленную и никому не нужную (не нам, грешным, конечно, судить, и всё-таки...). А из других выпорхнет, когда того никто не ждёт, рвущейся к небу птицей, и ничем не удержишь.

— Ой-ой, кто это?! — заверещала Любаша, не успев дойти до двери и успев заметить на ком-то, кто лежал почти у самого выхода, знакомый цветастый платок.

— А-а-а, — кричала она уже через секунду, тряся соседку за плечо, надеясь, что та жива, — а-а-а, суки, убью всех, всех, сволочей, убью-у-у.

Любашин вой разносился по всем шести этажам подъезда. Жильцы с осторожным любопытством выглядывали из квартир, не решаясь спуститься вниз и не зная пока, что лестницу их убирать больше некому.

А душа Актрисы, побившись в закрытую дверь подъезда, всё-таки вырвалась на волю сквозь разбитое стекло на пятом этаже и, опустившись на ветку любимого клёна, затрепетала вместе с ней на ветру, отдавая его напору и силе свое растерянное недоумение: что это было?

Александр ИВУШКИН

ДЕРЕВНЯ, УХОДЯЩАЯ ОТ НАС...

БАЛЛАДА О НЕЖЕЛАННОМ СЫНЕ

Немым укором ветер дул с Востока.
Бойцы шагали хмуро — ветру встреч.
А к вечеру в селение далёком
гуляла немцев лающая речь.
Шнапс пили фрицы — экая забава!
И женщину, приставив к горлу штык,
втащила в дом орущая орава,
потехи ради: «Тринкен унзер Зиг!..»
И чуткой ночью, часовых пугая,
шла по дороге к дому вдоль села,
покачиваясь, тень полунагая
и смерть себе в помощники звала.
А поутру село ругало фрицев,
но были и другие на селе:
«...Уж лучше б этой сучке удавиться,
свою вину перехлестнув в петле!»
Но — чья вина, уж коли есть такая?..
Округа в спорах встала на дыбы.
А может, тех, кто, сёла оставляя,
страну бросал на произвол судьбы?
«Ужо настанут дни, — роптали люди.
И ей ещё придётся отвечать!»
Вот и Россия залпами орудий
победный путь свой стала отмечать.
Уже война к Зееловским высотам
свои пути-дороги подвела.
А женщина пугливо, без охоты
супруга с фронта, словно суд, ждала.

Она-то знала, что понять не сможет
и не ждала прощенья от него.
Ведь сын рождён — войны на год моложе.
И на селе расскажут — от кого.
Доложат, озираясь воровато,
что носит по деревне мальчуган
фамилию советского солдата
и отчество — от имени Иван.
И потому, к груди прижав ребёнка,
она, рыдая, не свалилась с ног,
когда прочла на мужа похоронку,
а испустила облегчённый вздох.
И лишь потом — до боли исступленья! —
созналась, плача, что себе лгала.
Что вздох души — не подлость преступленья:
ждала ведь мужа, видит Бог, ждала.
И что детей ему бы нарожала,
как самая невинная жена.
И что его бы сердцем обожала...
Скорей бы только кончилась война...
А тут — сынок растёт, как отщепенец,
в родимой стороне садов и хат,
где все его зовут заглазно: «Немец!..»
Как будто бы мальчонка виноват.
И кто с души тяжёлый камень сбросит,
когда однажды выросший юнец,
в глаза ей глядя, непременно спросит:
— Скажи мне, мама, кто же мой отец?

МОЯ ДЕРЕВНЯ

В медвежьем углу,
на куличках у чёрта —
подранком,
упавшим от выстрела влёт! —
на кромке кончины,
без благ и почёта,
смирненно и тихо деревня живёт.
На ветхих подворьях
не слышно мычанья
коров поутру...
Тишина — как набат!
Как будто обет
векового молчанья
был принят деревней полвека назад.

НАТАЛЬЕ

Солнечно.

Ну хоть синицей тенькай,
склёвывая искры на снегу!
Звонкою дворнягой деревенька
лает на соседнем берегу.
Сколько шума, радости и света
в этом лае — завидки берут!
Хочешь, удерём в деревню эту,
если там тебя не украдут?
По-над Ламой, словно под гармошку,
чинно пляшут зыбкие мостки.
Влюбчивы, подпившие немножко,
в деревнях российских мужики.
Что как со двора, из-за повети
кто-нибудь из местных мужиков
ладную да складную приметит —
заглядится! — и бывал таков.
Запряжёт коня и, словно птица,
разобрав поводья за версту,
с гиканьем по улице промчится
и тебя подхватит на лету!
И поди ищи Наталью в поле.
И ругай потом себя: «Дурак!»
Вымысел — и тот на сердце болью.
Ну, а если вправду будет так?
Всё-то хорошо с тобой да складно.
Эх, Наталья — светлая душа.
Не пойдём мы в ту деревню, ладно?
Больно уж погода хороша...
По-над Ламой, словно под гармошку,
чинно пляшут зыбкие мостки.
Влюбчивы, подпившие немножко,
в деревнях российских мужики.

ДЕРЕВНЯ, УХОДЯЩАЯ ОТ НАС

Деревня, уходящая от нас...
Ты отраженье всей судьбы России.
Тебя опять под корень подкосили,
оставив не у дел в который раз.
Деревня, уходящая от нас...
Как можно было по миру пустить
блаженный край в величии и силе?

И можно ли теперь считать Россией
изгоев, переставших хлеб растить
на нивах, зарастающих быльем,
пыреем, бузиной, чертополохом?
Как стыдно понимать, и очень плохо,
что мы чужое снадобье жуем.
Деревня, уходящая от нас...
Словно в тебе нужды отныне нету,
как мелкую никчемную монету,
тебя не держат даже про запас.
Деревня, уходящая от нас...

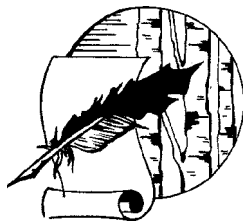
ЧАС РАСПЛАТЫ

Душа в деревню больше не зовет.
Не пробуждает прежние надежды —
там русский дух отныне не живет:
ветшают избы — строятся коттеджи
в три этажа. Откуда деньги прут —
такой отгрохать с эркером домище?
Не за крестьянский, надо думать, труд.
А за какой такие платят тыщи?
Гектары пашни прячут за стеной,
где вместо грядок — ровные газоны.
Плач коростели вместе с тишиной
из еврозамков глушат поп-музоны.
В родном селе России больше нет, —
реформы здесь освоили дорогу.
Того гляди — построят минарет,
а рядом примастырят синагогу...
Узбеки ходят шумною толпой.
Они кому-то здесь возводят дачу.
Последний односелец впал в запой,
на всю округу матерясь и плача.
Смотря на это, как ни тяжело,
вдруг понимаешь: это — час расплаты!
За то, что нам опять не повезло,
за то, что мы, как прежде, виноваты:
всё ждем прихода умного Царя,
шумим и спорим, как в застолье пьяном.
А в небе вновь рождается заря,
скрывая пашню под сплошным бурьяном.
Кого винить, кому устроить суд?
От лжебогатства нам не станет краше.

Когда в стране не ценят сельский труд,
едва ли кто крестьянский клин распашет.
И иноземным снадобьем давясь,
едва ли стать Великою Державой!
...Валяется в канаве лемех ржавый —
благой мечты потерянная связь.

НАВЕЯЛО

Вот и опять
по-осеннему тягостно.
Нега ушла, не спросившись, сама.
Всё ничего бы, но следом потянется
снежная в долгих морозах зима.
Вроде бы русский — по роду, по имени —
но не люблю холодов, хоть убей!
Зябко, забор по утру в белом инее,
и приутих под стрехой воробей.
Память очнётся: дырявые валенки
да из трофейной шинельки пальто.
Кажется, что беззащитным и маленьким,
буду я вечно, как, может, никто.
Дома картошку на постном пожарили,
чайник шумит, как горячий дурман.
Что там озябшие пальцы всё шарили,
вновь залезая в дырявый карман?..
Поле. Дорога санями наезжена.
Школьная сумка — горбом на спине.
Нет, не хотел бы вернуться я к прежнему:
там неудобно и холодно мне.

Анатолий АВРУТИН

...И ГОРЕЧЬ ПОЛЫНИ ВО РТУ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Вы, наверно, о нас?.. Мы степенной походкой пройдем
Мимо вспомненных дат, мимо праха великих сражений.
Может, шли мы неверно объявленным «верным путем»,
Но мы видели свет... И казался нам сумрачным гений...

Пусть зловещие орды всё мнили пойти на восток,
Мы мгновенно разбить их наивно и яростно мнили.
Был их замысел низок, полет наших мыслей — высок,
И врагов обращал он в ничтожное месиво гнили.

Мы домой возвращались, не очень-то зная — куда,
Где был дом — пепелище, а женщин — болезные вдовы.
Мы скрипели зубами... А силы собирала Орда —
Дым Отечества нашего был им, как запах медовый.

И Орда одолела... Не нас — тех, кто следом пришел,
Тех, кто вытравил память из шариков гемоглобина.
Им чванливо велели, и ноги закинув на стол,
Потешались: «Плевать им, что харкает кровью рябина...»

И они растоптали — и знамя, и наших вождей,
И державных поэтов, и эти багряные грозди.
Это было о нас: «Гвозди б делать из этих людей!...»
А у них в дефиците и люди, и души, и гвозди...

Ну, так в чем нас винить? Мы свое отстрадали и так.
Нету праздников наших... Зато процветает химера.
Мы пока что молчим... Но очнется матрос Железняк,
И еще громыхнет вороненая сталь револьвера...

МАРТ 1953

Я помню тот март... Мамин взгляд опечаленный...
Отца, что собрался на митинг идти.
Такой же, как и у товарища Сталина,
Партийный билет он носил на груди.

Простой инженер, он ночами бессонными
Всё делал конспекты со сталинских книг.
И очень гордился, что видел Буденного —
В Москве, на параде... Единственный миг...

В шинель не по росту въедалась окалина,
А в тело — свирепый фашистский металл,
Когда по приказу товарища Сталина
Он честно в атаку на фронте вставал.

И сжег он газету со съезда Двадцатого,
Где в адрес Хрущева струился елей,
И так ненавидел Никиту проклятого —
За Сталина... Партию... За Мавзолей...

Отец в небесах... А держава развалена...
Но всё еще дышит Отчизна моя,
Где вместо отца за товарища Сталина
Стою... Необученный и без ружья...

* * *

Надежде Мирошниченко

Мне любезен рассвет... И закатное солнце любезно.
Мне любезна коняга, что мирно бредет в поводу.
Эта бездна без дна... Мне любезна бездонная бездна,
Мне любезны синица и горечь полыни во рту.

Раздаю всё, что есть... Ничего, от меня не убудет —
На великой Руси и беспамятный помнит добро.
Надо мной небеса... Где-то в небе — хорошие люди,
Помолиться за них в час суровый совсем не старо.

Эге-гей... Небеса... Прогремите — а я вам любезен?
Вы послали мне с ливнем ночные свои письмена.
Мы с бродячей собакой чужой частокол перелезем,
И в саду очутимся, откуда всё небо — без дна.

Я голодному псу потреплю жестковатую холку,
С благодарностью глянет заброшенный пес на меня.
И тогда осенит, что бродил я и зря, и без толку..
Бесполезно бродить мог до самого Судного Дня.

Но спасибо тебе, отворенное в полночь оконце, —
В этот сад поднебесный, что воздух Отчизны сберег.
Значит, скоро рассвет... Значит, снова дорога за солнцем —
Птицам на проводах нипочем электрический ток.

* * *

Чуть первые тени прорежутся из темноты
И лыбые кроны в пруду затрепещут нелепо,
Кресты золоченые станут совсем золоты
И вспышкой застывшей почудится цвет курослепа.

Зеленым дыханьем наполнится чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат суетливые клены.
И встанешь... И вздрогнешь... И все, что имеешь, отдашь
За галочий крик и над церковью крест золоченый.

Пустые хатенки... За Храмом и дали пусты...
И заново ловишь куда-то пропавшие звуки.
И женщина рядом... И с ней уже можно на «ты»,
А значит, и можно страдать от грядущей разлуки.

Господь не поможет — о зряшнем его не проси!
В ладони — ладонь... И грядущим терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо шныряют язи,
Пуская сквозь жабры разлукой дразнящее небо.

Пройдемся немного... Тебя провожу до угла...
А там, не начавшись, конец и любви, и тревоги.
Но птица вспорхнула и клювом простор подожгла,
И пух с тополей... И ребенок стоит у дороги...

* * *

Не проще тени... Не светлей звезды...
Не сумрачней обиженной дворяги,
Не тише вековечной немоты
И не живей рисунка на бумаге —
Она парит, прозрачная душа,

Уносится в трубу со струйкой дыма,
С туманами ночует в камышах,
Везде жива, везде неуловима.
Когда бредешь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но всё душа, но всё душа при этом.

* * *

Клокотал, задыхался, сердился базар многоликий,
Где сначала обманут, а после осудят обман...
И перстом поманив, мне зачем-то стакан ежевики
Пересыпала бабка в залатанный старый карман.

Я взглянул на нее... Как у прочих, простая косынка
И почти уходящий, слегка затуманенный взгляд.
«Не тащить же назад, — улыбнулась, — мне ягоды с рынка,
Хворь совсем одолела... Самой притащиться б назад...

Что-то нынче Господь осерчал — всё хвораю, хвораю,
И в районной больнице упрямо молчат доктора...
Потихоньку молюсь за прямую дороженьку к раю...
Ишь ты: «К раю... По краю...» ... Одно понимаю — пора!

Погляди на людей — всё бегут, всё спешат, суетятся,
Всё зачем-то хватают с прилавков заморскую снедь.
Всё грешат и грешат... Ни судьбы, ни Христа не боятся...
И того не успеют, что надобно в жизни успеть...»

Я пытался спросить — что же так обязательно надо
В этой жизни свершить?... Но старуха, лицом поскучнев,
Побрела к остановке... За ворот струилась прохлада,
И лениво редели неспешные кроны деревьев...

* * *

Смотрю женатыми глазами,
Как у тебя вдовеет взгляд...
Мы сняли кольца... Между нами
Одни сомнения парят.

Слегка приглушен звук... Россини
Нам обнажает соть и суть.

Да лучик солнца апельсинит
Нагие плечики и грудь...

Еще и простыни не смяты,
Еще и плоть не обожгла...
— А как до этого жила ты?..
— Как я жила?.. Я не жила...

И всё... Гудок сиренозвукый,
Кивок — уже издалека...
Остались музыка и руки,
А дальше — память коротка...

* * *

Всё кружит октябрьская медь...
Старый дом отправили на слом...
Можно к электричке не успеть,
Но успеть подумать о былом.

Это там, в серебряном дыму,
На ветру полощется белье.
Поднял тост, к несчастью своему,
Наш сосед во здравие своё.

Поднял тост... Культяпкой поскорей
Подхватил заляпанный стакан.
И вспорхнул за стаей голубей,
Тете Ньюше крикнув, что не пьян...

Это там трудяга-патефон
Шепелявит грустно: «Бэ-са-мэээ...»
А я только счету обучён:
«Трижды шесть... И два еще в уме...»

Это во дворе визжит пила —
Ставят голубятни... Сразу две.
Это в небе птицам нет числа —
Турманы кружатся в синеве.

Ну да ладно... Спилены стволы,
Огоньки над станцией дрожат...
Электричка выскочит из мглы
И умчит куда-то наугад.

* * *

Эта жизнь лишь мгновение длится...
За мгновение нужно успеть
Уследить, как с небес голубица
Вниз несет предзакатную медь.

И штaketник спиной осязая,
Улыбаясь во весь белый свет,
Всё глядеть, как гусиная стая
Устремилаь закату вослед.

А еще бы успеть не мешало,
Неприметную тропку топча,
Затаиться среди краснотала,
Чтобы голос застыл у плеча.

И в каком-то прозреньи великом,
Сам себя понимая едва ль,
Захлебнуться единственным криком,
Встрепенув голубиную даль.

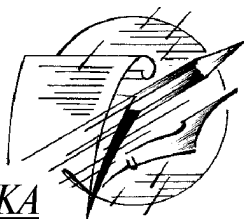
Закричать... И упасть в чистом поле,
Вдалеке от расхожих дорог,
На меже откровенья и боли,
За которыми — вечность и Бог.

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ «РУССКОЙ ВЕСНЫ»

Мой новый знакомый, дончанин, известен как полевой командир. «Кержак», — представил его в один из апрельских дней ведущий телепередачи «Русская весна на Донбассе», в которой я участвовал по скайпу. Потом наши пути пересеклись в одной из московских больниц, где я оказался с благотворительной помощью, а он проходил лечение после тяжёлой контузии. Мы узнали друг друга и договорились о встрече, когда ему позволит здоровье. На днях мы встретились в Александровском саду.

Ветерану боевых действий на Донбассе на вид лет 35. Среднего роста, сухощав; длинные прямые волосы, пальцы хирурга, скульптора или пианиста. А за плечами — окопы Славянска, отступление под огнём в Донецк, Саур Могила. Нижнюю часть лица время от времени искажает гримаса — результат контузии. Он выбрал лавочку напротив памятника Александру I. Оказалось, неслучайно.

— У меня перед ним, — кивок в сторону бронзовой фигуры, попирающей ногой трофеи, — чувство вины за всех своих соотечественников, и живых, и мёртвых. При жизни Александра многие обвиняли

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

его в трусости, бездарности, нерешительности, потомки вообще превратили его в ничтожество. А ведь он одолел неодолимого, казалось всем, завоевателя Европы. Он, вопреки мнению большинства в России, не слушая доводов осторожного Кутузова, задался целью покончить с непобедимым полководцем в Париже, именно в Париже. И с невероятным упорством довёл свой замысел до конца. В нашей истории, после Петра, равным ему можно назвать только Сталина. Я сравниваю Александровы года, 1812 — 1814, со Сталинскими 1941 — 1945. Генералиссимус добил Гитлера в столице рейха, имея сильных союзников, которые с первых дней войны составили с ним коалицию. Царю же пришлось буквально отвоевывать себе союзников у Наполеона, которые ему служили при походе на Москву. И до самого конца, до падения Парижа, не было уверенности, что все эти пруссаки и другие немцы, австрияки и прочие не изменят, не ударят ему в спину. Поэтому весь заграничный поход своей армии Александр провёл в неослабном напряжении. Надо было наступать, маневрируя, мирясь с неудачами в мелких сражениях и не допуская разгрома своих основных сил. Это была гениальная тактика, учитывающая военный гений Наполеона! Но чего она стоила царю, который дал обет перед Богом одолеть Антихриста! Не удивляюсь, что после победы над французами император поддался искушению отказаться от тягот власти, сменить дворец на скит отшельника. Знаете, я верю в святого старца... Очень правдива та история. Вы, Сергей Анатольевич, насколько мне известно, опубликовали свою версию?

Произнося эти слова, мой собеседник покручивал рукоятку инвалидной трости, поставленной между коленями. Я, устроившись на лавочке рядом, от ответа на вопрос уклонился:

— Предлагаю вернуться к этой теме позже, за кофе. А сейчас мне не терпится поговорить о делах в Новороссии.

Кержак оставил трость в покое и откинулся к спинке лавочки. Подумав, произнёс:

— Похоже, что Новороссия приказала долго жить, так и оставшись неизбежной мечтой. Всё разгромлено, и в Донецке, и в Луганске. Руины, криминал и коррупция. Население ждёт любых перемен, только скорей бы прекратился этот кошмар. Люди за этот год убедились в неспособности революционной власти справиться с проблемами в тылу. На местах всё те же лица со времен Партии регионов, произвол. Понятно, Россия не потерпит каких-то там народных республик под боком, тем более, внутри её, без олигархов. А при них, родимых, продолжится разворовывание Донбасса. Как в Крыму.

Там тишком, позорными методами устраняют от власти героев сопротивления. Чалому вместо Героя России — фактически опала; присланные из центра назначенцы находят общий язык с местными ворами, которые притаились было. Что будет дальше в Малой Новороссии, как вы наш край называете? Я думаю — катастрофа. Для всех нас, не выпускавших все эти месяцы оружия из рук. Добровольцы из России, кто уцелеет, вернутся домой отнюдь не сторонниками власти. Они уже проникнуты идеями социально ориентированной экономики «по-донецки» и будут сильно обижены на Кремль. А вот мы, местные... Куда нам податься? В Россию? Вроде как новая жизнь это неплохо, но без гражданства, без средств и перспектив как-то всё видится в мрачных тонах. Что будет завтра, не знаю, но пока так. Русская весна закончилась холодной осенью.

— Я склонен разделить некоторые ваши опасения, — дипломатично поддакнул я, — хотя завтрашний день вижу не в таких мрачных тонах. Сам факт, что Россия, придерживаясь буквы Минских соглашений, остаётся на стороне республик Донбасса, свидетельствует, что своих она не бросит. Отношение к беженцам это подтверждает. Понятно, Америка хочет втянуть Россию в широкомасштабную войну. Вы хотите такой войны? Погодите, не отвечайте, а то я собоюсь. Все соцопросы населения РФ выявляют поддержку сопротивления киевскому режиму на юго-востоке. Из России идёт всесторонняя помощь Донбассу продуктами питания, лекарствами, предметами первой необходимости; вы получаете боеприпасы, от добровольцев нет отбоя. Сторонники свободной Новороссии разделились. Одни обвиняют нашего президента в неспособности на решительные действия после Крыма, который создал для России массу проблем, другие продолжают надеяться на «хитрый план Путина». Признаюсь, я отношусь к последним лишь потому, что просто не верю, что можно вот так взять и «слить» Донбасс. Это в первую очередь безнравственно. О последствиях такого шага внутри России для «шагнувшего» говорить не буду. Он может стать началом нового распада страны, которая в марте 14-го года возродилась в вере, что наступает весна самого большого в мире разъединённого народа, что начинается собиранье потерянных в Беловежье земель.

Кержак иронически усмехнулся:

— Минские соглашения как раз подтвердили тот очевидный факт, что Россия своих уже бросила. Давно бросила, ещё в позапрошлом апреле. Я не хотел в это верить, боролся в себе с очевидными фактами. Как и большинство моих земляков,

я находился под чарами вашего президента. На пресс-конференции в начале марта прошлого года он, помнится, уверил нас: «Если люди попросят нас о помощи, а официальное обращение действующего легитимного президента Януковича у нас уже есть, то мы оставляем за собой право использовать все имеющиеся у нас средства для защиты этих граждан. Это крайняя мера». Под крайней мерой, все мы поняли, предполагался ввод российских войск. Куда, спросите вы? Так пресс-служба Кремля уточнила: где возникнет «угроза жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников». И недвусмысленным было постановление Совета Федерации от 1 марта в ответ на обращение президента Путина «Об использовании войск Российской Федерации на территории Украины». Правда, это постановление вскоре отменили, но мало кто из нас воспринял этот шаг назад, как трусость на реакцию Запада. А вот Киев именно так и понял. АТО усилилась, преступления хунты, до того единичные, превратились в массовые, а Москва ограничивалась выражением озабоченности. Наконец произошло то, что оправдало бы «крайнюю меру» Кремля, с какой стороны ни посмотри, — событие в Одессе 2 мая. Подумать только, в русском Городе-герое националисты-западенцы устраивают костёр инквизиции! Я вашими словами говорю, Сергей Анатольевич, — ПК примолк, открыв сумку на плечевом ремне, вынул распечатку. — Вот, читаю: «Когда каратели-любители, от правосеков и футбольных фанатов, подожгли Дом профсоюзов, наш прославленный крейсер «Москва» мог бы и «подыметь» на одесском рейде, для острастки хотя бы. Не решились. Или севастопольские адмиралы оказались некурящими... А может быть, сгоревшие одесситы просто не успели «попросить о помощи»? Или кричали недостаточно громко. Кремль ведь далеко и высоко. Там могли не услышать». — ПК спрятал распечатку моей статьи и заключил своими словами. — Одесса лишила меня последних сомнений. Москва кинула нас, сторонников единой, Большой Новороссии, Донбасс «сливают». В этом уже нет сомнений.

Мой собеседник умолк. А мне нечем было возразить ему. Так, не обменявшись ни словом, мы просидели несколько минут. Я вспоминал много раз передуманное и в десятках статей изложенное, что подтверждало горестные умозаключения ПК. В унисон с ними звучали слова спикера Думы Сергея Нарышкина из интервью телеканалу «Россия 24» накануне запланированных на 25 мая Вашингтоном «выборов» в президенты Украины олигарха Порошенко: «Непроведение выборов президента на Украине будет бóльшим злом, чем

проведение». Видимо, ради этого «меньшего зла» мы увели свои войска подальше от Украины, позволили отъявленным братьям обстреливать нашу землю, нарушать её границу, а на Донбассе проводить кровавое АТО, с тысячами трупов мирных жителей. Насилие карателей киевско-львовской хунты над сторонниками федерализации Юга и Востока, одесское аутодафе сродни инквизиции давали Москве моральное право на вмешательство в события обезгосударственной (в результате переворота 22 февраля) территории площадью 577 тыс. кв. км. Но официальная Россия по каким-то соображениям решила «уважить выбор украинского народа». То есть признать незаконные выборы, организованные незаконной властью, не признавая в то же время правительства республик Донбасса и рекомендуя им, непризнанным, воздержаться от собственного референдума ради меньшего зла. Так получалось. Следовательно, Москва решила признать президентом ставленника хунты, которого изберут (кто бы сомневался!). Видимо, Нарышкин понимал уязвимость такой позиции в общественном мнении. Поэтому поспешил придать оттенок неопределённости «мысли изречённой»: «Исходим из того, что нынешняя власть на Украине нелегитимна. Степень легитимности власти и президента, избранного в случае, если выборы состоятся, будет, на мой взгляд, неполной». Восстание на Донбассе наш спикер посчитал (во всяком случае, «на публику») «внутренним делом» Украины. Он задал нам загадку, кого признавать, «полупрезидента» или «полунепрезидента».

Как это согласовывалось с мнением нашего президента? Ведь, помнится, Владимир Владимирович высказывался, что по действующей тогда конституции Украины эти выборы проводить нельзя, ибо условия выборов не соответствуют стандартам. Сначала надо-де провести референдум по основному закону, выборы в ВР, затем оформить конституционное отстранение Януковича. Потом уж думать о новом президенте. Но загадочное словоблудие Нарышкина на фоне высказываний Владимира Путина давало надежду, что при несоответствии тех выборов международным стандартам Россия в любой момент вольна вернуться на позицию конца февраля-марта. Призвать к действию легитимного «президента в изгнании» Януковича.

Известные события вскоре заметно ослабили эту надежду. К началу лета 2014 года она сменилась нетерпеливым ожиданием какого-то оригинального хода Кремля, остроумным и решительным действием нашего президента, который враз, не давая опомниться Западу, поставит точку на превраще-

нии Украины в предполье перед последней полосой обороны России. Но всё реже в официальных устах, в одобряемых «политшоу» звучали «хунта», «необандеровщина», «укрофашизм», «нелегитимность». «Рассудку вопреки, наперекор фактам», наши руководители с какой-то маниакальной настойчивостью принялись везде и всюду твердить о заинтересованности России в существовании «единой и неделимой» Украины. Будто она не удаляется в сторону натовской Атлантики, не напитывается ненавистью ко всему русскому (а значит, и общерусскому) целенаправленной государственной пропагандой.

Эту большую, этнически разнородную, многоконфессиональную, цивилизационно-противоречивую, внеисторическую Украину, созданную по выкройкам большевистских вождей, можно сохранить лишь при федеративном устройстве. Но для выживания её правящих элит необходима «державна унитарна», в чём они имеют определяющую поддержку бандерофашизма и «свидомого украинства». Именно в такой Украине заинтересованы Вашингтон и Брюссель. А странная позиция Москвы (пылкая поддержка единой Украины со сдержанными рекомендациями регионального самоуправления) объективно лила и льёт воду на мельницу западноукраинских ультранационалистов.

Мои размышления прервал голос Кержака:

— Упущено время. Не вернуть, не повторить. В марте-апреле 14-го года возникла благоприятнейшая ситуация, которую, будь на то воля России, могли использовать сторонники русского единства. Притом без большого риска для Москвы. Запад никогда не решится на войну с Россией, учитывая её ядерный потенциал, а в Европе понимают, что весь континент в таком случае станет зоной боевых действий, выгорит дотла. Внешнеполитическая изоляция и санкции были бы для неё те же, что теперь, зато враз решилась бы задача, на решение которой теперь придётся затратить не один десяток лет. Если она в новых условиях вообще решаема. Российскому МИДу не в Москву надо было Зурабова отзывать, когда на Украине фактически наступило безвластие, а направить его в Крым. В Симферополе дать убежище законному президенту Януковичу и его администрации, чью безопасность гарантируют военнотруженические базы ВМС РФ. Бежавший от расправы боевиков майдана президент Украины делает заявление о военном перевороте в Киеве, отдаёт приказ армии и внутренним структурам навести порядок в стране и обращается к России за военной помощью. Уверен, Янукович, будучи гостем командующего Черноморским флотом

стратегического партнёра, именно так бы и поступил. Он податливый малый. С отделением Крыма пока можно было бы не торопиться. Поскольку рассчитывать на уступчивость хунты во главе с Турчиновым и Яценюком не пришлось бы, Москве при таком раскладе ничего иного не оставалось бы, как исполнить союзнический долг перед братским народом. Никакого серьёзного сопротивления со стороны армейских подразделений хунты и правосеков можно было не опасаться. Каковой тогда была украинская армия, мы увидели в Крыму. Молниеносное движение российских частей через Донецк и Харьков на Киев и дальше — до р. Збруч застало бы Запад врасплох. Достаточно было бы занять опорные пункты в южных, новороссийских областях, высадить морской десант в Одессе с выходом к Приднестровью, взять под контроль Днепропетровск. И там, посадив Януковича на белого коня, проводить его до Киева. Всё легитимно. Депутаты от Партии регионов с видом победителей возвращаются в Раду, а та «одностаино» (вы же знаете нас, хохлов) принимает решение о федерализации Украины. Мы бы уж, будьте уверены, постарались бы выделить если не как одну федеративную землю от Северского Донца до Дуная, то три исторических республики: Донецкую с Харьковом, Криворожскую и Одесскую. Вот эта Большая Новороссия впоследствии и решила бы, с кем ей вступать в федеративные отношения — с Малороссией или с Россией. А лучше, пока сыр-бор, оставить Новороссию независимым государством содружества. Автономный Крым же, как отдельный субъект, наверное, сразу попросился бы в Россию. Не исключая, что галичанские области можно было бы с лёгкой душой, под компенсацию за треволнения в Европейском союзе, отдать Польше, а Закарпатью и Буковине дать возможность определиться. То же Волыни: с галичанами ей оставаться в родной Польше или лучше войти в Малую Русь. А может, и к батьке присоединиться, создав с северным соседом Федерацию Белая Русь. Всё это можно было бы осуществить, решился Владимир Путин на суворовский бросок. Европа, с которой дядя Сэм не слазит, и охнуть бы не успела. Не верю, что ваш гарант оробел перед «громადьём» такой немислимой удачи. Не дали осуществить. Сильные единомышленники у него есть, но «серые лидеры» шестой колонны в России не менее сильны и опасны.

— Гладко на бумаге, — неуверенно промямлил я, лишь бы возразить. — Вы говорите, «те же санкции». Нет, не те. У Запада в резерве против нас отключение системы банковских расчетов СВИФТ, полное прекращение поставок оборудова-

ния и запчастей, лишение нас долгих низкопроцентных кредитов, искусственное снижение цен на нефть и кое что ещё, о чём мы не предполагаем. Кроме того, если наши самые надёжные союзники, Казахстан и Белоруссия, молчаливо нахмурились, когда Россия вернула Крым, то они вообще бы отвернулись, если бы произошло расчленение Украины. И что бы мы делали с Большой Новороссией, с 20 миллионами жителей, нуждающихся в помощи? Для нашей экономики и крошечный двухмиллионный Крым — ощутимый груз. Это при том, что доходы от нефти продолжают падать.

Мой собеседник, видимо, не терял времени на больничной койке — с ноутбуком не разлучался. Он терпеливо выслушал моё сбивчивое возражение и уверенно отвечал:

— Тогда у президента Путина, оседлавшего русского медведя и загнанного в угол, остался бы один выход. Только один. Как человек решительный он воспользовался бы им, невзирая ни на какие опасности. Он решил бы, наконец, на спательные социально-экономические реформы, начал глубокую, отвечающую вызовам времени индустриализацию. Долой ВТО, монетаризм! Либералы — прочь от экономических рулей и рычагов! Решительная национализация Центробанка! Полная, на жизнь целого поколения, мобилизация ресурсов, всей страны, опора на просвещённых патриотов. Через несколько лет Россию, а с нею свободную Новороссию, было бы не узнать. Она стала бы привлекательной для всех, кто ищет свои пути. А лидеры незалежных остатков могли бы выбирать, у кого им лучше быть марионетками. Но... но...

Вдохновение, отразившееся на суровом лице Кержака, как рукой сняло. Он поправил пальцами сбившуюся на лоб прядь волос и закончил этот короткий монолог другим тоном, устало:

— Время упущено. Мы, новые россы, имеем Минск, — для нас это что Версаль или Карлсхорст для немцев. Если бы нас не остановили наши доброжелатели под Мариуполем и в западном направлении, то мы до идеи Минска сами дошли бы как победители. Ещё мы имеем унитарную Украину, в которой «особый статус Донбасса» будет выражен правом скандировать «Слава Украине! Бандере слава!» на русском языке. А вдобавок сможем вспоминать ночью, под одеялом, что была Новороссия — то ли мираж, то ли какая-то Атлантида, которая сгнула в газосланцевых недрах Юго-Востока. Россия же получит, по меньшей мере до конца века, у своих границ наиболее враждебную за всю свою историю страну Украину — члена НАТО, с полумиллионной, обучен-

ной, вооружённой американцами армией, американские базы под Донецком и Харьковом, у Перекопа. Никто на берегах Северского Донца добрым словом русских братьев не вспомнит. Отступников вспоминают другими словами.

На этом Кержак резко, но с трудом поднялся с лавочки, давая тем самым понять, что ему пора в больницу. Я предложил ему выпить кофе за решёткой сада и вызвался проводить его до метро. Проходя мимо памятника Александру I Благословенному, полевой командир остановился, сделал с достоинством поклон, потом сказал, обращаясь ко мне:

— Представляете, какой урон понесла бы Россия, если бы этот вождь народа в нерешительности остановился бы на Немане, провозжая удовлетворённым взглядом удаляющиеся спины врагов? Ведь Наполеон скоро вернулся бы, с ещё большей армией французов и их сателлитов, уже всей Европы, а с юга вторглись бы турки и персы, с севера — шведы. И величайший завоеватель вряд ли повторил бы свои ошибки. Чем бы новое вторжение ни закончилось, Россия была бы обескровлена и разорена, отброшена на сотню лет назад. Его хватали за руки близкие, умоляли придворные, многие генералы настаивали — нельзя переходить роковую реку! А он, взяв на себя всю ответственность за 35-миллионный народ, не дал Бонапарту прийти в себя, преследовал его до Парижа, где православные священники провели молебен во славу России. Как жаль, что я не современник Александра. Дошёл бы с ним до Киева.

— До Киева? — удивился я.

— Простите, оговорился, до Парижа, — поправился Кержак, полевой командир из Донецка.

КНЯЖИЙ ВОИН

РАССКАЗ

Нынче здесь редко кого можно увидеть. Только дядя Вася не забывает это святое для него место своим присутствием. Он тоже теперь нечастый посетитель, но более памятный из всех приходящих сюда. Хотя можно ли назвать привлекательным для паломничества кусок заброшенной земли, где между двумя тысячелетними дубами врос позеленевший от пробившегося по нему мха то ли просто камень, а, может, остаток какой-то вежи, отметины, оставленной людьми, жившими в этих краях.

Скорее всего, это был памятник, его поверхности касались руки каменотёса, но когда это было, так никто и не распознал. Хотели узнать, нашли на тёсаном лице камня буквенные знаки, больше похожие на руны, чем на славянское письмо, даже прочли о каком-то великом князе, то ли побывавшем в этих местах, а может, почившим под этим древним надгробием.

Время ушло, любознательные к своему прошлому люди канули в небытие, а красных комиссаров, захвативших власть, не интересовала история этой страны по причине

ПРОЗА

своего чужеродства ей, они были увлечены построением светлого будущего для своего народа. Но ближняя к камню деревня звалась Князево. Отчего-то такое произошло? Чего не дают на Руси просто так — это названия. Дают его один раз и надолго. Навсегда. Потом переименовывают, но имя возвращается из своего времени через годы или века.

Живуча Русь. Один камень такой, замшелый, на её земле останется памятной, и от него снова начнётся Волга, Москва — Родина. Русь — она от Господа людям дадена, и концу конца ей не будет. Живуч и дядя Вася, он от родного простора — русский. Он тоже, без всякой посторонней помощи, уже начал вращаться в свою землю, как тот Князев камень, боясь, видно, что похоронить его вскоре будет некому. Стоя перед древностью, он становился похож на неё — на вековые дубы, на землю под ногами, в своём неизменном, затёртом армяке и стоптанных, до вида опорок, сапогах.

Жил он в сторожке на деревенском кладбище вроде при деле, хотя ни о какой службе речь не шла — кормился от добрых людей, да и только. Кладбище давно заросло вековой дубравой, кустами сирени, похороны здесь случались нечасто — люди в деревне стали совсем редки. Народ родился, но куда-то потом исчезал, растворялся в городах, а если кто и заглядывал в родные места, то умирать здесь не собирался, не задерживался долго, уезжал восвояси, а чаще никто ни слухом, ни духом о своём дальнем житье-бытье не заявлял. Кое-кто из заблудших на чужбине по прибытию на свою малую Родину приходил к Князеву камню, отвешивал поклон своему и общему прошлому, выпивал с дядей Васей кружку горького вина, поминая при этом князя невиданного, родных своих, свою понятную былую жизнь. Потом обретший память земляк шёл к могилам своих родителей, родичей. Здесь без помощи сторожа никто не мог обойтись: нелегко холмики, поросшие травой, в лесу отыскать, пусть и родные они. Но дядя Вася знал места упокоения каждого односельчанина, мог рассказать о его жизни и смерти, служил проводником в прошлое своей деревни.

Мог поведать историю Князева камня и сказать слово о самом князе. Этих сказов со временем становилось всё больше, сочинял их сам дядя Вася, но никто его в этих фантазиях не упрекал: прошлое минуло, и мало кого тревожили выдумки о нём. Легенда, рассказываемая дядей Васей, становилась всё витиеватей и длинней, а слушателей всё меньше и меньше. Время поощряло сказительный талант кладбищенского сторожа, увеличиваясь непомерно между посещениями любопытных и совсем неинтересных гостей и редких, ещё не обделённых памятью земляков.

Сказ начинался в лучших традициях русской былины: «Когда-то давно жил в этих краях достославный князь. И был он разумом светел и телом могуч...». Окончание же повествования зависело от внимания слушателя. Если оный был не охоч до рассказов и баек, то у середины своей повесть начинала комкаться, укорачиваться (чего зря красноречие изводить, дураку что просо, что брильянт — всё едино) и заканчивалась в двух словах: «И почил князь от дел своих под этим камнем». Но находился настоящий слушатель, и сказ расцветал неслыханными при жизни князя и после неё историями его подвигов и других благих дел. Когда кто-нибудь из особо памятливых гостей, начинал перечить словам рассказа (мол, в прошлый раз было другое), дядя Вася и вовсе прерывался на половине своего повествования и начинал сердито курить самосад, всем своим видом давая понять, что право на повесть принадлежит рассказчику, и как должен жить великий князь, ему — потомку его, лучше знать. А причина к тому была — в деревне, да и вокруг по земле, его звали не иначе, как потомком князя. Так нарекли, а попросту в деревне до такого звания никого не возвысят. Имя человечье, что при крещении дают, то для Господа, к престолу звать, после земного гостевания, а прозвище для людей, пока среди них во грехе живёшь, — вроде ты, а может, и нет. Бог даст, не заметят твоих пакостей, творимых при жизни, но надежды на такое прощение мало, Отец Небесный всё и всех видит, тем более потомков князей. Любое человеческое звание обязывает достойно на земле жить, а княжеское особенно.

Невзрачный собою, по правде говоря, достался поселянам потомок княжеский, но и деревня или то, что от неё осталось, была под стать. Домов тридцать скособоченных осталось стоять по улицам, из них большая половина заколочены, покинуты. «Куда народ подевался? — дивился остатний потомок могучего владетельного князя, покуривая самосад. — Чего людям надо? Такое раздолье кругом, живи — не хочу. И не хотят. В каморке вонючей в городе ютятся, а в деревне дом-пятистенок в тоске одиночества валится набок. Последний заморыш городской приедет, отъестся на молоке да на масле настоящем, а сам свысока поглядывает на кормящих его: лапти вы, мол, недоплетённые. Вон, Митька Бывалых, возьми, парень как парень — пахал, сеял — человеком был. Урыл в город, грузчиком работает, будто подменили его там. Мысли у него безродные стали, неприкаянные, обрывки от прошлого. От стакана до рюмки живёт. Теряется народ в городе, ветшает. Чужим становится и в первую голову — себе».

«Однажды», — так начинается множество повествований, сложенных людьми, живущими на земле. Рассказов хороших и не очень, хотя суждения, как и осуждения, всегда относительны, как и все человеческие слова. Однажды, единожды, именно так определяется срок жизни человека на земле. Об этом мгновении и хочется поведать современникам, а удастся, и потомкам. Однажды, так начинается всякая жизнь и единожды проходит. Из этих мгновений и сложена Вечность. Она и сложена для того, чтобы однажды продолжиться ещё одним повествованием, а потом остаться в нашей памяти этим росчерком пера. Не каждому дано вылиться радостным сказанием своей пробегающей жизни или уже почти минувшей. Не каждый умеет заметить время своего рождения и промежутки того же времени движения к смерти. Чаше замечают чужую, чем-то выдающуюся жизнь, забывая о своём единственном присутствии в мире, столь же нужном, как и рождение кумира, в котором растворилось время твоей жизни. И часто совершенно бесследно. Но одна напевная сага может прожить на устах потомков тысячи лет, чтобы оформиться в великолепии исторических событий, хотя через тысячу лет очень сложно судить о действительности событий, переданных красноречивостью человеческого языка. Но если сказание живо, прошедши через века, значит, оно имеет право жить, и не нам судить о том. И слава Творцу, что живы народы в своих преданиях, потому что однажды кто-то сказал слово о своей жизни или описал чужую, более яркую, не заметив в этом свете своей. Пусть будет славен и тот, и другой, как и всякий отважившийся сказать слово. И дядя Вася в их числе славен, невзирая на незаметность своего присутствия во времени. Пусть единожды, мельком, но он велик, остановив время княжеского жития, разбросав этот сказ по умам слушателей, городам и весям родной земли. Вспомнить — значит узнать себя в прошедшем, может быть, в том князе, который будет жив до той поры, пока однажды не народится другой достославный князь и не объединит прошлое с настоящим.

О новой жизни и людях в ней, пробивающих себе дорогу куда-то, а то и просто живущих, как кроты, боясь света разумного, абы день до вечера провести, а ночь скроет и грехи и святость — расскажут много и многие. Разным земным событиям и человеческим деяниям, произошедшим на его веку, был свидетелем княжеский потомок. Немного людей на его глазах выросло из своего детства, очень мало из юности, и уж совсем редкостны стали человеки, что выходят из разумения молодости и становятся взрослыми. По обличью они добро-

почтенные старцы, а присмотришься пристальнее — балбесы малолетние. Прожил долго, а спросить нечего, он про своё прошлое толком не помнит, а уж о корнях и памяти вековой и говорить нечего. Своих кумиров в телевизоре разглядывает и их радостью богомерзкой живёт. Радость должна быть тихой, покойной и светлой в Любви, Христом завещанной, а не лахудрой с голыми сиськами, что ими по экрану во все стороны размахивает, не для того же это дано, а детей вскармливать. В такой груди и молоко горькое, отравленное чужими взглядами завистливыми, оттого и дети маются у таких матерей — то разумом, то телесным недугом. Коли в голове недород, то и всюду одни сорняки. И полоть их уже некому.

Спросите, отчего дядя Вася сказителем стал? Такое не вдруг случается и не со всеми. Давно жил в деревне паренёк Василий. Неказист уродился внешним видом, но вырос удал и дерзок и в работе неуёмный. Рано остался без родителей, воспитывался у бабки своей и был очень самостоятелен в желании жить. Рано начал работать, поставил хороший дом и к двадцати годам решил жениться. Девку выбрал самую рослую и красивую — никак ему не в пару. Но упорен Вася и в любви оказался, добился-таки согласия красавицы; чем уж он её, голубушку, полонил (на полголовы ростом ниже невесты), одному Богу известно, но стали готовиться к свадьбе.

Вася тогда ещё не назывался потомком князя, но праздник готовил по-царски. Стройками, лентами, музыкой, скачками. На лошадях, расфранчённых яркою мишурой, двинулись в районный загс, а после, уже в качестве законных мужа и жены, с радостью этой вселенской, помчались на рысях в деревню, где народ ждал, томился у накрытых свадебных столов. Зима только началась, снег не шибко лёг. Мчали резво, с удалым куражом, молодым задором. Уже перед самой деревней шаркнули сани полозьями о голую землю, пошли боком, невеста вылетела и расшиблась о придорожную корягу. Два года потом лежала недвижимая, без памяти и без слов. Так и померла невестой, а Васю оставила навсегда женихом. После похорон её заметно стало, что угас в неслучившемся муже огонь желания жить. Нет, он оставался на земле, но уже как-то больше по привычке, без радости. Погоревала вместе с внуком и отправилась на Божий суд бабушка, и остался Вася один среди людей. Помыкался ещё пару лет на колхозных работах, потом выпросился кладбищенским сторожем служить, рядом хотел с любимой быть, а тут, в аккурат, преставился старик, охранявший погост деревенский, и место стало вакантным. Но старик стариком, а вот как молодого на кладбище списать, тут надобно разрешение от власти. Но

отпустили, чего парня в неволе держать, коли у него всё из рук валится. Там, на кладбище, и работа не видна, по старости подходит, а молодой гражданин должен государству пользу приносить. А какая польза от усопших, вечная им память. Оформили пастухом, грех на душу забрали, но то мирской обман, не тяжкий. Ну, как назвать кладбищенскую службу, когда кругом безбожники? Чего, мол, их охранять, души нет, Бога нет, а кости никому не нужны. А подумать хорошо, так Вася навряде апостола Петра у ворот погоста — встречает усопшего и покой его хранит. Но нет таких должностей в советских работах. Не нашлось, будто народ в безверии бессмертие телесное обрёл. И стал Вася пастухом по ведомости бухгалтерской и пастырем у могил упокоившихся навечно. Где ограду поправить, где цветы полить, да мало ли заботы в местах упокоения, души умерших тоже радуются, когда о них волнуются и не забывают поминанием, приходом на место последнего их пребывания земного. Но только сначала приплачивали в колхозе жалованье, а потом забыли. Сторож есть у кладбища деревенского, а у колхоза без него забот хватает и денег нет всегда. И стал Вася вольным художником — сказителем, сам себе своё пропитание выговаривал.

Много ли человеку надобно? Доброе слово да хлеба кусок. Всяк по-своему живёт, у кого закрома ломаются от добра, другой и похлёбке рад, а кто из них счастливее, поди, дознайся. О своём счастье Вася ни с кем не заговаривал и ни на что не жаловался, ему хватало и светлого дня и тёмной ночи, и люди к нему шли, своих проводывали и его не обижали. Так и стал Вася покой усопших своих земляков охранять, не найдя своей душе отдохновения. Позднее отыскалась княжеская могила и началась легенда, и никто уже не мог вспомнить, жила эта сказка раньше или появилась с началом Васиного отшельничества на кладбище. Да никто об этом и не думал, слушали и всё тут. Сперва сомневались, после привыкли, изменить прошедшее пытаются только дураки, а таковые на огонёк к сторожу не заходили. К такому событию готовились долго, в одиночку, копили обиды, грехи, а уж потом шли высказаться и послушать. Послушать и сказать. Часто случалось, что приходил человек поговорить о своём наболевшем, томившем мысли, но, послушав, о чём идёт разговор между другими людьми, и в этом случайном собрании слов узнавал себя и о себе и уходил, не сказав ничего — все поняв и тем успокоив боль своих невзгод. На кладбище лучше понимается мелкость своих несчастий. За кладбищенскими воротами и звуки другие. Понятней. Смысл слова огромен,

когда вокруг не суетятся, а слушают и понимают. Когда Вечность впечатана в землю крестами. Вехами бессмертия. Ушёл один — пришёл другой. Пока помянуть, осмыслить, а потом и совсем. Но придёт следующий живой, и помянёт, скажет доброе слово об усопшем, и откусит кусочек хлеба, свою часть от Вечности. Причастится к ней.

Так легенда вросла в родную землю и стала душевной нуждой, за которой идут люди к дяде Васе узнать, какую ещё великую доблесть обрёл в себе их земляк — князь. Тем и жива легенда, что всегда нова на свежих устах. Выдумка — не обман, это заслуга рассказчика, свет его разума, льющийся в души слушателей, окрыляющий верой, что всё было именно так и дальше будет ещё лучше и красивее. Даже на кладбище. Умер, но жил, чтобы стало лучше. Только поэтому стоит жить. Жить рабом, но верить, что жива воля, за которую бьётся и борется князь, и надо помочь ему своими делами, чтобы обрести эту даль и ширь своей земли. Она, эта вера, и есть — свобода. Мысли о свободе — крамола души. Свобода от чего? Это когда беды нет. Но чаще свободу в беде находят. В разбое. Сказы сказывают о благородных служителях ножа и топора, о вольных, лихих людях. Говорят с завистью и томлением духа, забыв, что пред Господом никто не волен. Волен только Господь. В крови и злобе свободы не бывает. Потому и неясно, где жертва, где палач. И судить никто не волен. Земные судьи на службе у власти кормятся. А Господь сам судит, и присяжные его суда тоже не на земле живут. Не купишь. Земной суд это так, для потехи тщеславия, всё настоящее людей после кончины ожидает. И казни лютые, и награды высокие. На кладбище идут, кто наград не ищет, а душу растерянную объединить желают. Пока сам у дяди Васи чаёк попиваешь да беседеуешь, душа твоя с душами родных и земляков встречается, узнаёт многое, лечится от суеты, злобы в той суете. Красивей становится, добрее. Но ты об этом не знаешь, и, только выйдя на дорогу, ведущую в село, ощутишь в себе покой и веру, возносящую твою душу к Господним высям. И князь светлым облаком оживает в тебе, и верится, что славные дела его умножать — долг твой. Уважали мужики дядю Васю. За слово доброе, за всегдашнее ожидание, полуденное и полуночное, несчастий человеческих, что приносят ему из-за забора кладбищенского и хоронят с его помощью, в тишине вековых дубрав, выросших здесь с самого начала белого света. А пуше всего возвышала Васю в нехлипких мужских душах его нерастроченная любовь, схороненная за оградой кладбища у могилы любимой. Величают люди глубокие чувства, что через землю прорастают, не пылкостью юной, а

через страдания, Господней любовью ко всему живущему на Земле. Со всеми людьми Вася ровен был в отношениях. Провожал на могилку родственников, ежи таковая имелась, или просто привечал в своей избушке. И никто не уходил от него, не излив в беседе душу свою и не выслушав легенду. Один дотошный газетчик, приехавший с какой-то оказией собирать деревенский фольклор, измучил дядю Васю вопросами. Сначала слушал, потом записывал, а вопросы стал задавать, когда понял, что записать легенду невозможно, у неё нет окончательного варианта. А на все выдумки рассказчика бумаги не хватает.

— А был ли князь? — спросил писатель после нескольких прослушиваний. — Что-то описание его подвигов у вас каждый день разнится с другим, последующим.

— Так и дни не все погожие: и хмурые есть, ненастные, — отвечали ему.

— Легенда-то из веков, при чём тут нынешние дни? — не отступался приезжий.

— А теперешнее время откуда? Не из веков ли? Мы не от Ленина, слава богу, родились, а от отца Небесного. День ко дню — и Вечность образуется. А у Вечности много чего есть. И князья там жили и живут, — твердил своё Вася.

— Он что у вас князь, — не один? Так бы и говорили, — отбыл восвояси собиратель древних сказаний. Множество имён придумали России заумные её жители и совсем безумные бродяги заморские. Тут тебе и варварская страна, и тройка-Русь, и умом её не понять. А кто просит её понимать тем развращённым умом европейского безбожника, нашу бескрайнюю Русь. Для того чтобы Россию понять, ум бескрайний нужно иметь, безграничный. Россия — это мужик, одетый в просторную рубаху, он красивый, светлый лицом, в льняном уборе волнистых волос, с доверчивым, но смелым взглядом, готовый пахать и защищать родную землю. Россия — это женщина, удивительная Василиса Прекрасная (именно так с большой буквы), с вечным ожиданием и любовью в своих чистых, как родниковая вода, глазах. Вот она, Русь и все её дворцы, и Кремли, и даже мавзолей дьявола, от мужика, от его труда, от взгляда его доверчивого, веры бесконечной, неколебимой, что воздаст Господь всем по заслугам; и ожидание в глазах женских всё от той же веры истовой в начало и продолжение Русской земли. Кто-то придумывает этой земле названия, этому народу имена, а народ просто живёт и ждёт пришествия Господа, чей святой дух хранит его землю. А ещё пропитана земля Русская совестью человеческой на все времена: и добрые и лютые, и с первыми

шагами по родной земле наполняет она русскую душу до краёв боязнь обидеть кого-либо ненароком, оскорбить нелюбовью, встретить неприветливо. Совесть в русскую душу мукой великой вросла. Никому её потеря так дорого не обходится. Человек без совести — вроде языческого божка становится: напасти и страхи насылает на ближних своих, без милосердия душа его обитает. Ему и себя не жалко. Бога нет — совести то есть, значит, и жизнь — моя, а не данная кем-то для благих дел, хочу и себя погублю на утеху своему язычеству. Но противны такие мысли русской душе. Эту совестливую широту души русского человека марали и гадили все недруги и други переменчивые, но отмывалась она после кровавых побоищ и снова, с ожиданием любви, глядела в глаза врагов своих и верила — поймут, должны понять. Понимали, но ненадолго, и вновь хаяли и виноватили кормилицу свою, боясь размаха её силы и желая её гибели. А почему так случается? Тысячу лет растила, множила и хранила Русь свою совестливую православную веру, жила в ней, и была ей. А Европа изменила Христовым заповедям и расплодила у себя ересь, хитрость и лукавство. В том и суть нашего различия. Но должно бы им всем знать: если проснётся в русском мужике зверь и утихнет совесть — весь мир дыбом встанет и не будет пощады никому из нынешних и будущих клеветников. Любите — покуда добры к вам, идите в открытые объятия — покуда зов ласковый слышен.

И мысли такие у Василия прозревали от самой земли родной, от камня княжеского, до Небес тянулись, к Господу. А пути Господни дивны, вечны и мудры. Так и слова добрые, неожиданно пришедшие не тяготят, но радуют. Поначалу дивился Василий таким думам, будто бы и не своим, боялся, больно широко захватывало, но после решил — коли дано, стало быть, так Богу угодно.

Не каждому дано прорваться в память своего Отечества и сотворить о том легенду, суметь рассказать её, связать, объединить время, пусть здесь, в ветхой избенке кладбищенского сторожа; что ж, не всё доброе во дворцах живёт, чаще наоборот. Вася дворцов, выше сельсовета, не видал, а так высокие терема, да подворье княжеское словами раскрашивал — заслушаешься. Распрямлялась его неказистая стать, занимались огнём на морщинками повитом лице глаза, и вот уже он сам горячит плетью застоявшегося коня, правит с княжьего двора со дружиною удалой, и льётся, льётся сказ о том походе славном, о воинской доблести и ещё многом, многом забытом, растерянном в суете смешной человеческой жизни. Умели раньше сочинять истории и саму Историю блюсти.

Говорить умели, слова знали верные. Ныне забыли многое, растеряли в войнах кровавых, а пуше того в революциях смрадных, коммунизмах разных, обману научились, ереси, лжи красивой. От этого всего и идут люди к рассказчику честному, дивные слова знающему, там и вспоминают своё родство с добрым словом, с песней славной. К дяде Васе идут на кладбище, там всё прошлое, древностью пахнет, словом мудрым тишина — до поры она тишина, грянет громом, раскатится, молнией засверкает прямо в души и осветит былое, освятит родное, и придёт Любовь в сердце; и пойдёт человек своей дорогой, оставив недобрые помыслы, похоронив печаль и заботы средь вековых деревьев, уже не боясь безродности своей, восстановив в услышанной легенде связь времени с живущими на Земле людьми.

Не каждому хочется взглянуть в глаза истине, вернее, никому не хочется этого делать — страшна правда, даже взгляд в её сторону пугает; там все мерзости, нами содеянные, собраны, бежать захочется, а может, задуматься и пойти за своим взглядом в истинную сторону, тяжёлый будет путь, но славен. Слава земная к праведникам не охоча, но люди её всегда помнят. Да что слава, её кругом много, кумиры что вши плодятся на капищах порушенной истины. Много мелькает лиц, звучит слов, но помнится только настоящее. Если вымрет память о праведниках — кончится жизнь на земле, как Содом и Гоморра, как башня Вавилонская, ведь не Господа люди узреть хотели, на небеса поднявшись, себя показать, мерзость свою возвысить, в гордыне своей с Небесами сравниться. Известно, что потом произошло, и так будет всегда. Только разрастается клоака нечистая, ширится, или Божьего гнева уже не хватает, или число праведников совсем уменьшилось; а, кажется, больше извратилось понимание истины, лжепророки по всем углам множатся, сулят славу, богатство, а то и есть муки адовы, мерзость пред Господом, и смерть, смерть, смерть души нашей. Но души от чистоты нашей памяти возрождаются. Уходят с кладбища люди, из малой избушки-сторожки напитавшись слов добрых, душою светлея от шага к шагу, и несут этот свет в мир, где множатся испытания и не почитаема истина. Не дойдут эти, придут другие, твердые духом. Жив дядя Вася, жива легенда о славном князе, о подвигах его во славу народа, многие придут, и светлым станет их путь обратный, освещённый светом той истины, которой боятся, но идут за ней и приходят. Вася не только рассказывал о князе, его подвигах, но и видел его в своих беспокойных и всегда коротких снах; не тех лёгких видениях, что приходят от желаний, не исполненных днём, а пытливых про-

должений самой легенды, где являлись новые сюжеты и лица, происходили сражения, все события развивались согласно сценарию неведомого режиссера, отрывки неких кадров, должных объединиться в одну картину, но многое смазывалось, рассеивалось в утреннем свете и оставалось в памяти только то, что и дополняло легендарные образы и благие дела. Жил Вася двойной жизнью: ночью ходил в походы, был дружинником, защитником Отечества, днем бродил среди могил, обихаживал кладбище, встречал памятливых гостей, просто странников, бродяг; некоторые жили у него в избе днями, а то и дольше, месяцами, и зачем они тут были, и куда потом девались, никто не знал, в голову никому не приходило расспрашивать о том. Людишки заходили незаметные, молчунны, но Вася их зачем-то привечал, прикармливал и отпускал с Богом на все четыре стороны.

Много по свету людей бродяжит, кто от чего ушёл, всего не дознаешься, но больше от неясности бредут, хотят до истины добраться, не зная, что она недвижна и неизменна, чем дольше идёшь, тем дальше от неё и отходишь. Потом причалит бедолага к какому-нибудь берегу, и начнёт понимать себя, и снова уйдёт, теперь уже от себя, от горести своего узнавания. Так и ходят от одной печали к другой, но для чего-то они, эти побродяжки, тоже есть, должны быть, из века в век идут, скорби собирают и уносят с собою, потому и принимает народ странников с душой и открывает им тайну горькую свою, и уходит скорбь вместе с каликами перехожими. Им что? У них ничего в этом свете нет, потому и печали нет, вот и выслушивают других, чтобы понять, зачем живёт человек, в богатстве лишь тоска, но всяк о нём радеет. Заберут кручинушку, они новую копят. У Васи всё по-другому: здесь люди помолчать собираются, послушать, на кладбище только дураки кричат, но те редко сюда заходят, что не дурак, то умереть боится, думает, подальше от погоста буду, дольше поживу, а зачем — не задумывается. Вася многое о том думал, рассказать было мало кому, да и зачем, он легенду знал и сказывал её, туда и свои мысли укладывал, как получалось, но, видно, неплохо говорил, надо уметь складывать слова, чтобы тебя слушали, читали, для того должно отыскаться какое-то начало: высокое, божественное, а может быть и дьявольское. Кому что милее, оттого и слушают люди, а которые прочь идут, в головах скудость имеют, а гордыни много, чтобы глупость свою признать. Глупость — она от лени, от нежелания слушать. Есть хлеб — покушают, нет — поплачут, а от чего так происходит, думать не хочется — трудное это дело. Леня наперёд людей родилась.

Слушателей у дяди Васи хватало, живые сами приходили и уходили, почившие прибывали на телеге и на автомобиле и оставались навсегда, они всегда вернее — не обманут, не польстят, только смотрят с укором с фотографий памятных, много у них вопросов к оставшимся на земле, но до времени, до встречи молчат, а укор их в обретенной ясности того смысла, что на земле никогда почитаемым не станет. Сам Вася давно умер, он жил только на кладбище и больше нигде, а, значит, был покойникам роднее, нежели живым. Весь род человеческий от рождения — потенциальные покойники, но жить при жизни на том свете не всякий отважится, как и о былом говорить не каждому дано. Все пытаются в будущее заглянуть, а там ничего — кладбище, родня зареванная, если есть, конечно, и ты одет, как в праздник, от радости, что всё закончилось удачно, можно ведь жить остаться надолго, так долго, что взвоешь от этой бесконечности своих мытарств и дури в них. В прошлое никому оглядываться не хочется, там такие мерзоты наворочены, по пояс, по грудь, а у кого и под горло жмёт, никому не хочется себя в дерьме помнить, а в будущем всё возможно, но покойником и в настоящем, и в дальнейшем быть вернее. Все того ждут и боятся, а ты вот уже тот, кем все ещё только будут. Не мечтают, конечно, но непременно станут, и потому оглянуться только тому дано, кто раньше всех понял, что в будущем ничего нет и жить нужно сразу по-человечески, с малых лет. Потому дядя Вася никогда не изнывал мечтами, что вдруг кладбище превратится в райский сад и одарится он пышными плодами его. Спокойно относился и к живым, и к умершим, к князьям и рабам, в покойниках все перед ним равными проходили, и он им вровень был, жив — не жив, но память отеческую величал. Говорят, что на погосте бесы обитают, вурдалаки, оборотни, про них люди шепотком сказывают, не зная и не ведая, да и не видевают того. На кладбище тихо и покойно, мертвые сраму не имут, и не потому, что не живут, а не приемлют его, Господа узрев. Бесы, они среди живых людей проживают, в кабаках за стойкой стоят, в карты зовут играть, на воровство смущают, при жизни в сатанинское воинство готовят, а похоронили — души усопших либо плачут, либо радуются и уже навсегда. Вася много лет живёт, никаких передвижений на своей территории не замечал, тишину слышал, а в ней благость, а вот когда гроза, вроде как плач раздаётся рядом, а может, мерещится по старости лет, но нет, плач не может блазниться, чудится смех, то дьявол хохочет над человеческими делами, а на кладбище все старания и страдания к тем мучениям закончены, смеяться не над кем и не над чем, всё умерло — всё,

и сатане делать тут нечего. Мир да любовь царят на погосте. Мир среди усопших и любовь к ним помнящих о них.

Вася живёт долго и всё потому, что умирать ему не надо, он совсем коротко среди людей обитал и сейчас находится в том мире, где нет суеты, лишних слов и покойно, а то, что он ещё не под землёй, так ведь надо же кому-то за могилами усопших ухаживать, живым это делать некогда, они не помнят о смерти, и потому она к ним приходит неожиданно. Вася помнит о своей кончине, она уже состоялась и больше ему не страшна. Умирать надо уметь, не тащиться за ненужной жизнью, не ползти, желанная пора проходит быстро, а жить против желания не стоит. Желания мешают умереть, а если их нет, то и жить не надо, но и умирать, если что-то не закончено, — нельзя. А не закончена легенда, в каждом сне видится ему её продолжение. Ему снится, значит, ему её и договаривать. Умирать недосуг, князь живёт в нём не обличьем, но словом. Вокруг земля родная, и о том каждый знать должен и легенда — тому напоминание.

Князь повернул своего коня: «Всё, дальше чужая земля лежит. Отдохнём пару деньков и к родным вотчинам направимся». «Можно бы дальше пойти, город виден за рекой. Добычу возьмём», — раздался голос от дружины. «Или головы сложим. Воровство нам не по чину. Мы — защитники своей земли, а не разбойники. Вольна наша земля, и мы ею будем живы». — Князь спешился и подал молодому дружиннику повод.

И Вася проснулся от этого сна. В деревне петух горланит, подниматься скоро. Рано Вася встаёт. Казалось бы, чего спешить, почивай себе до свету, покойники в двери стучать не станут, им ничего от тебя не надо. Вчера, правда, странник к нему приبلудился, чуть жив, каким его ветром принесло, как добрался, ничего не сказал, чаю выпил, и дремать зачал. Уложил его Вася на постель в маленькой комнате и подумал, чего они ходят, куда хотят добраться, до чего — до счастья, до богатства, а, может, к себе идут всю жизнь? Надо же так потеряться, чтобы по всей земле себя искать. Нет, что-то другое этих людей по земле водит. Или корни оборвались, прорасти не могут, вот и носит их ветром туда и сюда. Расспросить бы надо, отчего ушёл или куда дойти хочет, что потерял и что находилось в долгом пути. Будет жалиться на судьбу, бродячую жизнь, но поживёт недолго и отправится дальше, куда, одному Господу ведомо. Богу многое известно, всякое почему — Его путь, определенный судьбой.

— Почему бродишь? — спрашивают.

— А ты чего дома сидишь? — вопрошает в ответ бродяга.

— Не знаю, — говорит домосед.

— И я не знаю, — вздыхает идущий. Дай ему дворец белокаменный — и от роскоши уйдёт. Бродягу о цели пути спрашивать, как птицу про высоту неба — её всегда недостаёт. Иного прохожего спросишь, где бывал, чего видел, — он и не помнит ничего, а зачем ходил, бродил по свету, неизвестно. Другой из дому не выйдет, а всё, что ни спроси, и в тридевятом, и тридесятном царстве знает, что там творится. Прозрение человеку от Господа дано, и про князя тоже, иначе, откуда ему в Васиных снах оказаться. Поле Куликово тоже из снов явилось — о свободе, единении сил, ту волю рождающих. Долго те сны народу снились и только потом освобождением явились от междоусобных распрей, от мелких мыслишек корыстных, из своего «я» к народному — «мы», выбором — пропасть в рабстве или силой стать. И князь славный нашёлся, и на поле привёл, и победу добыл. И град Китеж со дна всплыл, и вспомнили люди жизнь былую, волю вольную. Тот град Китеж и есть Русь упрятанная, потаённая до поры, до победы над рабством своим, ведь сказано: возродятся града и веси, не из пепла, нет, из памяти народной. И покуда разруха и гнев на земле, народ надеждой жив, что всплывут города и поразят своей красотой сердца, и воспрянет в них Любовь. Легенда красивая и смелая — путь к той Любви, и потому окончания ей нет, что тайна не имеет конца, как не имеет конца земля родная для тех, кто на ней живёт.

Вся разруха на Руси с никонианского раскола началась. Были, конечно, и до того меж русскими драчки, но чтобы веру делить, до такого только дьявол да Никон могли додуматься. Никон хотел своих врагов от веры православной отлучить, а получилось, что отделил Русь от России. И пошло и поехало — разброд по стране, одни в леса, другие в терема высокие, не достать. И стали православные люди друг друга аки зверя лютого травить, одному и тому же Господу молясь, но по-разному персты складывая. Из этого русского раскола взросли в злобе своей и Разин, и Пугачёв, а потом, на ослабевших от внутренней распри навалились иноземцы, каждый силился свой кусок от нашей беды урвать. Но русский народ тем и славен — своя драка, междоусобица до смерти, до разрухи, но чужой не суйся, сомкнутся перед супостатом, будто братья родные станут, нет прочней силы — из пучины вражды на защиту Отечества как один идут, и нет равных им в том бою. Но кончится время ратного подвига, отстроятся, обживутся и заново за старое принимаются, обиды начинают вспоминать, тут, глядь, какой-нибудь Емелька найдется — пошёл бунт, разбой по родной стороне. Натешатся вдосталь, как заново родятся, и снова — за работу.

Тут вскоре комиссары чужеродные подоспели и молвят: трудно вам, ребята, в расколе жить, а бросьте вы вашу веру вовсе и без неё живите, вот вам по топору, добывайте себе свободу от всего — закона, царя, веры, Родины и радости. Разбойничайте безбожно и бездумно, а мы тут за вас решим, как вам дальше жить. Так и решали — кого в тюрьму, кого в гроб загнали, а кого и туда, где Макар телят не пас. Так бы и перебили русичей всех до единого, но тут немец на весь мир озлился. А воевать кому? В европах свои законы, кто сильнее, тому и лизнут задницу, а чтоб воевать, упаси Господи, для этого варвары-славяне на Востоке имеются. Туда немцев и направили, а сами все сдались без боя и стали ждать освобождения, под оккупацией проживая. Комиссары тоже в сторону (кто в Америку, кто в Сибирь), не наше, мол, дело, свою землю сами защищайте, а мы со стороны посмотрим, может, опять какую-нибудь выгоду вынем из вашей бойни. Слава богу, князья славные нашлись, повели народ в бой и победили всех сразу: и комиссаров, и немцев, и безбожие своё. Сплотился народ, окреп, ожил — засияла русская земля куполами золотыми, вера в единую срастаться начала.

Но неймётся пророкам бездомным, ни флага, ни Родины долгое время не знающим, бродят эти паразиты по телу народному, пьют кровь, зудят, будят в людях мелкие, мерзкие мыслишки, им непокой, разбой вселенский — радость, они руки на этом пожаре греют да барыши считают. Потому и сеют разброд в народе, и снова по стране разбой и смута (манит народ воровская свобода), видно, скоро до войны дело дойдет. Последней, самой страшной, после которой сгинет всякая нечисть со всей своей ересью в Тартар, и наступит мир да покой, и слово Божие станет услышано во всех началах и концах Земли. А пока зуб за зуб и око за око, и нет от той мести спасения на белом свете, не видна война эта тайная глазу, но губит всё на Земле, что ещё верно Господу. Глумятся лжепророки над верою, над победами нашими, устраивают революции и новые войны, обращают народы в рабов разврата и безбожия, и нет тому конца.

Вышел Вася во двор, а там всё так же: утро встаёт, туманом закутанные деревья дремлют до солнца, а земля в этой дымке утренней будто покачивается, в неге дремотной, и такой кругом покой, что думать только о добром хочется. День всегда утром готовится: как светом ранним подумаешь, так тебе и день отзовётся. Пройтись бы надо, осмотреть хозяйство своё скорбное: где прибрать, почистить, деревья у ограды надо бы поредить, мешают друг дружке в рост пойти, а там, поди, и странник поднимется, для разговора время будет. Вслед за

добрыми мыслями хорошо ранью утренней пройтись, оглядеться в редком ещё свете, в котором прячется по углам, в низинах, ночная тьма, но уже не выстоять ей, скоро зальётся всё кругом теплом солнечным, зашевелится, зашебаршит соком жизненным природа, блеснут росой травы, стяхнут дрему деревья, и откроется взгляду благодать и ширь родной земли.

Вдруг показалось Васе, блеснуло что-то в стороне, в зарослях сиреневых кустов, не росинка крупная, нет, не осколок стекла бутылочного (с чего им сверкать в тумане, солнца-то ещё нет), а нечто особенное, как озарением засветило в глаза, указало, куда подойти, и погасло. С трепетом и опаской, но не снедаемый любопытством, а как бы по зову родному, подвинулся он к месту свечения того. Прорвался сквозь заросли, лет двадцать никем не хоженные, с той самой поры, как разросся первый куст, Васей посаженный для красоты весенней и запаха сиреневого. В самой чаше, глядь, а тут крестик нательный, серебряный, и на цепочке того же металла лежит. Поднял Вася святую вещь, вылез из кустов, а тут по небу будто что-то зашумело. Поднял он голову, а там промеж начавших светлеть облаков всадник скачет, не шибко так, будто протягивает путь с востока на запад. Замер Вася, задрожало кругом, конь белый и всадник на нём, осиянный золотыми лучами, повернул голову и на землю глянул, и таким светом воздух наполнился, как только при рождении бывает. Надел Вася крестик найденный на шею, упрятал под рубаху, и покойно стало на душе. И сразу вновь шум по небу прокатился, и всадник за ним уже с запада к востоку проплыл, добрался до горизонта, и солнце сразу выкатилось, и день начался.

В покое и радости пошла у Васи работа, и мысли меж делом светлые. Догадаться хотел, кто же крестик мог обронить, и всё понять не мог, и казалось, что похожа находка на его именной крестильный крест, что надела на шею ему при крещении бабушка, и который, не снимая, носил мальчонкой, а потом затерял где-то по неразумности своей. А всадник — он-то к чему, не каждый день такое чудится? Что явь, а что видением называть, не сразу разберёшь.

Вернулся, хорошо потрудившись, Вася в избушку, а странник уже поднялся, ожидает у двери. Вчера, когда сумерничали, в потёмках не разглядел толком его — оказался и лицом пригож, и статью вышел, не истоптался ещё, по земле странствуя, и говор лёгкий, не докучливый. По нраву пришёлся со взгляду, и пошёл разговор, а между ним Василий картошки начистил, и варить поставил, сальца порезал, лук, хлеб, тра-

ву в чайнике заварил. Хорошая беседа — она к застолью располагает; достал Вася и настойки крепкой, на ягодах, — горит в бутылке рубиновым цветом, радует глаз чистотой хрустальной. Выпили по махонькой, хлебом, салом закусили, и спросил тут бродяга:

— Сказ-то будешь говорить?

— Откуда знаешь, что я рассказывать умею? — удивился Вася.

— А то. Земля слухом полнится. Твою легенду по всем краям света странники сказывают, — ответил гость.

— Как узнал, что они здесь повесть услышали? — пытал хозяин.

— По их рассказам, пригляделся — вижу, не иначе как в этом доме поэт тот живет. Могилу князя покажешь? — развеял все сомнения гость.

— Покажу, отчего не показать, раз уж всё знаешь об нас, — успокоился Вася.

— Легенду слыхал, но везде она разнится в словах. Пока донесут из края в край, многое переменят. Но, главное, жива легенда и славен в ней князь. И я, слава Богу, добрался к тебе, послушать из первых уст желаю, вот и пришёл. Не выгонишь — поживу, послушаю, — готовился к рассказу странник.

— Рассказывать к ночи будем, а сейчас отдохнём от обеда, потом пособишь мне в работе, если не ленив, разговоры вечером будут, — противился своей радости Василий, но душа его пела словами странника: «Жива легенда, жива».

Полуденная дрема недолга, пошли дела дорабатывать. Помощник Василию достался умелый, дело у него спорилось, сам-то за ним едва поспевал, видать, не от работы мужик бежал, судьба в бродяги определила. Может, останется, поживёт, одному всё трудней управляться стало. Уже вечером и поговорить надо об этом. По нраву Василию заходий человек пришёлся, будто родной, долгожданный. А душа уже кипела словами легенды, собирала их вместе, чтобы вылиться всей своей красотой свободной на радость слушателя. Много у него людей перебивало, подкормиться заходили, погреться, зиму скоротать в тепле, но чтобы издалека за словом придти, впервые такое случилось.

Потрудившись изрядно, отправились к Князеву камню. Почтительно встал у памятника странник и кепчонку сбросил с головы, и волос пригладил, молчал долго, только губы шевелились, как при молитве. По нраву Василию и почтение его к памяти великой, и молитва неслышная.

Пужинали уже при лампе и сразу же прилегли, и медленно-медленно встrepенулась темнота словом, уступила своё

пространство светлой мысли, дивному сказу о прошлых подвигах великого князя и его дружины, и дрожала ночь от топота копыт и звона мечей, когда рубились воины с ворогом во славу родной земли. К полночи иссякла речь, кончилась легенда, возвратились ратники в родные дома, и тихо стало в избе кладбищенского сторожа — потомка князя.

— Сладко будет спать после такого славного рассказа. И сны явятся добрые, — промолвил в тишине странник.

— Здесь всем крепко спится: и проходящим, и уже пришедшим, — подтвердил его слова хозяин.

— А напечатать свою легенду не пробовал, уж больно слова в ней добрые да складные, может, кто и прочитал бы вдалеке, не всем годится по свету-то бродить, а знать хорошее многие люди хотят? — из темноты спросил гость.

— Как не пытаться, хотел. Журналист приезжал, всё про князя выпытывал, и адресок дал в городе, в журнал. Месяца два я тут бился, переписал начисто весь сказ и поехал, благословясь. Только там, в этом городе, ни мое благословение, ни сам деревенский человек ходу не имеет. Посмотрели мою писанину, поулыбались вдосталь, а потом спрашивают, а где вы образование получали. В школе, говорю, семь классов закончил. Маловато, говорят, учиться вам дальше надобно. Говорю им, учился, мол, книг много умных прочёл, словами мудрыми душу образовывал. Они отвечают, мол, книги все любят читать, а надо учиться, чтобы их писать. Я говорю, не знаю, кто книги пишет, а вот читать-то не все любят, вот вам принесли легенду о князе, а вы читать не хотите. Поусмехались, кто в бороду, кто ещё только в усы, но уже научены над мужиком ехидничать, поперемигивались, дескать, откуда такой деревенский Нестор отыскался и почему без лаптей. А ещё спросили, кем служишь, убогонький. Сторож, говорю, на кладбище. Тут совсем хохот покотился, будто горохом об стену застучало. Ты бы лучше, говорят, про вурдалаков написал, как они по ночам людей пугают. Мы бы тебя живым свидетелем выставили, в герои наших дней вышел бы. Мне геройство ни к чему, отвечаю им, а на кладбище тихо, никаких упырей не видать, они все в город перебрались, по редакциям сидят и среди бела дня хохочут, как выпь на болоте, кровососы тоже в столицах живут, всю кровь из деревни выпили и над нею, родиной своей, надсмеваются. Только вот умники из вас никудышные, не тому вас учили, смеяться выучили, а думать — нет. Всё о любви к народу галдычите, ан не любите вы его. Надо так свой народ любить, чтобы бояться его, как Бога, и потому не чинить злого умысла к нему, ибо суд народа — суд Божий, ко всем он грядет, и к вам тоже, там

разберут, кто убогий разумом, а кто светел. Давай они тут в полный голос хохотать, развеселились, а я писанину в руки и домой. Ехал в автобусе к своей деревне и раздумывал, а Гомер, певец слепой, он, что, профессиональным писателем был, в клубе поэтическом состоял, а Эзоп вовсе рабом родился, нет, тут что-то другое замешано в этом недружелюбии к деревенским сказителям. Боле и не ездил никуда.

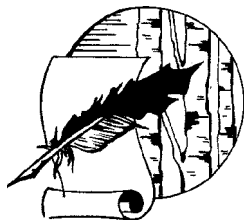
— Ничего, Вася, Христос тоже не учёный наукам был, фарисеи и над ним смеялись. А что из того вышло, все знают. Разум от Бога, науки — лишь продолжение того разума. Кто в науке преуспел, ещё не значит, что у Господа в милости.

Долго не сумел заснуть Вася после разговора с гостем, Егором тот назвался, давненько таких людей не встречал — обстоятельных, но открытых для разговора. Без утайки отвечает про своё житьё-бытьё и сам вопросы задаёт неробкие, душу чужую выпрастывает. Легко с ним. Молод ещё, но уже осанист в речи, неуступчив, если за правду зацепился, а бродяга редко свою жизнь на истину кладёт, врёт больше, как проведай. А у Егора всё степенно, без робости человек живёт и говорит. Этот не просто бродит перекаати-полем, где подадут чего, там и дом, он, по всему видно, укрытия ищет, душ родных свет ему нужен, вот и легенду на конце земли услышал, и за ней пошёл, и сыскал начало её. Может быть, с тем, чтобы продолжить. Слава богу, послал он Васе второго, что каждому человеку нужен, чтобы дело его на земле подхватить. Без такой причины он бы сюда не пришёл. Своих последышей у Васи нет, а этот не чужой, он родней родных, на князя обличьем похож, а подобие великого просто так не даётся — оно достойных ищет, ждёт, как награда.

Вот и Васе радость вышла за долгие годы ожидания, будто сына, никогда не виденного, встретил. А годов-то сколько ушло? Начал он их считать, глядявываясь в темень избы, будто хотел сыскасть в ней подтверждение своей жизни. Точный счёт своих лет у него никак не получался, многие зимы и лета помнил, людей в них живых, а теперь уже тутошних, под крестом почивших, и получалось, что всех он уже пережил — и поздних, и ранних, и как ни крути, а за девяносто годов он уже отошёл и скоро надо будет на поклон к Господу собираться. А что точного числа своих лет не знает, так то не беда, он среди живых мало жил, а на кладбище года, как один, и сто лет — мгновение. Так бывает — умрёт человек, пока помнят его, вроде как живой, а кинутся считать — самим пора вслед отправляться. Но если ты гневен в своей памяти или по другой причине забыл родные места, не посещаешь отчие

могилы, то тебя после смерти заруют как собаку, и никто не помянет о тебе добром, гордыня твоя прорастёт на могильном холме сорной травой, бурьяном беспамятства.

Под утро отошёл Вася от раздумий, сомкнулись его глаза, утомившиеся выискивать во тьме растерявшиеся по жизни годы, и в глубоком этом сне оказался он вблизи какого-то ровного, воздухом светлого поля, в ожидании грядущего события. И разделяет это поле ограда кладбищенская на два мира. У этой ограды и встретил он князя. Князь конно прибыл, с малой дружиною, спешился у своего камня и заговорил: «Беру тебя в своё воинство. Много добрых дел за тобою, Василий, будешь мне помощником. Вместе постоим за нашу землю перед Богом и народом». Ещё многое говорил князь, но очень уж ярко сияла кольчуга его и шелом на голове — страх благоговения сковал разум, и не всё сказанное запомнилось. Проснулся он утром, будто осиянный тем жарким светом доспехов князя и дружины его, долго бродил меж могилами, пока не пришёл к своей суженой, не ставшей ему женою, а ушедшей невестой к Спасителю. Долго стоял, глядел на её улыбчивое лицо с фотографии, и свет той улыбки вливался теплом в его душу, а, может, то лучи утреннего солнца согревали его, но только вдруг стало жарко в груди, потянулся Вася руками к глазам любимой и соединился с ней — упал на могильный, поросший травой мягкой холмик, под самый похоронный крест и замер навсегда.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

КАК ЗЕМЛЯ И ТРАВА

ТИШИНА

Пером и кистью по зиме
Позёмка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Сопит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

«Звездам нет счёта, бездне — дна» —
От белой зависти немею...
И всё же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман, не спеша.
Ещё две недели — и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Ещё две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,
И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

И ветер с Невы — аж до самого Таллина! —
Молву донесёт... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

ПЕТЕРБУРГ

Я здесь не жил в блокаду —
После войны рождён.
Мне ничего не надо.
Павшим — земной поклон.

Стали землёй винтовки.
Млеют в садах соловьи.
Только на Пискарёвке
Родственники мои.

Кончились коммунисты!
Пятой колонне — салют!
На Украине фашисты
Кровушку русскую пьют.

Мне ничего не надо.
Господи, воля твоя.
Фрицы мне — не камрады.
Бандеровцы — не друзья.

Не опускайся до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть — высшей пробы —
Сыну в сердце вложу.

* * *

Как посмертная маска с лица,
Закопчённый майдан оплывает.
Трупный яд заползает в сердца,
Но не всякого он убивает.

Жизнь своё потихоньку берёт,
Хоть и каждый здесь злобой контужен.
Возвращайся во Львов, идиот —
Никому ты здесь больше не нужен.

Не отмыться тебе от стыда
И не выхаркать привкус резины.

Ты учился сжигать города
У сжевавшего галстук грузина.

Крутануть бы всё это назад
И забыть эти горькие строки,
Чтоб из порванных вен баррикад
Не сочилась моча в водостоки...

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый рыжий кот.

Его пра-пра-пра- пра... якшался с фараоном.
Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь — зачем течёт река?

День-день, день-день, день-день — проснулся сторожок!
(Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Он сам себя подсёк!
Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Должно быть, в два кило...
Танцует на песке последний в жизни танец.
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на её щеках — предутренний румянец.

Лизнула сапоги днепровская волна,
И лещ пошёл, пошёл, качаясь с боку на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер тёплый — сладок!

МАРИНЕ

1

Перебранка полешек, бормотанье огня,
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову — свет осеннего дня,
Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.

А ещё — из камина возьму уголёк,
И на белом листке (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.

Полутон, полужест между явью и сном
(Только ты помолчи, а иначе — разбудишь!) —
Это снег! Это — первый, большой за окном!
Я его полюблю, так, как ты его любишь!

2

Хорошо, что весна завалилась вчера за подкладку,
Когда дождик пальтишко моё простирнул — со снежком!
Зашиваю карман, и размеренно так, по порядку,
И тебя пришиваю к себе неумелым стежком.

И совсем я не злой! Мне весну запоздалую жалко
(Что известно собакам, известно доподлинно всем).
У иных вон любовь — как ручная в горшочке фиалка...
Но она — никакая, и снегом не пахнет совсем.

А люблю тебя так, что трубят водосточные трубы
И от зависти лебеди крыльями бьют по воде!
Искусаю до крови во сне пересохшие губы,
Сочиняя тебя, на которую больно глядеть...

РУССКИЙ КРЫМ

Синее, синее, синее —
Из невозможных глубин...
Береговая линия,
И Александр Грин.
Что-то ещё... По осени
Солнце не жжёт, как оса.
У разбитной Феодосии
Рыжий каштан в волосах.
Вечер. Погодка купальная —
Пристань, кефаль, невода...
Не акварелька астральная —
А с огоньками вода.
Что-то ещё... Ранимое...
(Слышишь, как сердце стучит...)
Грустное... Неповторимое...
И наизусть заучить!

ПОЛНОЛУНИЕ

Свет лампы портьерами выпит.
Сгущается синяя жуть.
Сегодня — не мой выход.
И всё-таки я выхожу:
По клавишам стёртых ступеней,
По тучам, по звёздам — туда,
Где слышится тихое пенье...
Сейчас или никогда!
К чертям все слова проходные —
В поэзии грош им цена.
Плевать, что мужчины земные
Тебя называют — Луна.
Простим их — убогих и сирых,
Расхитивших земли отцов...
Лишь женщины града и мира
Твоё повторяют лицо.
Ты кровь поднимаешь по венам,
Склонившись над ними во сне.
Они из телесного плена
Восходят к тебе в тишине.
Уходят всё выше и выше,
И нет в них ни капли вины.
Я знаю — они тебя слышат.
И вот уж — совсем не видны...

* * *

Неладно со времён царя Гороха
У нас — долдонят все, кому не лень.
А между тем — не так уж всё и плохо:
И ночь как ночь, и день как будто — день.

Куда ни глянь — увесистые негры
Буклетики бесплатно раздают
И никому не действуют на нервы,
И запросто танцуют и поют.

И среднеазиатскому меньшинству
Дозволено на улицах кричать,
И «русскому невиданному свинству»
Своих детишек в школах обучать.

А говорили: мы чего-то съели
И чью-то распахали целину,
И с кровью кровь мешали, как хотели,
И (Вай, уляй!) ходили в чайхану.

Всё так, как говорится, жили-были,
Варили в чугулке тупой топор...
А мы ведь их действительно любили
И, как ни странно, любим до сих пор.

* * *

Враги сожгли родную хату.

Михаил Исаковский

Замечтались... Раз-два и готово —
Перешли нас нахлебники вброд,
И жуют наше русское слово,
Превращая в поток нечистот.

И удравшие (глянь!) приползают,
Будто полчища саранчи.
Я их помню — со злыми глазами! —
И люблю их, да так, хоть кричи.

И кричу, что ещё остаётся
В пику сверхтолерантной шпане?
Этот стон у нас песней зовётся...
Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Вы сожгли мою русскую хату!
А мигранты нам разве враги?
Мы заставим их жить на зарплату,
Чтобы впредь неповадно другим...

Им, беднягам, несладко живётся
На руинах великой страны.
Знаю — слово моё отзовется...
Мне навесят вину без вины.

Я иду, заливаясь слезами,
Всеотзывчивость нашу клян्या...
А навстречу — со злыми глазами! —
Боже, как они любят меня!

ДИГОРИЯ

1

Изгиб, излом, и нет дороги...
Нелепо, как в дурном кино!
И вспоминается о Боге —
Ему всегда не всё равно.

Ревёт мотор на грани срыва.
Чуть-чуть назад... Вперёд... Виразж...
Налево — лезвие обрыва.
Направо — зубы скалит кряж.

Потеет на спине рубашка,
Как в зной из погреба вино...
Водитель — на бровях фуражка —
Хохочет... Чёрт, ему смешно!

И на заоблачном пределе
Последних лошадиных сил,
Скрипя мостами, еле-еле
Вползает в небо старый «ЗиЛ».

А вдалеке печальный демон
Несёт домой пустой мешок...
Я — наверху! Я занят делом!
И мне сегодня хорошо!

И я живу... Ломаю спички...
Курю, как будто в первый раз,
И вредной радуюсь привычке,
И пелена спадает с глаз.

Здесь солнце на сосновых лапах
Качается, как в гамаке.
Здесь можжевельниковый запах
Живёт в болтливом ручейке.

Здесь, как гигантские тюлени,
Слезятся утром ледники.
Здесь тучи тычутся в колени
И тают от тепла руки,

И, выгибая рысьи спины,
Да так, что пробирает дрожь,

Рыча, царапают вершины...
И дождь вокруг! И сам я — дождь!

2

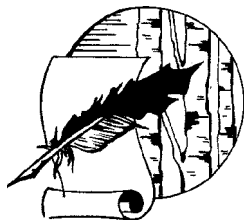
Здесь солнце с утра, а в обед — туман,
И голос живой реки.
Здесь ласковый ветер из тёплых стран
Облизывает ледники.

Здесь сосны восходят к большим снегам,
А, может быть, к яркой звезде.
Здесь молятся люди своим богам,
И боги любят людей.

Здесь воздух октябрьский чуть горчит,
И жизнь замедляет ход.
И слышно, как сердце земли стучит,
Покачивая небосвод.

Здесь ходят по склонам гурты облаков,
Пока не угаснет день,
И прячутся в скалах тайны веков,
От взглядов плохих людей.

Когда исчерпаю палитру нот
И все истрачу слова,
Я растворюсь среди этих красот,
Как земля и трава.

Владимир НЕЖДАНОВ

ОГНЕННАЯ ПТИЦА

МАТУШКИНО СЕЛО

Постояло на русской земле
И ушло —
Матушкино село.
Постояло, погоревало.
И, как не бывало.
Как землю прожгло.

И куда же из отчей обители
Разбрелися святые все жители?
Или в землю всё прахом пошло?
Иль к своим на тот свет перешло?
И вздохнула земля тяжело...

Закатилось, как русское солнце,
Бабки Марьи святое оконце.
Не былшем же оно поросло,
Матушкино село?
Иль с другими проститься ушло?

Не над всей ли землею вознес
Солнце правды — Спаситель — Христос?

НАЕДИНЕ

Я как жилец в пустой квартире,
Живу в каком-то непонятном мире,
В глухой и дальней стороне
С самим собой наедине.

А я живу, о том не зная,
В каком-то промежутке сна.
Земная жизнь совсем иная,
Небесная почти она.
Там детство с видом из окна!..

Она совсем не изменилась,
Родная небу сторона,
Ни перед кем не провинилась —
Отчизна, Родина, Страна...

ПОКЛОН

Собираются русские люди,
Совершая великий поклон,
Под святыя знамена хоругвий,
Под святыя знамена икон.

Над землею плывущие звоны,
Голоса тех великих времен...
Мощь державная — наши поклоны
И церковей золотой перезвон!

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Грохот прокатился,
Вспыхнул и умолк,
В туче покрестился
Илия — пророк.

В небо колесница
Взмает от земли —
Огненная птица
В облачной дали.

К солнцу повернула
В вихре золотом,
Молния сверкнула
Огненным крестом!

Небо озарится —
Светятся в росе
Огненные спицы —
Солнце в колесе!

ПОМИНАНИЕ

Имен забытых тишина,
Всей жизни прожитой забвеньё...
По святцам молится страна
О здравии и упокоении.

Сегодня праздник Всех Святых!
Дни Ангела и дни рождения —
Вся наша память о родных
Дана как Божье откровение.

По святцам молится страна
О всех родных, о самых близких...
И в наших душах имена
Читаем мы не по запискам...

РЕКИ

Как мало надо человеку,
Как много, Господи, Тебе,
Когда река, впадая в реку,
Позабывает о себе...

Гуляют волны на просторе,
Не достигая берегов.
И мы поем в небесном хоре,
Своих не слыша голосов.

Поем и в радости и в горе,
И ощущаем до конца:
Вот так река впадает в море
И постигает в нем Творца.

И понимаем мы заранее,
Достигнув отчего крыльца,
Что тонет море в океане
И славит нашего Отца.

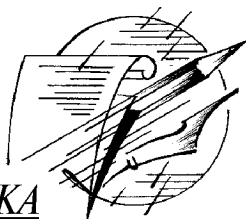
Ирина МЕДВЕДЕВА
Татьяна ШИШОВА

ДИКТАТУРА БЕЗУМИЯ

Очень многие вещи, о которых мы сейчас пишем, стали нам понятны далеко не сразу, порой через годы после какого-то первого импульса. Что это был за импульс, трудно объяснить, но, как правило, все начиналось со смутного чувства: неловкости, беспокойства, внутреннего протеста... Логически мы обосновать этого дискомфорта не могли, а в случае, о котором сейчас расскажем, даже поначалу стыдились своей негативной реакции.

Необычный конгресс

Летом 1994 года, приехав на Международный конгресс по социальной психиатрии в Гамбург, мы увидели странную картину: заметное число делегатов конгресса выглядели как душевнобольные. «Удивительно! Почему западные врачи так похожи на своих пациентов?» — подумали мы. Но вскоре выяснилось, что это натуральные пациенты. Мы снова изумились: как можно показывать больных людей огромному залу, будто зверюшек в цирке?

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Западные коллеги снисходительно улыгнулись стереотипности нашего мышления и объяснили, что мы являемся свидетелями величайшего гуманистического эксперимента. Впервые на научном конгрессе пациенты психиатрических клиник, в том числе и страдающие глубокими расстройствами, будут делать доклады наравне с корифеями медицины. И они действительно их делали, перемежая подробные описания бреда и галлюцинаций с яростной критикой врачей и методов лечения, а также требуя для себя права на вождение машины, на работу в суде и прочих органах власти. Поведение врачей тоже, впрочем, было для нас непривычным. Они все время что-то жевали, пили воду из бутылочек, громко переговаривались, вставали посреди выступлений — даже когда доклад делал ученый с мировым именем! — и косяками выходили из зала. Очереди за кофе и бутербродами в рабочее время и в перерывах были практически одинаковыми. Слушая же выступления пациентов, врачи почему-то очень веселились. Так потешаются дошкольники и младшие школьники, глядя на клоунов, дубасящих друг друга надувными молотками. Подобная бестактность шла вразрез с нашими представлениями о врачебной этике, но мы и это списали на совковую стереотипность.

В последний же день произошло нечто и вовсе невообразимое. Больные, на которых вся эта непривычная обстановка действовала возбуждающе, совершенно растормозились и уже без приглашения валом повалили на сцену, пытаясь дорваться до микрофона. Индианка с черными распущенными волосами, в ярком экзотическом наряде, завывала, размахивая руками, которые были от плеч до запястий унижены сверкающими браслетами. Так, наверное, неистовствовали древние пифии, впадая в экстаз. Другой, местный, пациент (вернее, клиент — на конгрессе много говорилось о том, что из соображений политкорректности больных теперь нельзя называть пациентами, поскольку это ставит их в подчиненное, а значит, униженное положение) кричал, что ему в Германии тесно, не хватает свободы. И грозился сбежать в пампасы. А потом, оборвав себя на полуслове, запел песню тех самых пампасов или, может быть, прерий и принялся изображать ковбоя верхом на лошади. Но вскоре и песня была прервана, потому что любитель свободы подбежал к старому профессору, восседавшему в президиуме, и начал его душить. Устроителям пришлось поступиться правами человека, и раздухарившегося ковбоя вывели из зала. Но не успели мы перевести дух, как на сцену выскочила девица, которая, не претендуя на микрофон, с разбега плюхнулась на колени к другому

члену президиума (он был гораздо моложе первого) и быстрыми, ловкими движениями стала его раздевать. Зал взревел от восторга. Сквозь хохот, свист и ободряющие выкрики психиатрической братии доносились обрывки фраз: «Что мы тут делаем?.. Дорогой, мы только теряем время... Пойдем отсюда... Мы нужны друг другу...»

Тут уж мы не выдержали и, плюнув на политкорректность, сказали немецкой коллеге, которая нас опекала на конгрессе: «Зачем было привозить сюда эту больную женщину? У нее же острый психоз».

Коллега отреагировала неожиданно и с заметным раздражением:

— Откуда вы знаете, что это больная? Вы что, ее тестировали? Может, она как раз психиатр, подруга доктора Крюгера...

Мы пристыженно замолкли, ведь и вправду не тестировали... А то, что видно невооруженным глазом, так это у кого какое зрение...

Но тут нашу подмоченную было репутацию спас сам полураздетый доктор Крюгер (назовем его так). Отстраняя непрошеную возлюбленную, он извинился в микрофон перед залом за то, что больная разволновалась и ведет себя несколько аффектированно.

Что было дальше, мы, честно говоря, помним слабо. Осталось лишь впечатление кошмара, какого-то всеобщего беснования. А еще в опухшей голове промелькнула мысль, что на следующем конгрессе душевнобольные, наверное, будут уже сидеть не только в зале, но и в президиуме. А через раз полностью захватят власть, обретя полномочия устроителей. Ведь с их маниакальным напором они сметут на своем пути любую преграду.

Тогда нам эта мысль показалась скорее юмористической. Во всяком случае, мы не стали ее развивать. Но теперь, глядя на то, что происходит вокруг, как-то очень живо припомнили свои гамбургские впечатления и подумали, что все это скорее грустно, нежели смешно. А главное, совсем не так далеко от истины, как нам казалось в начале 90-х. На конгрессе была воочию явлена одна из важнейших тенденций современного переустройства мира — стирание границ между безумием и нормой.

Догоняя Америку

Вообще-то разговоры о том, что нормальных людей в принципе не существует и что никто не знает, где кончается яркая личность и начинается личность психически нездоровая, ве-

лись давно. Мы, во всяком случае, помним подобные сентенции с самого детства. А кому незнаком расхожий миф о том, что безумие сопутствует гениальности? Во времена застоя критическое отношение к психиатрии среди нашей интеллигенции усугублялось еще и практикой помещения диссидентов в сумасшедший дом. Случаев таких было не столь много, как принято думать, но зато они получали громкую огласку, ибо в брежневское время в «железном занавесе» появились бреши: кто-то слушал радиостанцию «Голос Америки», кто-то читал самиздатовскую литературу. И даже тогда, когда диссидент действительно был психически не вполне нормален, на это закрывали глаза, потому что восхищение храбростью человека, который подвергал себя риску «во имя всеобщей свободы», перевешивало все остальные соображения.

Поэтому, когда в перестройку разрешили сниматься с психиатрического учета по желанию или вовсе не вставать на учет, общество восприняло это законодательное послабление как торжество попорченной справедливости. Казалось, что политические борцы наконец получили право снять с себя ложные обвинения. Но на деле вышло, что с учета снялось огромное количество настоящих больных, ведь один из признаков серьезной душевной болезни — это снижение критики. Больной неадекватно оценивает свое состояние, считая себя абсолютно здоровым, а близких, советующих ему лечиться, сумасшедшими или злодеями.

В 1997 г. петербургское издательство «Питер Пресс» выпустило книгу американского автора Э. Фуллера Торри «Шизофрения». В ней, в частности, рассказывается о так называемой деинституциализации — разгосударствлении психиатрической помощи в США — процессе, включавшем в себя, в частности, и резкое сокращение пациентов в государственных психиатрических больницах. Эта политика стала набирать в Америке силу с начала 60-х гг., как раз тогда, когда пошла разработка социальных проектов, вроде бы совсем разных и независимых друг от друга, а на самом деле имеющих одну цель — построение глобалистского общества.

«Масштабы деинституциализации, — пишет автор, — с трудом поддаются восприятию. В 1955 г. в государственных психиатрических клиниках насчитывалось 559 тыс. хронически больных. Сегодня их менее 90 тысяч. Численность населения в период с 1955 по 1993 г. выросла со 166 до 258 млн. человек, а это значит, что если бы на душу населения в 1993 г. приходилось такое же количество госпитализированных пациентов, как и в 1955 г., то общее их число составило бы 869

тыс. Следовательно, в настоящее время примерно 780 тыс. человек, т. е. более трех четвертей миллиона, которые в 1955 г. находились бы в психиатрических лечебницах, живут среди нас». И подводит итог, говоря: «90 процентов из тех, кто со-рок лет назад был бы помещен в психиатрическую больницу, сегодня в ней не находится».

По мнению автора, на такое положение дел во многом повлияла нашумевшая книга Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», вышедшая в свет в 1962 г. В России более известен одноименный фильм, снятый по этой книге. С подачи Кизи люди начали путать причину и следствие: госпитализация стала считаться одной из серьезных причин психических заболеваний. И соответственно, в качестве лечения предлагалось просто выпустить больных на свободу. В фильме, как вы помните, эта идея воплощена в образе индейца, убегающего из сумасшедшего дома, который как-то подозрительно напоминает концлагерь. (Так что крик о «карательной психиатрии», поднявшийся у нас в перестройку, тоже был эхом, долетевшим с другого континента, когда появилась возможность сокрушить психиатрическую службу не только в Америке, но и в Советском Союзе.)

Очень способствовали «освобождению» психических больных, по словам Фуллера, и американские юристы, коих, кстати, расплодилось в те годы великое множество. В главе «Масштабы бедствия» читаем: «В штате Висконсин один такой защитник заявлял, что больной шизофренией — человек, поедавший свои фекалии, — для самого себя опасности не представляет, и судья, приняв сторону защиты, не счел необходимым принудительно лечить больного». «В качестве награды за свою деятельность, — горько иронизирует Фуллер, — они (юристы) имеют теперь огромное число бездомных, психически больных людей, которые зато свободны — свободны находиться в состоянии постоянного психоза».

Читаешь эту книгу — и почти все, что в ней написано о разрушении психиатрической помощи, может быть отнесено к нам. Прибавить только надо лет 30 — и получится ситуация в России. Например, Фуллер сетует на то, что услуги психиатров и психологов после разгосударствления психиатрических служб стали для многих недоступными. Специалистов сколько угодно, но они предпочитают заниматься частной практикой. Разве у нас не то же самое? До перестройки все психиатрические службы были бесплатными. Теперь во многих — в том числе детских! — официально лечат за деньги, и немалые. Сильно возросла стоимость лекарств. Ряд дешевых отечественных препаратов (таких, скажем, как пи-

разидол, азафен, френолон) исчезли из продажи; перечень лекарств, которые больные с группой инвалидности должны получать бесплатно, теперь сильно ограничен.

Обратите внимание, что даже в таком ультракапиталистическом государстве, как США, психиатрическая помощь еще недавно была бесплатной, поскольку душевные заболевания входили в разряд социально значимых и государство считало своим долгом, с одной стороны, покровительствовать такому больным, а с другой — обеспечивать здоровым вполне законное право на безопасность. Теперь, после смены «курса», она часто не обеспечивается. «По данным одной из работ, — пишет Фуллер, — за последний год 9 процентов больных шизофренией, не изолированных от общества, в драках применяли оружие. По другим данным, 27 процентов выписанных из психиатрических клиник пациентов, как мужского, так и женского пола, совершили по крайней мере один акт насилия в течение первых четырех месяцев после выхода из больницы. Резко увеличилось также число актов агрессии, совершаемых больными шизофренией против членов их семей».

Ничего удивительного, что автор называет разгосударствление психиатрической службы «самым крупным провалившимся социальным экспериментом в Америке» и добавляет, что оно «сравнимо по своим последствиям со спуском на воду своеобразного психиатрического «Титаника».

Тем не менее, эксперимент не только не прекращен, но и распространен на другие страны. В том числе на нашу. Результаты соответствующие: огромное количество бомжей, нелеченых алкоголиков, которые беспрепятственно терроризируют и взрослых членов семьи, и детей. А малолетние бродяжки, среди которых так высок процент психической патологии? Да и рост тяжких преступлений во многом на совести лукавых гуманистов.

Теперь человек, страдающий серьезным психическим расстройством, может сколько угодно угрожать своим близким. Пока он не привел свою угрозу в исполнение — не смей говорить о принудительной госпитализации. Муж одной нашей знакомой в состоянии психоза бросал с балкона тяжелые предметы. И что, его удалось положить в больницу? Как бы не так! Он от лечения отказывался, считая себя идеально здоровым. А жене, когда она пришла в психдиспансер, сказали: «Сожалеем, но ничем не можем помочь. Вот если б он не просто сбросил с балкона телевизор, а пришиб прохожего, тогда — да, мы бы за ним приехали. А в данном случае не имеем права».

Если еще раз повторить вслед за Фуллером длинное и труднопроизносимое слово, надо отметить, что, деинституционализовав лечение, адепты глобализма институционализировали, как бы огосударствили, узаконили безумие. А попросту можно сказать так: **широко раскрыв двери сумасшедших домов, они стараются превратить в дурдом весь мир. Объявив больных здоровыми, прилагают в то же время гигантские усилия к тому, чтобы здоровых свести с ума.**

У нас, правда, «процесс пошел» с опозданием на несколько десятков лет. Как-то раз, уже не в Германии, а в Москве, мы долго беседовали с немцем. Разговор был сложным и касался духовных проблем современной жизни. Обычно с иностранцами такие беседы длятся — если вообще возникают — очень недолго. Их это явно утомляет. А наш немецкий гость понимал все с полуслова и был настолько захвачен разговором, что не проявлял ни малейших признаков усталости. И даже, позабыв о европейском этикете, готов был проговорить до утра.

— А что думают по поводу обсуждаемых нами проблем люди вашего круга в Германии? — спросили мы, тайно вздохнув о том, что не встретили там столь близких по духу собеседников.

Лицо немецкого историка омрачилось.

— У меня нет круга. В Германии мне вообще некому это сказать.

— Почему?

Он ответил не задумываясь:

— У нас «промывка мозгов» длится уже более 40 лет, а у вас она только началась. Так что в России еще много нормальных людей, которые способны вникнуть в смысл происходящего.

Прогулки с Ганнушкиным

Что ж, воспользуемся своим преимуществом. Оно, как ни парадоксально, заключается еще и в том, что, наверстывая упущенное, глобализаторы стараются поскорее закачать в нас все «достижения цивилизованного мира», к которым западные люди привыкали постепенно, в течение полувека. Поэтому плавной смены ценностей в России не произошло, как и тотальной адаптации к новой реальности: у многих она, наоборот, вызывает аллергию и отторжение. Но даже у тех, кто вроде бы хочет вписаться, еще вполне свежа память о том, что в России (да и до недавнего времени на Западе!) традиционно считалось нормой, а что — психопатологией.

Ну а коли так, давайте, пока у нас до конца не отшибло память, посмотрим, как жизненное пространство усиленно превращается адептами глобализации в различные отделения сумасшедшего дома.

Взять хотя бы моду. Проектировщики глобального мира, судя по всему, решили использовать ее в качестве одного из сильнейших средств *патологизации* психики. Да, конечно, мода существовала всегда, но она скорее *отражала* процессы, происходящие в обществе, а не *формировала* их. С начала же 60-х гг., когда глобалисты заговорили о необходимости произвести в мире «сдвиг культурной парадигмы» и начали активно формировать «культуру рока-секса-наркотиков», моду стали использовать в качестве тарана, пробивавшего бреши в массовом сознании. Сперва шла раскачка контрастами: мини-юбки — макси-юбки; брюки-дудочки — широкие клеш; узконосые туфли — квадратные носы; облегачущий силуэт — «мешок». Сначала перемены происходили довольно медленно, поскольку новая мода всякий раз вызывала у старшего поколения шок, общество сопротивлялось. Вспомните хотя бы, сколько дебатов вызывали туфли на платформе или на высокой шпильке. Но со временем мелькание кадров убыстрилось. Не успеешь глазом моргнуть, а мода кардинально поменялась. К концу 70-х гг. в иностранных журналах мод типа «Бурда» писали, что теперь мода может меняться даже в пределах одного сезона: скажем, в начале лета «писк» — платье в крупный горошек, а через месяц — в полоску. Но все же примерно до середины 80-х мода все-таки соответствовала своему главному предназначению, которое состоит в том, чтобы людей *украшать*. И одежда проектировалась и подбиралась так, чтобы *скрывать*, скрывать природные недостатки внешности. Помните, еще совсем недавно не только в модных, но и просто в женских журналах давались советы, как с помощью одежды замаскировать излишнюю худобу или, наоборот, избыточный вес, визуально сузить слишком широкие плечи или расширить чересчур узкие бедра. Конечно, и тогда встречались толстухи, которые напяливали мини-юбку, но они были посмешищем для окружающих. А родные старались образумить модниц с таким дурным вкусом.

Но ближе к концу 80-х стали появляться силуэты и фасоны, которые не могли украсить никакую фигуру, а делали облик нелепым, карикатурным, порою клоуноподобным. Брюки со сборками на животе уродовали даже самых стройных девушек. Женщины ведь всегда заботились о том, чтобы живот скрадывался. Отсюда — просторные народные сара-

фаны; дворянки, следовавшие европейской моде, наоборот, затягивались в корсет. Но в любом случае демонстрировать большой живот считалось неприличным. А тут даже худышка выглядела пузатой! И вдобавок сужающиеся книзу брючки создавали впечатление огромного отвислого зада. Не дамские брючки, а мечта паяца!

Тогда же сделались популярными и совершенно несуразные мужские наряды. Например, красные брюки, рубашки с кружевными манжетами и гипюровыми жабо.

Кто-то может спросить: «Чем же такая одежда карикатурна? Что в ней клоунского? Жабо очень даже украшает».

И действительно, жабо — красивый элемент одежды. Только женской, а не мужской.

«А как же графы, маркизы и бароны на балах?» — не унижается спорщик.

Но прошло время графов, маркизов и дворцовых балов. А современный мужчина, который приходил в жабо на работу или давился в перестроечных очередях, отовариваясь маслом по талонам, выглядел, прямо скажем, нелепо. Нелепость же никого не украшает.

Вот и получается, что в моде 80-х уже достаточно отчетливо прозвенели сигнальные звоночки, ведь и карикатурность облика, и стремление походить на существо другого пола, да и анахронизм в одежде — все это психиатрические симптомы.

В последующие же годы в моде все меньше оставалось смешных нелепостей и все больше появлялось нелепостей откровенно безобразных, уродливых и даже пугающих. Высокособые умники заговорили об эстетике безобразного, искусствоведы — об агонийных (от слова «агония») формах искусства. Но мы не станем развивать агонийное искусствоведение, на то есть патентованные специалисты, получающие заграничные гранты. Мы лучше посмотрим на новейшую моду с точки зрения психопатологии. Интересно, что бы сказали корифеи русской и советской психиатрии, пройдясь по современным московским улицам, спустившись в метро, заглянув в молодежную дискотеку? Корсаков, Ганнушкин или Кашенко могли бы не устраивать свои знаменитые профессорские разборки для студентов-медиков в стенах психиатрических клиник, носящих теперь их имена. Зачем извлекать больных из палаты и приводить в аудиторию, когда можно выйти на улицу и с приятностью устроить практикум на свежем воздухе?

Вот женщина не просто полная, а с болезненным ожирением. Но она в обтягивающих, больше похожих на рейтузы брюках и такой же облегающей майке. Да, не прошли даром

так называемые «fat-show», фестивали и клубы толстяков, в которых задавали тон звезды эстрады, тоже, мягко говоря, не отличавшиеся худобой. На эту женщину никто даже не обращает внимания. И разве она такая одна? Между тем это яркий пример сниженной критики, сопутствующей серьезным психическим заболеваниям.

Вот старуха в джинсовой юбке, кроссовках и бейсболке с ярко-красным козырьком. Стиль девочки-семиклассницы. Ганнушкин, наверное, квалифицировал бы это как старческое слабоумие. Но сегодня за такой диагноз в сумасшествии обвинили бы самого Ганнушкина. Это ж так прекрасно, когда человек не помнит о своем возрасте и в семьдесят пять хочет выглядеть, как в пятнадцать! Значит, он молод душой, не унывает, верит, что у него еще все впереди...

А вот всамделишные пятнадцатилетние. Он в майке без рукавов, которая всегда считалась атрибутом нижнего мужского белья. Голые плечи обезображены татуировками. На одном плече дракон, на другом — какая-то харя. В ухе масса сережек — по всему периметру ушной раковины. Осветленные, как у женщины, волосы стоят дыбом. Вид довольно кошмарный, но еще уродливей выглядит девица. Синими губами она напоминает покойника, черными ногтями на руках и ногах — того, кто не к ночи будь помянут, а выбритые на голове дорожки похожи на проплешины, которые бывают у страдающих трихотилломанией — очень тяжелым невротическим расстройством, когда больные вырывают у себя на голове волосы, выдергивают брови и ресницы.

Такое явное обезображивание своей внешности называется в медицине «порчей образа». Оно бывает при весьма серьезных душевных расстройствах. Но если полистать свежие журналы мод, становится понятно, кто индуцирует безумие широкой публике. Журналы причесок будто издаются в помощь ведьмам, чтобы они смогли привести себя в надлежащий порядок перед полетом на шабаш. Все представления о красоте волос вывернуты наизнанку. Всегда ценились пышные, густые волосы. Теперь с помощью особых приемов создается впечатление, что на голове три волосинки. А сколько усилий тратил парикмахер, чтобы добиться аккуратной стрижки, идеально ровной челки! Сейчас же модно стричь вкривь и вкось, сикось-накось. Вдумайтесь в само слово «прическа». Приставка «при» означает приближение. Волосы чешут, приближая друг к другу и одновременно к голове. Теперь же модную прическу уместнее было бы называть «растрепкой» — неровные патлы еще и старательно хаотизируют. Ну и, наконец, при самых разных модах на прически ни-

когда не оспаривалось, что волосы должны быть чистыми. Теперь их нужно специально засаливать и вдобавок превращать в паклю.

Неопрятность вообще сейчас поднята на щит. Юбки с перекосенным подолом или даже в виде лохмотьев, прорехи на джинсах, специально, художественно порванные пятки на чулках, рубашки, торчащие из-под свитеров или нарочно застегнутые не на ту пуговицу, обвислые футболки, трехдневная щетина... Но ведь неопрятность — тоже один из клинических симптомов. А если точнее — одно из важнейших указаний на шизофрению. Психиатрическому больному-хроннику свойственно забывать, застегнута ли у него одежда, давно ли он мыл голову или брился...

— Да ладно вам пугать! — возмутится читатель. — При чем тут психиатрические хроники? Мало ли как люди выглядят, чтобы соответствовать моде?

Но нельзя соответствовать моде чисто формально. Мазать губы синей мертвецкой помадой и при этом оставаться доверчиво-радостным ребенком. Демонстративность, неряшливость, уродство, непристойность моды диктует и стиль поведения. А стиль поведения уже прямо связан с внутренней сущностью человека. Даже те люди, которые рабски не подражают моде, все равно варятся в этом соку и постепенно привыкают к уродству как к новой норме.

Если бы великий Ганнушкин, которого мы оставили проводить воображаемый практикум на московской улице, увидел пьющую из горла пиво беременную женщину в короткой летней маечке, заканчивающейся прямо над огромным голым животом с кольцом в пупке, он бы вынужден был развести руками и признаться своим юным коллегам, что это какое-то неведомое доселе, сложное, полисимптомное душевное расстройство. Зато наши современники вообще никаких болезненных симптомов тут не наблюдают. А что? Нормально! Надо же в чем-то ходить, когда жарко! Живот голый? Подумаешь! Что естественно, то не стыдно. Ну а про пирсинг в пупке вообще смешно упоминать. Это и декоративно, и, может, там какая-то точка акупунктуры в пупке полезная. Да и потом, девушка, наверное, давно пупок проколола и просто забыла колечко вынуть. Замоталась — и забыла, перед родами, сами знаете, сколько хлопот. А пивко пускай хлещет на здоровье, ребеночек тогда будет расти у нее внутри как на дрожжах...

Сколько веков люди помнили, что женщина, которая ждет ребенка, должна вызывать чувство благоговения, ибо прообраз ее — Богоматерь! И даже в безбожное советское время благоговение еще не выветрилось. Часто повторяли вслед за

одним дореволюционным писателем: «Будущая мать всегда прекрасна», с Мадонной сравнивали... И вдруг — разом все позабыли... Прямо какое-то коллективное слабоумие получается, или, в переводе на язык психиатрии, деменция...

Но деменция эта во многом рукотворна. И законодатели мод занимают среди ее творцов далеко не последнее место. На какую головокружительную, олимпийскую высоту подняты представители этой профессии! Кутюрье, которых раньше называли модельерами и модельершами, а еще раньше — модистками, закройщиками и портными, существовали с незапамятных времен. И люди очень даже нуждались в их услугах. Мы уже говорили, что одежда играла важную декоративную роль, особенно в жизни женщин. Поэтому к советам модельеров прислушивались. Но их как-то не принято было спрашивать — тем более в печати и на телевидении! — какая экономика нужна государству, какую сторону следует поддерживать в «военном конфликте» США с Ираком, стоит или не стоит легализовать продажу наркотиков, есть ли будущее у клонирования человека и что целесообразнее: сохранить призыв в армию или перейти на контрактную службу. Люди видят это на экране, слушают по радио, читают и думают: «Он такой умный, такой важный! Вчера показали в новостях, как он присутствовал на праздничном кремлевском обеде. А этот, из Франции, с двойной фамилией, большой СПИДом, одевает королев... он вообще вчера по телевизору рассуждал о будущем планеты, и все ему смотрели в рот... Раз они такие великие, эти кутюрье, все про все понимают, значит, уж в своем-то деле они наверняка академики! Где тут у нас делают пирсинг? Надо идти...»

Как сводят с ума

Наряду с модными закройщиками, «стилистами жизни», назначены теперь эстрадные певцы и популярные ведущие. Тут уже модели поведения транслируются не опосредованно через модели одежды, а напрямую. И представляют собой широчайший спектр психических отклонений, извращений (на профессиональном языке — девиаций и перверсий). Эстрадные певцы были популярны и раньше. Но даже если кто-то из них вел себя несколько экстравагантно, то, с поправкой на профессию, это не выходило за пределы нормы. Теперь же, по признанию самих артистов, если у тебя нет извращения или хотя бы какой-то «сумасшедшинки», придется что-нибудь себе придумать. В противном случае забудь о карьерном росте.

Попробуйте однажды посмотреть на экран отстраненным взглядом. Пожалуй, для этого даже лучше выключить звук, чтобы зрительный ряд проступил более выпукло. Часто уже немолодой артист или артистка задирают ноги выше головы, порывисто сбрасывают с себя одежду на сцене (страсть к публичному обнажению называется эксгибиционизмом), скачут козлом, дергаются в конвульсиях на манер тяжелейшего неврологического заболевания — пляски святого Витта, или болезни Паркинсона. У них выпученные глаза, как у больных в состоянии острого психоза. Ну а если включить звук, то послышатся крики, вой, стоны, хрипы, и мы поймем, что имеем дело с безумием, которое старательно индуцируется залу.

И публика тоже начинает дрыгаться, свистеть, улюлюкать. Безумие заразительно, так что весь концертный зал, а то и стадион на время превращается в огромное буйное отделение сумасшедшего дома.

А вспомним молодого ведущего появившейся в конце 90-х музыкальной телеигры «Угадай мелодию». Поначалу многие люди недоумевали, почему этот симпатичный парень все время принимает неестественно-вычурные позы. Почему его деревянная пластика напоминает пластику тростниковой куклы с острова Ява или движения в брейк-дансе? Люди более продвинутые успокаивали себя и других тем, что таков нынешний западный стандарт. Но ведь это тоже по существу ничего не объясняло. И лишь человек, профессионально знающий психиатрию, явственно видел перед собой очень точную, грамотную имитацию каталепсии — специфической пластики при определенных формах шизофрении. Невыносимо было смотреть на потуги участников передачи, которые пытались подражать ведущему-кукле. Выглядели они порой как-то совсем простецки, от них не веяло никакими западными стандартами. Но, вероятно, без этого «нового стиля» до участия в передаче просто не допускали.

Впрочем, это лишь предположение. А вот как около получаса натаскивали целый зал старшеклассников перед съемкой передачи «Большая стирка», одна из нас видела собственными глазами. Женщина-режиссер командовала в микрофон:

— Когда я взмахну рукой, вы должны дать реакцию. Ну-ка, попробуем!

Подростки, часть из которых, судя по всему, была на телевидении не впервые, с готовностью заорали, заулюлюкали и засвистели. Режиссер отрицательно замотала головой и резким жестом остановила шум. Выражение лица у нее было очень недовольным.

— Вы что, спите на ходу? Поехали по второму разу! — Она опять взмахнула рукой.

Юные статисты завопили и заверещали что есть мочи. Но режиссерша снова насупилась.

— Где драйв? Я не чувствую драйва! — заорала она в микрофон как помешанная. — А ну-ка еще раз! Третья попытка!

Дети, взятые «на слабо», надрывались так, что казалось, у них сейчас кишки полезут горлом. И, наконец, заработали одобрителный кивок. Съемка началась.

Из приведенной сцены видно, что психотронное оружие — это не обязательно какие-то загадочные излучения, невидимо разрушающие человеческий мозг. Двадцати минут наглого напора оказалось достаточно, чтобы вызвать пусть временный, но массовый психоз. Да и по поводу временности вопрос спорный. Разве беснование может пройти бесследно для человеческой души? Ведь в следующий раз одного взмаха руки (или слова «драйв») будет для кого-то достаточно, чтобы в памяти всплыла вся цепочка стимулов, приводящих к безумному буйству...

Личность подростка, участвующего в подобных массажах — на телевидении ли, на стадионе, на рок-концерте или на дискотеке, — начинает искажаться. Практически все родители обращают внимание на то, что ребенок становится повышенно раздражительным, агрессивным, не терпит замечаний, заводится с пол-оборота. В нем появляется какая-то непонятная жажда разрушения, пропадает сочувствие, умолкает совесть, сердце будто глохнет, достучаться невозможно. Но ведь такая сокрушительная агрессия в сочетании с душевной тупостью — одна из главных характеристик гебоидной, или ядерной (затрагивающей самое ядро личности) шизофрении! И вот гебоидные шизофреники предлагаются нашим детям в качестве образов для подражания. Герои компьютерных игр, с которыми отождествляет себя ребенок, только тем и занимаются, что проламывают стены, поджигают дома, взрывают города и убивают всех без разбору. Гебоидными шизофрениками нашпигованы и современные кинофильмы.

Вы возразите, что они там, на экране, — отрицательные персонажи. И это возражение верно. В нормальной реальности зрители обычно сопереживают положительным героям и не приемлют злодеев. Но в реальности психогенной все по-другому. Сейчас, когда творцы «нового глобального мира» делают все, чтобы поменять полюса добра и зла, возвести зло в ранг нормы, а потом и в ранг добродетели (соответственно, низводя добродетель до уровня курьеза, а затем — до уровня порока), дети интуитивно чувствуют эту перемену знаков и хотят подражать злу, как они хотят подражать чемпионам.

У нас на психологическом приеме все чаще появляются дошкольники, которым нравятся отрицательные персонажи: Бармалей, Карабас-Барабас, Баба Яга, Кощей Бессмертный. Чтобы почувствовать, какое это серьезное личностное искажение, постарайтесь вспомнить себя в этом возрасте и свою реакцию на сказочных злодеев. Вспомните, как вы содрогались от негодования и ужаса, когда злодеи творили свои злодеяния, как хотелось помочь Иван-царевичу, Буратино, привязанным к дереву Танечке и Ванечке. А когда немного подрастали, какие проблемы возникали при игре в войну, потому что никто не желал быть «фашистом». И на эти роли обычно соглашались дети-изгои, которым важно было на любых условиях быть принятыми в игру.

А как непросто было педагогу театрального кружка найти кандидатуру на роль отрицательного персонажа! Какие обиды часто возникали у получившего такое «спецпредложение»! Собственно говоря, у нас есть и личный опыт раздачи подобных ролей. Ставя на своих психологических занятиях пьесу по мотивам сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка «Серая шейка», мы раньше регулярно сталкивались с нежеланием детей играть злодейку Лису. Приходилось хитрить, выдумывать аргументы типа: «Ты такой талантливый актер, покажи класс!» или: «Только очень большая актриса, будучи хорошим человеком, способна изобразить злодейку». Но в последнее время картина принципиально изменилась. Теперь не успеваем мы при чтении пьесы вслух дочитать ее до конца, как сразу несколько ребят выкрикивают: «Можно, я буду Лисой? Отдайте мне Лису! Нет, мне!»

И это в подавляющем большинстве случаев дети из культурных семей, где родители достаточно много занимаются их воспитанием. И патологии серьезной у ребятишек нет, а садистские пристрастия — как у клинических больных.

Эталоны, они же симптомы

Нельзя не упомянуть и о целенаправленном расщеплении массового сознания. И в теле-, и в газетной журналистике появился специальный термин: «нарезка». Это чтобы всего было по чуть-чуть, и все в одной куче. При этом редакторы с апломбом заявляют, что люди якобы разучились воспринимать мало-мальски объемные и серьезные материалы. Помнится, на заре перестройки режиссер А. Михалков-Кончаловский, обогащенный опытом работы в Голливуде, рассказывал об особенностях требовательной американской публики.

— Внимание у тамошнего зрителя, — объяснял он, — очень суженное, как будто они смотрят в подзорную трубу. И очень кратковременное — они его не в состоянии зафиксировать на чем-то одном дольше минуты. Поэтому в Штатах такие высокопрофессиональные фильмы: никаких длиннот, только «экшн» (action)».

Теперь такого «требовательного» зрителя формируют и у нас. А ведь Михалков-Кончаловский, сам того не подозревая, — он же по профессии режиссер, а не психиатр — описал больных с так называемым «полевым поведением» и вниманием, выражаясь профессионально, «суженным по типу коридора». Даже у детей полевое поведение считается нормой лет до двух, максимум до трех. А тут оно у взрослых... Комментарии могут показаться бестактными.

Лучше перейдем к краткому перечислению других патологий, провоцируемых злополучной «нарезкой». Это и разорванность сознания, когда человек неспособен выстроить простейшую логическую цепочку. Это (снова профессиональная терминология) скачка идей. Это эмоциональное отупение, которое возникает как патологическая защитная реакция на склейку трагических известий с нейтральными и даже радостными. («Маньяк зверски убил очередную жертву. Курс доллара остался прежним. Завтра открывается фестиваль пива».)

А еще когда человека ежедневно оглушают таким количеством шокирующих новостей, у него возникает — тоже защитного характера — амнезия. На войне подобные расстройства памяти нередко бывают следствием контузии. В сегодняшней же информационной войне роль снарядов и бомб играет умно скомпонованная и соответствующим образом поданная информация. Контуженные ее взрывной волной телезрители с трудом вспоминают, что видели вчера. А уж политические события, за которыми они так напряженно следили год назад, невозможно восстановить в памяти даже под дулом пистолета.

А сколько сил брошено на то, чтобы приобщить как можно больше людей к различным половым извращениям, которые (может, не все это знают?) тоже относятся к разряду психопатологии! Скажем, нашумевшая телепрограмма «За стеклом», кроме всего прочего, провоцировала такое психосексуальное расстройство, как вуайеризм (попросту говоря, это когда получают специфическое удовольствие, подглядывая в замочную скважину чужой спальни). Или взять передачу «Голая правда», где, сообщая новости, ведущие поэтапно раздеваются. И эти две передачи, и масса других поощряют вуайеризм со стороны зрителей и эксгибиционизм — отклоне-

ние, связанное с любовью к прилюдному обнажению, — участников. А как подогреваются в СМИ монстрофилия (патологическая любовь к уродству) и педофилия (еще недавно этот термин приходилось объяснять, но сейчас, увы, уже не требуется, телевидение позаботилось о просвещении масс)!

Иногда клинический диагноз поставить нелегко. Например, в телерекламе, когда вся семья, собравшись за столом, ворует друг у друга сосиски и это подается как забавная игра. Кто эти игрушки: олигофрены или kleptomаны? Или тут может идти речь о комбинированном дефекте?

До недавнего времени хотя бы совсем маленьких детей оставляли в покое. Компьютерные игры, идиотские книжки и даже мультфильмы с Бэтменами и киборгами — все это было еще не для них. Но теперь появились разработки, охватывающие и эту возрастную группу. А то вдруг они за первые три года жизни успеют нормально сформироваться...

«Телепузики» — первая в мире программа для младенцев до одного года появилась в Англии в 1997 г. и тут же была экспортирована в США компанией PBS (Public Broadcasting Station — Общественное телевидение («Улица Сезам»), специализирующейся на детской образовательной продукции, — пишет социолог Н.Е. Маркова в книге «Технология уничтожения». — С самого начала производители телепередачи настойчиво позиционировали ее как обучающую... Реклама утверждала, что программа развивает воображение младенцев, облегчает их моторное развитие, способствует довербальному развитию языка и учит обращению с техникой».

Видите, как привлекательно? Тем более что сейчас модно заниматься ранним интеллектуальным развитием детей. Но из разбора Н.Е. Марковой становится очевидно, что ни о каком интеллектуальном развитии не может быть и речи. Скорее наоборот. Как учат маленького ребенка? Показывают ему какой-то предмет или картинку и говорят: «Это — то-то». В «Телепузиках» же словесная информация часто противоречит зрительной. Маркова приводит характерный пример: «Визуальная информация — крупный план: рука мальчика держит кусочек яблока. Вербальная информация — голос ребенка за кадром: «Это виноград».

Или: детские пальцы держат кисточку с красной краской, раскрашивая дымковскую игрушку. Голос ребенка за кадром: «Это зеленая краска». Так хаотизируется еще очень хрупкая психика малыша, блокируется усвоение правильной информации.

«Перечислим наши предыдущие открытия, сделанные при

просмотре «Телепузиков», — подытоживает исследовательница, — склонность к асоциальному поведению, девиантности и депрессии; эмоциональная тупость, пассивность, беспомощность, деструктивное мышление, неврастения; прибавим к этому крепко усвоенные в младенчестве неправильные связи элементарного вербально-визуального ряда (ребенок будет путать зеленый и красный, яблоко и виноград и пр.), и мы получим портрет будущего неудачника и преступника — потребителя наркотиков».

А скольким людям развинтили психику так называемым сетевым маркетингом! Наивно думать, что многочисленные приемы запудривания мозгов влияют только на покупателей. Присмотритесь к агентам, распространителям и дистрибьюторам всяких там гербалайфов, цептеров и омолаживающих бальзамов. Разве можно считать нормальным человека, который как заведенный скандирует заученный рекламный текст, нисколько не ориентируясь на реакцию тех, к кому он обращается? Они могут его не слушать, могут даже попросить выйти и не мешать работать, если он пришел со своим товаром в учреждение, — все без толку: пока этот живой граммофон не прокрутит свою пластинку до конца, его никакими силами не выключить. Согласитесь, такое поведение не назовешь адекватным. Неадекватно и то, что «специалист по сетевому маркетингу» перестает дифференцировать людей на своих и чужих, всучивая «эксклюзивный продукт» (якобы вчера еще секретную разработку военно-промышленного комплекса или лекарство, которым лечили только членов Политбюро) всем без разбору, в том числе близким родственникам и закадычным друзьям. Хотя нормальный торговец на своих не наживается.

Не реагирует одержимый распространитель и на ситуацию. На дружеской вечеринке, на похоронах, на свидании с девушкой он может в самый неподходящий момент вытащить из сумки образчик заветного товара и начать рекламную кампанию. Скажите, разве может все это вытворять человек в здравом уме и твердой памяти? И разве обязательно быть крупным психиатром, чтобы диагностировать его нездоровье?

Усугубление признаков

А как губительна для людей истероидного склада (которых на свете не так уж и мало!) оголтелая сексуальная пропаганда и призывы раскрепоститься! Может быть, не всем известно, что «истерия» по-гречески значит «матка». Когда половые влечения гипертрофированны, особенно опасно эту

сферу растормаживать, подогреть. Бытует, правда, мнение, что чем меньше себя сдерживаешь, тем лучше. В том числе и в интимной жизни. Отбросим ложный стыд — и психика якобы успокоится. Но на самом деле все наоборот. Истероидность (т. е. конституциональная особенность нормального характера) может при подобной раскашке перерасти — и нередко сейчас перерастает — в натуральный истерический психоз.

— Никогда раньше не видел таких острых форм истерии, как сплошь и рядом вижу сейчас, — признался нам один психиатр с тридцатилетним стажем работы в крупной московской больнице. — Даже истерическую дугу можно увидеть, о которой раньше только в литературе читал (это когда в состоянии истерического припадка больная выгибается мостиком. — **Прим. авт.**).

Позволить истеричной женщине (а истерия, по преимуществу, женская болезнь, хотя в связи с феминизацией мужчин количество истериков среди представителей сильного пола существенно увеличилось) беспрепятственно удовлетворять свои нижепоясные желания — это все равно что позволить человеку, страдающему ожирением, есть столько раз и в таких количествах, сколько ему заблагорассудится. «Раскрепостившись», толстяк очень быстро отправится на тот свет. Но если больной ожирением вредит распущенностью только себе, то душевнобольной, которому общество позволяет распуститься, губит не только себя, но и других. Взять тех же истеричек. Раньше избытки их дурной энергии выплескивались на окружающих главным образом в виде криков, скандалов, обид, внезапных слез, которые так же мгновенно высыхали, как и появлялись. Пока общественная мораль не была расшатана, повышенное внимание истеричек к определенной стороне жизни часто оборачивалось парадоксальной стороной, т. е. ханжеством: они уличали других в тайных амурных отношениях, по принципу «куре про со снится». Это тоже было малопривлекательно, приводило к конфликтам, даже к трагедиям. Но теперь, когда эротика в почете, сексуально озабоченные граждане и гражданки уже не скрывают своих истинных пристрастий. И жизнь многих семей превратилась в ад. Нетрудно себе представить, что слышит теперь муж «просвещенной» истероидной женщины, как она унижает его, как попрекает мужским бессилием, как афиширует свои связи на стороне, ссылаясь на рекомендации, вычитанные в журналах и даже услышанные во врачебных кабинетах. А поскольку истерички демонстративны, они с удовольствием устраивают свои концерты на публике. В том

числе и при детях. Страшно подумать, как калечится душа ребенка, который слышит непристойные обвинения в адрес своего отца.

А какое сейчас раздолье для сексуально озабоченных учителей в школе! Валеология, уроки здоровья, элементы полового воспитания в литературе, истории, не говоря уж о биологии, в которой при желании все можно повернуть «в ту степь». Тем более что курируют соответствующую тематику в школьном образовании поистине «достойные» люди. К примеру, старый содомит с совершенно развинченной психикой, позирующий для газетных фотоснимков в трусах и кокетливо выставляющий напоказ голые ноги, он же академик образования и чуть ли не главный консультант по вопросам полового воспитания школьников. А другой психбольной, госпитализированный в свое время с диагнозом «навязчивые сексуальные фантазии и прилюдный онанизм», теперь выступает как крупнейший сексопатолог по телевидению и окультуривает отсталых россиян, заявляя, в частности, что только в такой чудовищно дикой стране, как наша, до сих пор отсутствуют в школах уроки сексологии. Это, якобы, позор на весь цивилизованный мир!

Быстро, однако, реализовались наши гамбургские фантазии о сумасшедших, которые скоро будут диктовать нормальным людям свои правила человеческого общежития! И если бы дело ограничивалось только «сексуальными революционерами»... Коллеги-психиатры не раз говорили нам, что многим представителям современной власти легко можно поставить диагноз прямо по телевизору — настолько выпирает болезнь. И эти больные люди в последние годы решают судьбу целой страны. Что, опять случайность? Но в это даже малое дитя не поверит. Особенно сегодня, когда нам неустанно объясняют, что без «раскрутки» выбиться наверх нельзя.

Тогда с какой целью создаются условия для главенства безумцев, а в конечном итоге и для превращения всего мира в психбольницу без врачей?

Группа поддержки

Мы уже неоднократно писали, что многие явления современной жизни, кажущиеся хаотичными и абсурдными, обретают логику в контексте глобализма. Проект создания всемирного государства предполагает не только отмену границ и единое экономическое и информационное пространство, но и отрыв людей от национально-культурной почвы, традиционной морали, традиционных норм поведения. Именно это

и стоит за красивым словом «вестернизация». Хотя на самом деле термин обманчив, ибо и в странах Запада многие воспринимают происходящие процессы как нечто чужеродное. Они кивают на Америку, но и в Америке далеко не все в восторге от новых веяний и называют их «контркультурой», тем самым подчеркивая ее враждебность нормальной, традиционной культуре. А кто же в восторге? Кому может нравиться культура рока-секса-наркотиков, отказ от традиционных норм, уродство как эталон красоты, безнравственность и хаос? Кто способен легко адаптироваться в мире, где все вверх дном? Ну, конечно же, люди с расшатанной, хаотизированной психикой, которые и сами склонны путать черное с белым.

А с другой стороны, отказ от традиционных норм поведения калечит и здоровых людей. Мы в этом много раз убеждались, видя девочек и мальчиков из богатых семей, где родители особенно падки на новые веяния. Изначально сохранная психика таких детей деформировалась от нетрадиционного воспитания. Причем настолько серьезно, что помочь им было намного труднее (а подчас и невозможно!), нежели детям с врожденной психопатологией. Так что вывод о теснейшей связи традиционных культурных норм с психическим здоровьем — это не просто наши теоретические измышления, а результат многолетнего эмпирического опыта.

Но зачем, опять-таки возникает вопрос, глобалистам нужен безумный, перевернутый мир, в котором уродство занимает место красоты, а порок назначается новой добродетелью? Ответ на этот вопрос неизбежно выходит за пределы прагматики. По-настоящему понять глобализм без его духовной составляющей нельзя. Лишь признав, что на наших глазах строится не просто новый, а антихристианский миропорядок, мы наконец перестанем недоуменно пожимать плечами и начнем вникать в суть многих разрушительных тенденций. В частности, той, о которой мы сейчас говорим.

В уже упоминавшейся книге Фуллера приводятся интересные исторические факты. Оказывается, еще в XVIII веке случаи заболевания шизофренией в Европе были достаточно редки. «И вдруг внезапно, на переломе столетий, — пишет автор, — шизофрения появляется в той своей форме, которую уже ни с чем не спутаешь». В течение всего XIX века количество заболеваний шизофренией возрастало. «Во Франции Э. Реноден в 1856 году опубликовал развернутые данные о распространении безумия — особенно в городах и среди молодежи, а на следующий год, в Англии, Джон Хокс писал: «Я очень сомневаюсь, что когда-либо в истории было такое

же количество сумасшедших, как в наши дни». В 1873 году Харрингтон Тьюк предупреждал, что «вал безумия медленно нарастает», а через три года Р. Джеймисон сказал: «Наиболее заметным явлением наших дней стало вселяющее тревогу увеличение числа сумасшедших».

В США же еще достаточно долго не наблюдалось роста душевных заболеваний. «Первая американская психиатрическая клиника, — рассказывает автор, — открылась в Уильямсбурге (штат Виргиния) в 1773 году. В ней имелось 24 койки, но в течение 30 лет они так ни разу и не были заняты все одновременно. За 43 года, в период с 1773 по 1816 год, не было открыто больше ни одной подобной клиники, а в течение следующих тридцати лет их появилось еще 22». Заметный рост числа душевнобольных произошел лишь в XX веке, и сейчас США считается страной с достаточно высоким уровнем заболеваемости шизофренией (7,2 больных на 1000 жителей).

Фуллер, как легко догадаться, далек от православной трактовки изложенных им фактов. Но для человека верующего очевидно, что отказ от Бога не может проходить бесследно для человеческих душ. Поэтому ничего удивительного, что вспышка шизофрении пришлось в Европе как раз на эпоху Французской революции. Именно тогда была предпринята попытка отказаться от христианства, заменив его поклонением некоему Высшему Разуму. Безжалостно разрушались церкви, в алтарях на престолах восседали голые блудницы. В Америке же, которая в целом еще достаточно долго оставалась страной с нерасшатанными религиозными устоями, число шизофреников увеличивалось не столь стремительно. Зато после Второй мировой войны, когда в Штатах обкатывался антихристианский проект создания контркультуры «МК-ультра», проблема шизофрении и прочих душевных заболеваний встала как нельзя более остро.

Сейчас принято говорить «психические заболевания», но корень слова несколько затуманивает смысл. Хотя большинство людей знает, что «психе» переводится как «душа», а все же, если сказать «душевные заболевания», «душевнобольной», ситуация проясняется.

Когда человек заболевает телесно? В большинстве случаев — когда его организм не в силах справиться с какой-то инфекцией, какими-то вредными воздействиями извне. Душа же заболевает, когда она не в состоянии побороть «вирусы» страстей и они одерживают над ней верх, завладевают ею и порой даже полностью подчиняют себе (что и называется одержимостью).

Простейший пример победы страсти над человеком — гнев психопата. Он ведь прекрасно знает (не только в 40 лет, но и в 4 года!), что кричать, угрожать, драться плохо. Но справиться с гневом не может. В состоянии аффекта, ослепленный гневом, он и убить способен. Не то что врага — близко-го, любимого человека! Потом, когда накал страстей спадет, психопат будет искренне недоумевать, как это с ним такое приключилось. А иногда и вовсе не помнит, что он вытворял полчаса назад.

А что такое мания величия, как не одержимость страстью гордыни? Настолько сильная, что помрачает рассудок. Ведь рассуждая здраво, невозможно считать себя Наполеоном или президентом США хотя бы потому, что ты живешь в другое время, в другой стране и у тебя другая фамилия.

Да, в крайних своих проявлениях душевнобольные становятся без-умными, умалишенными. Это состояние раньше вызывало у окружающих мистический ужас, потому что ум считался одним из главных Божьих даров человеку. «Божество есть ум и слово, «ибо в начале было Слово» (Ин. 1:1), — пишет святитель Григорий Нисский в трактате «Об устроении человека». — Недалеко от сего и естество человеческое. Видишь в себе и слово и разум, подобие подлинного Ума и Слова».

Образы и лукавые подобию?

А вот что говорит со ссылкой на апостола Павла дореволюционный священник Иоанн Ковалевский: «В разуме Бог положил существенную черту Своего великого образа в нас (Еф. 4:22—23), и по этой причине с отказом от ума, этого благодатного дара неба, человек теряет все, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство... Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека обиднее всего укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?» («Подвиг юродства», М., 2000, «Лепта».)

При этом настоящий ум теснейшим образом связан с верой в Бога. «Мы имеем ум Христов. И напротив — не неопытность в слове, но неимение веры» («Толкование на 1-е послание к Коринфянам»). Просвещенный верою ум ведет человека узким путем спасения, учит обуздывать страсти. Апостол Павел заповедовал нам, чтобы мы «не были дети умом: на злое были бы младенцы, а по уму совершеннолетние» (1 Кор. 14:20). Когда же страсти помрачают разум, которых святые отцы называли светом души, человек, духовно

ослепнув, становится рабом тьмы. Так, плодя безумие, антихристианские силы готовят для своего будущего правителя обширную группу поддержки. Группу или войско.

Как буквализировались сегодня высказывания апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3:19)! И в этом безумном мире элементарные христианские понятия могут быть сочтены сумасшествием. Поди скажи неправославным людям, что утрата невинности 17-летней дочерью — беда неизмеримо большая, нежели потеря денег, положенных в банк. Или что уход сына в монастырь не трагедия, а милость Божия. Знакомые начнут переглядываться и хмыкать. А если еще добавить, что бесы — это вовсе не метафора, может воцариться неловкое молчание. Кто-то сочувственно вздохнет: дескать, вот до чего доводит хождение в церковь. Совсем, бедняга, рехнулась...

И смотрите, что на сей раз использует диавол, эта извечная обезьяна Бога, в качестве объекта пародии: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3:18-19).

Формально этому наставлению следуют сейчас как никогда более старательно. Раньше, чтобы пробиться на ту же эстраду, все-таки нужно было иметь голос, хорошие внешние данные, умение красиво двигаться. Сейчас все это необязательно. Зато необходим «свой имидж» по принципу «чем эпатажнее, тем больше шансов на успех». Прикинься безумным — не прогадаешь. Причем из всех видов патологий предпочтительнее сексуальные. Вон группа «Тату», имидж которых — школьницы-лесбиянки. Вообще-то это верх безумия — так популяризировать грубое половое извращение, да еще в детской среде. Но, с точки зрения современных антрепренеров и обывателей, они умны не по годам: такая слава, триумфальное шествие по всему миру, денег вагон. Можно сказать, с молодых ногтей обеспечили себе достойную старость. Другие, дуры, часами пиликают на скрипке, разучивают гаммы, заканчивают консерватории, чтобы потом работать в заштатном оркестре, а то и музработником в детском саду. А эти, мудрейшие, раз — и в дамках!

И умение рисовать теперь ни к чему. Кому ты нужен со своими пейзажами, натюрмортами, портретами, не говоря уж о батальных сценах? А вот художник Кулик, посадивший себя голого на цепь и изобразивший собаку, пошел другим путем. Ему рукоплескал цивилизованный мир, он опять же заработал хорошие деньги... Каков мудрец!

Очень мудро прославил себя и писатель Сорокин, описав в своих романах копрофагию (поедание экскрементов) и ан-

тропофагию (поедание человек). Его мудрость оценили по достоинству и на родине, и за ее пределами. На родине в некоторых школах даже включили его роман, нагруженный грязными ругательствами, в список рекомендованной литературы для внеклассного чтения. Мудрым слывет и политик, на которого иногда нелишне было бы надеть смирительную рубашку. И идеологи проекта «Русский ислам» — абсолютно безумной идеи исламизации России и русских. Их мудрость признана и поощрена властями, на реализацию проекта выделены значительные средства.

Как маячит за всей этой вакханалией «мудрого безумия» глумливая усмешка ее вдохновителя! Наверное, и он считает себя большим умником, поскольку так ловко извратил смысл апостольского изречения. Ведь апостол Павел, обращаясь к христианам города Коринфа, призывал их, естественно, не к беснованию, а к исповеданию Христа и к жизни по христианским заповедям. Жизни, которая «веку сему» может казаться безумием, но которая и есть настоящая мудрость. Безумными считались среди соплеменников те, что отказывались бросить горстку благовоний на языческий жертвенник и с радостью претерпевали за это адские муки. Но в конечном итоге они оказались мудрыми даже в «веке сем», ведь их слава пережила многие столетия, им молятся, их именами называют детей. Имена же их гонителей если и помнят, то только в связи с этими святыми мучениками.

А были среди христиан и такие, которые нарочито вели себя как безумные. На первый взгляд, подобно сегодняшним ловкачам, избравшим сумасшествие в качестве выгодной бизнес-маски. О юродстве тоже можно сказать, что это была маска. Но прикрывала она не хитрый расчет снискать популярность и огрести кучу денег. Нет, под маской юродства таились мудрость, просветленность, часто дар прозорливости. А главное, делалось все это Христа ради, а не ради удовлетворения своих страстей и низменных желаний. Не для того, чтобы тешить беса, а чтобы при жизни не получить никакого воздаяния. Даже в виде похвалы. «Эти славные подвижники, воодушевляемые горячей ревностью и пламенной любовью к Богу, добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод общественной жизни, от самого близкого и кровного родства, но даже отрекались при полном внутреннем самосознании от самого главного отличия человека в ряду живых существ — от разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия,

ни чувства стыда, дозволяющего себе иногда соблазнительные действия», — читаем в книге «Подвиг юродства».

Во всех житиях юродивых подчеркивается, что втайне от людей они усиленно молились за весь мир и держали строгий пост, часто скитались, не имея ни жилья, ни вообще какой бы то ни было личной собственности.

Но и в древности, и в более поздние времена были псевдоблаженные, только внешне копировавшие поведение настоящих юродивых. Их симуляция маскировала лень, развращенность и бешеную гордыню. Именно по этой причине с XVIII в. российские церковные власти перестали признавать юродивых и не благословляли этот особый вид духовного подвига. Хотя юродивые в России не перевелись. В XX в. клику святых Православной Церкви были причислены блаженная Ксения Петербургская и блаженный Алексей Елнатский.

В наше время, наверно, как никогда, поощряются антихристианские подобию юродства. Юродивые одевались в отрепья? Пожалуйста, у нас есть хиппи, клошары и прочие так называемые неформалы. Юродивые ходили зимой босиком? Милости просим в секту Порфирия Иванова. Усиленно постились? Да теперь целые научные институты занимаются проблемой лечебного голодания. И любителей подобных диет немало. Ну а уж то, что некоторые юродивые были почти или вовсе нагими, растиражировано ордами нудистов. Теперь на популярный московский пляж в Серебряном бору нужно ходить с большой осторожностью. Иначе столкнешься с целым стадом голых людей, которые купаются, играют в волейбол и в карты, едят, нисколько не стесняясь своей наготы, а скорее презирая тех, кто стесняется пребывать с ними рядом.

Чем вольготнее чувствуют себя в современном мире одержимые, тем важнее сохранять критерии нормы. Для этого не нужно никаких особых дарований, это под силу каждому человеку. Безусловно, лучше, когда людей в их духовной борьбе поддерживает государство, но не стоит тешить себя пустыми мечтаниями. Глобалистское государство будет играть за другую команду. Поэтому противостоять натиску безумия придется нам самим. Хотя почему «самим»? Разве «живый в помощи Вышнего» может сказать, что он один?

КОРЖ

РАССКАЗ

1

Вот интересно: как ехал Пушкин в Оренбург? К стыду своему, до сих пор не знаю. Через Уфу или через Самару? Рациональнее, конечно, через Самару. Зато через Уфу живописнее.

Но как бы он ни ехал, всё равно должен был перед городом миновать вот этот поворот или, как у нас некоторые говорят, «свёрток». Место, где от шоссе ответвляется узенькая дорога и, изгибаясь пару раз, уходит за жёлто-бурые холмы. Конечно, асфальта здесь тогда не было. Его, по правде сказать, и сейчас нет. Но видно, что люди дорогой пользуются: то клочок соломы валяется, то какая-нибудь железка от трактора, то — с полметра глубиной — колея от мощной техники, которую черти понесли в распутицу съехать на рыхлую обочину.

По этой-то дороге и проехали сто лет назад герои рассказа.

— Только они проехали ещё дальше, просёлком, во-он за те горы!

Кузьма Евграфович, краевед, сидел на переднем сиденье вполоборота, поглядывая то на меня, то на водителя Костю, то куда-то вдаль.

ПРОЗА

— «Железку» на восток строили позже, уже в Мировую войну, пленные. А они тут пересели на подводы и двинули малой скоростью. Хотели дальше, в Зауралье или даже в Сибирь, но у Силы жена собралась тут рожать, да в родах и померла.

— Силы?

— Сила Коржавин или, как его звали, Корж. Он у них был вроде как за старшего.

— Коржик, — вставил весело Костя.

— Не знаю уж, — повысил голос Кузьма Евграфович, — было ли у них такое слово, «коржик», а только Силу и всех его потомков Коржами звали. И посейчас зовут.

И, выдержав приличествующую паузу, продолжал:

— Схоронил он жену и сказал своим землякам: «Всё, братья. Дальше не иду. Вы как хотите, а я здесь буду хутор ладить». Ну, братья потоптались-потоптались, а желающего дальше их вести-то и не нашлось. И говорят: что ж, Сила, раз такое дело, то давай тут и оседем. Землю нам и тут, наверное, нарежут. Речушка, вон, бежит какая-никакая. Прокормимся!

— Ну, ты, Евграфыч, так рассказываешь, как будто сам им коней запрягал! — снова высунулся Костя.

— Ты, вон, на дорогу лучше смотри, — урезонил молодого Кузьма Евграфович. Но тем не менее посчитал необходимым пояснить.

— Все самые первые шаги с девятьсот шестого и по шестнадцатый год аккуратно описаны моим тёзкой Кузьмой Шестопаловым, который, будучи грамотным, служил ротным писарем, попал на Японскую войну, по контузии демобилизован и, вернувшись на родину, в Смоленскую губернию, напросился в очередную партию переселенцев.

— А почему по шестнадцатый? — поинтересовался я.

— А в шестнадцатом Кузьма, как сказано в полицейском протоколе, «погиб от нутряной болезни». И летопись кончилась. Остались лишь метрики, справки да кое-какие церковные записи. И назвали, значит, деревню Покровкой, в честь Покрова Святого. Некоторые говорят, что их родная смоленская деревня тоже так называлась. Не знаю, я не проверял. Зимовал Сила Корж в одиночку (ребёночек-то тоже не выжил, так вслед за мамкой и помер). А на следующий год сосватал местную, бёрдинскую казачку Анну. С неё род и пошёл.

— О! — крикнул Костя. — Гляди, гляди!

На пригорке стоял столбиком и таращился на нас темноглазый сурок.

— Вот ты, Костян, сколько их видел? — оправившись от неожиданности, забырдел Кузьма Евграфович. — Миллион, наверное. А всё удивляешься как мальчишка.

«Пусть удивляется», — подумал я. Сейчас столько людей, которых ничем не удивишь...

На горизонте показалась золотистая полоска спеющей пшеницы.

— «Кубанка», — прокомментировал Кузьма Евграфович. — Опять Корж. Вот что характерно: десять посадят, у тех плешины да осот, а у него — золото. Колосок к колоску!

— Конечно, «колосо-ок!» — протянул Костя. — У всех бы был отец председатель колхоза...

— Ну, чего бормочешь! — перебил его Кузьма Евграфович. — Чего бормочешь? Такая же земля, как и у всех. Да и вообще, грех тебе: когда паи нарезали, Петра Лукьяновича уж и в живых-то не было.

И, обернувшись ко мне, пояснил:

— Директива эта дурацкая: «Колхозы разогнать!» Приехал Лукьяныч из района, хватил стакан водки, спать лёг. А утром так и не добудились.

— А «Создать колхозы!» — директива была не дурацкая? — подковырнул рассказчика я.

— И «создать» была дурацкая. Как тогда, так и сейчас надо было не чесать всё под одну гребёнку, а смотреть, где что лучше и эффективнее. Здесь вот, например, такой колхоз был! Ну, до мировых высот, может быть, и не дотягивал. Но по российским меркам вполне был хорош. Продукцию давал качественную, экологически чистую. Долгов... Не поверите: долгов не имел! Колхозники реальные деньги получали. И пить... Не то чтобы не пили, но время и меру знали. «Чёрных» алкашей Лукьяныч часть повыгонял, часть закодировал. За колхозный счёт. Ну, часть, конечно, поумирили: что делать. Но атмосферу он создал самую нормальную. Рабочую, как полагается. И тут — на, всё под корень! Вот сердечко-то и не выдержало. А я такие колхозы не только не разгонял бы, а наоборот, поддержал. Конечно, не как при коммунистах, а в разумных пределах. Пока ещё фермерство поднимется! А тут — готовое, отлаженное производство. В фермеры ещё не каждый пойдёт, а кто пойдёт — не каждый так сможет, как Валерий Петрович. Вон, красота какая — залобуешься! Пшеничка — аж ночью светится. Твёрдые сорта, валютный товар.

— Но всё-таки, Евграфыч, — начал Костя уже в примирительном тоне. — Та сторона, что Валерию досталась, всегда считалась лучшей.

— Да кем больно считалась! — возразил Евграфыч. — Вся полоса от Савкина Ключа и до самых торфоразработок такая же самая, что и понизу: те же камни встречаются, глина просвечивает и прочие «прелести». Ничего там нет особенно, кроме Коржа самого. Вот он — так правда особенный.

— Ну, не скажи, — упорствовал Костя. — всегда все на эту сторону завидовали.

— Да нашим лишь бы завидовать! — отмахнулся собеседник. — Взял бы Корж нижнюю — завидовали бы на неё. Вот ты, например, чего на верхней пай не взял? Думаешь, не дали бы?

— А мне всё равно было, где брать: я её обрабатывать не собирался. И как получил, так сразу же и продал.

— Вот видишь! Не собирался. А рассуждаешь.

— Кто на что учился, — ухмыльнулся Костя.

— А что это ещё за торфоразработки? — удалось, наконец, мне вставить заинтересовавший меня вопрос. — Сроду не слышал, чтобы в наших местах когда-нибудь торф находили.

— Ха!

Костя поглядел на меня через зеркало, как на некую достопримечательность.

— На что сейчас учатся? — негромко произнёс Кузьма Евграфович, словно продолжая вслух свои мысли, помешавшие ему услышать мой вопрос. — В основном на экономистов да на юристов. Прокурорами да бухгалтерами скоро дороги мостить будем. А вот инженеров, как в старину, снова станем из-за границы выписывать.

— А он у вас инженер, этот Корж-то младший?

— Агроном.

— Вот-вот! — иронично вставил Костя.

— Что «вот-вот»?

— А то, что агроном, да председателев сын. Всё у него в руках: и семена, и удобрения, и техника, и лаборатория. А простой смертный возьми — палки не найдёшь. За всё денежку заплати. Пока заплатишь — без штанов останешься. Какое уж тут производство!

— А такое! — сердито возразил Кузьма Евграфович. — Вон, смотри, кругом тоже агрономы. Тот же Пивоваров из «Рассвета», или сосед его Левицкий. Где они сейчас? Пивоваров, стыдно сказать, ездит по деревням, барахлом торгует. Автолавкой, вишь, заделался. А того, Левицкого, вообще не слышать. Говорят, его племянница где-то в Пензе в охрану пристроила.

— В Рязани.

— Может, и в Рязани. Пёс с ним. Ни из самих толку не вышло, ни крестьян путных в этих хозяйствах не выросло. Вон, телепаются там по полтора старикана, ждут, когда Господь их к Себе призвёт.

— А у нас не телепаются!

— И у нас телепаются. Но Корж им то зерна подкинет, то муки, то картошечки. То цыплят поможет приобрести, то арбузами побалуует. И в транспорте никогда не откажет, если надо в район или даже в область съездить. И Верке, Мохнорыловской бабе, из своего кармана приплачивает, чтоб она за ними доглядывала. Она ведь медичка.

— Какого Мохнорылова? Славки, что ли?

— Известно, Славки.

— Да он же в город перебраться хотел!

— Слушай его больше: в город. Он механизатором у Коржа, да три коровы держит, ребяташек-помощников настрогал, сам, того гляди, фермером станет. На кой ему твой город!

— Во как! А кто там ещё у вас?

— Те же, что и у вас, — передразнил Кузьма Евграфович. — Много кого. Стёпка Сурой, например.

— Что?!

Костя чуть не затормозил от неожиданности.

— А этот-то бандюган откуда взялся?

— Бандюган на зоне остался. А Стёпка к Коржу пришёл. Всё, говорит, насиделся я досыта. Дай, мол, какую-нибудь работу.

— И тот прямо-таки дал!

— Представь себе. Сейчас за свиньями ходит. Прошлой осенью на почтарке женился, уже на сносях. Не он — она, конечно. А он в свободное время в кузне торчит. Ножи делает — залюбуешься! Это, стало быть, там научился. Наших всех обеспечил, теперь в город ездит, куда-то там сдаёт.

За пригорком поле подошло к самому краю дороги. Пронизанные солнцем рельефные колосья слегка колебались под ветром, отчего казалось, что по полю пробегают золотистые змейки.

— В наших местах, — продолжил Евграфыч, — шестнадцать центнеров с гектара всю жизнь считалось урожаем хорошим. Даже песня была такая, «Стопудовый урожай». А он, Корж-то, всё уняться не мог. В Москву летал, с академиками встречался. Они его там поднатаскали. Добавки какие-то оттуда стал получать. И так их рассыпали понемногу, и с торфом стали потом мешать.

— Откуда здесь торф-то взялся?

Во мне опять поднялась волна любознательности.

— Так можете себе представить: стали собирать по тридцати и больше. По тридцать и больше!

Кузьма Евграфович взметнул вверх крючковатый перст с такою силой, что чуть не продырявил винилисткожаную обшивку.

— А эти... — он неопределённо повёл рукой, — в лучшие-то годы больше двенадцати не намолачивали.

— Вот вы говорите, по тридцать, — вмешался я.

— И даже больше! — запальчиво произнёс он, снова подвергая опасности обшивку салона.

— Это раньше собирали?

— Да. При колхозах. Не на всех полях, конечно.

— А сейчас?

— У Коржа и сейчас не меньше собирают.

— А тогда зачем же было, как вы говорите, сохранять колхозы? Значит, правильно их разогнали. Продукция та же, а народу вокруг неё значительно меньше.

— Э, не-ет!

Он погрозил мне пальцем с видом заказчика, которого хотят надуть.

— Во-первых, когда разогнали колхоз, многие уехали. Если б не это, они б ра-ботали да работали. И тут польза бы была, и там, в городах, больше рабочих мест. Во-вторых, прежде чем уехать, они тут всё до палки порастащили. Строения поразобрали, технику разорили, скот порезали. Всё, что хоть как-то можно было продать или присвоить, — упёрли. Ой, посмотрели бы вы, что тут было! Как Мамай прошёл. Фермеру нашему пришлось с нуля всё начинать. Даже хуже, чем с нуля! Когда с нуля, то всё чисто бывает, а тут ещё для начала завалы разбирать пришлось. И люди эти, механизаторы и прочие, думаете, сразу к нему пришли? Как бы не так! Они ещё года два присматривались. Как, мол, дело пойдёт, не разорится ли Валерий, не грохнут ли его бандиты, да не задушат ли налогами. А то ещё возьмут, да всё добро назад заберут и всех по лагерям распихают, как бывало. Власть-то наша — известно какая. Один Бог ведает, что ей завтра в башку взбредёт. Вот и крутился он два года один — и за комбайнера, и за счетовода, и за плотника со слесарем. А если б сохранили колхоз. Не насильно, конечно. Хоть раз в жизни дали бы сделать что-то добровольно. А то ведь создавали эти колхозы силком: хочешь не хочешь — вступай. И разогнали тоже силком. Никого не спросили, как он хотел бы жить и рабо-

тать. Нет бы сделать по-человечески: определить паи, да и дать людям самим решать, кто в фермеры пойдёт, кто в город, а кто в коллективе останется.

— С паями — это уже не колхоз. Это кооператив.

— Хоть горшком назови! Пусть кооператив. Главное остаётся: вместе. Не каждый хочет, да и не каждый сумеет в одиночку. Дали бы поначалу налоговые льготы, долгосрочные кредиты отпустили. Равные условия бы сделали — и тогда пусть бы с фермерами конкурировали: кто кого. Вот тогда — в хороших, конечно, хозяйствах — и разгрома бы не было, и народ бы был при деле. И у нас не один бы Корж был, а два — отец и сын.

— А отец был тоже агроном?

— С отцом, Петром Лукьяновичем, — отдельная история. Он был военный лётчик.

— Вот как?

— Да. Военный лётчик. Служил где-то на Дальнем Востоке. В шестьдесят третьем приехал сюда в отпуск, к дедам: ещё старые Корж с Коржихой живы были. А у нас — засуха. Ой, ребятки, такую засуху вы, дай Бог, никогда не увидите. Всё как есть черно! Какой там хлеб — трава, и та не выросла, скотину негде пасти. Падёж начался. Савкин Ключ пересох!

— Савкин Ключ! — присвистнул Костя.

— Именно что. Ну, не совсем пересох, положим. Но ведро зачерпнёшь, а пока другое наберётся, можно сигарку свернуть и выкурить эдак со вкусом. Да только курить-то тоже нечего было. Махорку в городе ложками продавали! Вот так было. И в колодцах у людей — то же самое. С мутью, с тиной черпали. И вот приехал он в отпуск. Смотрит на всё это. Сердце болит, а чем людям помочь, — не знает. А тут новая беда: председатель наш тогдашний, Горюнов, — возьми да и повесься. С основания колхоза был председателем! До сих пор вся деревня голову ломает, отчего это он так распорядился: то ли из-за этой самой засухи, то ли по какой другой причине. Он с сорок седьмого бобылём жил: жену свою Настю как схоронил, так и жил потом один. Она, вишь, сына единственного с войны не дождалась, с того и сгорела. Да. Ну, вот, значит. Повесился председатель, хоронить надо. А у всех от этой засухи да жары мозги набекрень. Ходят как призраки какие. Которые чего-то ещё раньше соображали, — и те уже полудурками. А кто и был эдак туговат, — тот вообще разум потерял. Смотрит на тебя, чувствуешь, что хочет понять, чего ты ему толкуешь, а ничего не получается. Посмотрел-посмотрел Лукьяныч на это дело, да и давай сам хлопотать. Схоронили ничего себе, по-человечески. Поминки, какие сумели,

собрали. Вот во время поминок он и говорит: «А кто же у вас теперь председателем-то будет?» Мужики молчат, кашу лопают. Время терять не хотят: по тому году мало кто дома мог так пожрать, как на тех поминках. Только у выхода уже один, Илья Нихаёв, буркнул, себе будто под нос: «Пришлют кого-нибудь с района. Свято место пусто не бывает». А дальше — как в том кино. Поехал Лукьяныч в райком и заявил там: «Хочу быть председателем колхоза в Покровке». Там подивились-подивились — да и привезли его к нам на голосование.

— Ну, понятно, — сказал я. — Хрущёвское сокращение армии, авиации и флота.

— Ничего подобного, — возразил Кузьма Евграфович. — Сокращение практически закончилось к шестидесятому году. И его никто сокращать не собирался. Он был хороший офицер и очень хороший лётчик.

Последнее утверждение породило некоторые сомнения.

— Через несколько месяцев, — продолжил рассказчик, словно отвечая на мои сомнения, — из Дальневосточного военного округа в наш райвоенкомат пришли на него наградные документы на орден Красной Звезды. Райком настоял, чтобы вручали награду у нас, так что не удалось ему от сельчан утаиться.

Я молчал, посрамлённый.

— Первым делом, став председателем, поехал он за помощью. Сначала проехал по округе, побывал у местных мастериц и за свои деньги купил у них несколько пуховых платков. И с дарами покатил в Москву. А там и дальше. И знаете, откуда к нам пришёл первый полувагон тюкованного сена? От земляков. Из Смоленской области. И колхоз вырубил, и пуховязальщицам сбыв наладил. До сих пор оренбургские пуховницы часть своих платков смолянам продают! Сейчас это бизнесом называется, ребятки таких шустрых всем в пример приводят. А тогда... Тогда прокуратура так вцепилась в это дело — чуть нашего Коржа не посадили. Шутка сказать: предпринимательство! Это тогда на втором месте после измены Родине было. А может быть, даже и на первом. Только на том и удалось выкрутиться, что засуха была — стихийное бедствие. Ну, конечно, учли и то, что не для себя старался. Эх, если бы колхозам тогда такие права, какие сегодня есть у фермеров!.. Ну, да что о том говорить. Вот, собственно, и всё. Потом от государства семена получили, то да сё. Потихоньку всё и наладилось. Даже — не поверите! — молодёжь стала оставаться. Не в массовом, конечно, порядке. Да в массовом ведь оно и не нужно.

— Интересные всё-таки люди, эти самые ваши Коржи, — сказал я. — Надо же: с земли да в небеса, а с небес — опять на землю. Только уважение к вам заставляет меня этому поверить. Вот истинный крест! Дорого бы я дал, чтобы узнать, что потянуло того же Петра Лукьяновича в лётчики...

— Это как раз нетрудно, — неожиданно для меня, не задумываясь, возразил Евграфыч. — Скорее всего, он юношей решил пойти по стопам отца.

— Отца?! Так у него и отец был лётчик?

— Э! Да ещё какой. Лукьян Силыч Коржавин, лётчик-истребитель, повторивший подвиг Алексея Маресьева.

— Иди ты! — вырвалось у меня совершенно некстати. Но рассказчик, с присущим ему тактом не заметивший этого восклицания, продолжал:

— Далеко не на каждого Маресьева у нас, к сожалению, находится свой Борис Полевой. А судьбы — почти один к одному. Судите сами. Лётчик сбит над вражеской территорией. Ноги перебиты. Долго ползёт. Попадает к партизанам. Те отправляют его на Большую землю. Госпиталь. Ампутация. Отчаяние. Огромное желание вернуться в строй. Не знаю, был ли у него в госпитале, как у Маресьева, политрук. Но он пишет письмо Сталину, который даёт резолюцию: «Аттестовать». Никто не хочет брать на себя ответственность. Но сталинская резолюция! Все в штаны и наложили. Аттестационное испытание Лукьян выдерживает блестяще. Получает очередное воинское звание. Снова воюет как лётчик-истребитель. И до самого конца его уже ни один фашист ни разу не сбил! Так и остался наш Корж непобеждённым.

— А где он сейчас?

— А там, под Берлином, есть такая маленькая могилка на четверых. Немцы молодцы: они за нашими могилами ухаживают.

И, поглядев на меня, добавил:

— Ехали куда-то на «Виллисе». Захотели срезать, свернули с трассы — да и наскочили на мину. Все наповал.

— Так он у вас Герой Советского Союза?

Кузьма Евграфович зашёлся в приступе старческого кашля.

— Не каждая...

Он подавил кашель усилием воли и закончил:

— Не каждая звезда доходит до своего героя.

2

— Что? Коржавина в кулаки? Да знаешь ли ты, товарищ Сукоч, что он основатель этого села! Он тут всем как отец, всё с него началось.

— Товарищ Горюнов!

Сукоч резко повернулся на каблуках так, что деревянная кобура маузера с размаху треснулась об угол стола.

— Село это основали трудовые крестьяне Смоленской губернии, замордованные вековым гнётом крепостного права и гонимые проклятым царским режимом. Но среди них, благодаря провокационной политике царского прихвостня Столыпина, выделились мироеды-эксплуататоры. И наша партия приказывает нам лишить их имущества, нажитого жестокой эксплуатацией, раздать его бедноте, а самих на подводах под охраной доставить на станцию, где погрузить в спецэшелон для переселения в бескрайние территории Севера, где они не смогут чинить препятствий колхозному строительству.

«Ишь, как чешет, — подумал Горюнов. — Как по писаному. Мне бы так научиться!»

А вслух сказал:

— Это Коржавин-то будет чинить... эти вот... колхозному? Да не видел ты, как эту Покровку строили. Всем миром глину месили! А он — везде тут как тут, всякому готов плечо подставить. Да его первым надо в колхоз! Он всех работать научит и дело наладит.

— Что?!

На скулах Сукоча заиграли злые желваки.

— Ну, договорился, товарищ Горюнов. А его ещё некоторые в председатели рекомендуют. Кулака в колхоз! Это ж надо! Завтра же доложу обо всём в укомпарт. Пусть там разберутся!

— Можешь докладывать хоть в уком, хоть в губком, хоть в ГПУ. А Коржа я не позволю на Север. Да знаешь ли ты, что он в Красной Армии служил? Что он с Туркестанской армией Оренбург от белых освобождал?

— По мобилизации! — Сукоч трахнул кулаком по столу. — Служил по мобилизации! Если бы белые со своей мобилизацией раньше нас успели, ещё неизвестно, за кого бы он воевал.

— Да у него два старших сына в Красной Армии — Иван и Кузьма.

— Знаем. Уже депеши командованию направлены. Пусть решает — место им там или нет.

— Ох, вы какие быстрые! Прямо всё успели. Даже и депеши.

Горюнов покрутил головой.

— Ну, дорогой, как хочешь, а я завтра еду в город. Прямо к главному начальству. Прости, но в таком деле ты мне не указ.

Губерния решила: Коржавину Силе Ивановичу 1883 года рождения, по совокупности признаков причисленному к под-

лежащему ликвидации классу кулачества, учитывая его участие в Гражданской войне на стороне Красной Армии, а также если он даст обещание не чинить препятствий проведению коллективизации, не окажет явного или тайного сопротивления конфискации излишков движимого и недвижимого имущества и добровольно выдаст имеющиеся припасы для нужд коллективного хозяйства, разрешить иметь постоянное место жительства в селе Покровка, для чего подыскать ему с супругой Анной и несовершеннолетним сыном Лукьяном избу с постройками из фонда, подлежащего ремонту, и предоставить земельный надел по количеству едоков без нарушения целостности колхозного (артельного) клина.

— Стало быть, земля твоя теперь будет на Крайнах, у Савкина Ключа, — пояснял Горюнов, пряча глаза. — Земелька, конечно, не очень. Но в серёдке, вишь, нельзя, а с другого края, сам знаешь, она и того хуже.

Корж сидел, глядя в какую-то точку и, казалось, вовсе не слушал, что говорил ему председатель.

— Избу на жительство даём тебе от осенью преставившейся тётки Марфы. Изба, правда, под соломой и не так, чтобы больно просторная, зато почти что исправная. Кое-что подколотишь, баба кое-где подмажет — и живи на здоровье.

Горюнов спустился с крыльца красный как рак. Следом тяжёлой походкой сходил Корж. Ступени жалобно попискивали под его сапогами.

Сукоч зачитывал опись.

— Быки упряжные, 2 головы.

Корж молча указал бородой на ворота хлева. Добровольцы весело раскидали створки, вывели на свет двух шоколадного цвета крепышей и стали запрягать их в повозку. Сзади к повозке привязали корову и годовалого телка. Погрузили плуги, бороны, ещё чего покрупнее, а на оставшееся место навалили мешки с семенным зерном. Отдельно выгнали овец и коз, и процессия медленно тронулась по направлению к стойлу — площадке, огороженной пряслами, где было решено временно накапливать кулацкое добро.

Затем вывели лошадь и тоже запрягли в большие дроги. К дрогам хотели привязать плоского, как велосипед, жеребёнка, но кто-то из толпы сказал, что этого делать не надо, потому что он и так пойдёт за матерью, и жеребёнка оставили на вольном положении.

Пришла пора личного имущества.

— Кожух овечий мужской, 3 штуки, — зачитывал Сукоч. «Три кожуха!» — зашелестело по толпе.

Корж поглядел на сына. Тот кивнул и, нырнув в сени, вынес оттуда чёрные с рыжим овчины.

— Кожух овечий женский белый, 1 штука.

Куча добра увеличивалась. Девки и молодые бабы не могли удержаться, чтобы не приложить к себе платья и кофточки Анны или хотя бы на минутку не набросить на себя её цветастые платки.

— Ружьё охотничье двуствольное тульского производства, 2 штуки.

Лукьян медленно сошёл с крыльца, неся в каждой руке по двустволке. Оглядываясь на отца, он нерешительно подошёл к упряжке и положил одно ружьё на кучу одежды.

— Ложи, ложи смелее! — противным тенорком крикнул ему Сукоч.

Лукьян прижал ружьё к груди. Он пристально посмотрел на отца и с жалобной, какой-то детской ноткой в голосе прокричал:

— Батя! Как же так? Это же моё... Ты же мне его на шестнадцать лет...

Сила смотрел перед собой пустыми глазами. Вся его плотная фигура была неподвижна, словно каменная баба.

Сукоч подошёл к Лукьяну и схватился за цевьё.

— Ложи, куркулёк, не задерживай!

И тут Лукьян с силой оттолкнул его и, размахнувшись, ударил прикладом в лоб. Сукоч, охнув, осел, а Лукьян, размахнувшись ружьём как дубиной, уже готов был нанести последний удар, но подскочившая Анна повисла на парне, истошно крича:

— Сынок! Сынок!

От звука её голоса оцепеневшая было толпа пришла в движение. Часть её повисла на руках Лукьяна, другая же часть держала Сукоча, пытавшегося достать из кобуры маузер. Приклад прошёл вскользь, лишь содравши кожу. Из ранок сползали мелкие алые капли, а под соответствующим глазом уже назревал порядочный синяк.

Осознавши, наконец, своё ответственное положение, Сукоч стряхнул с рук державших его мужиков, оправил тужурку и, уже не пытаясь воспользоваться своим революционным оружием, сказал, стараясь придать голосу начальственную внушительность:

— Взять контру. Связать. Доставить в ГПУ.

Горюнов рукой отстранил онемевшую Анну, отыскал глазами двух добровольцев покрепче.

— Отведите его ко мне на двор. Заприте на погребке. Пусть пока посидит!

Сукоч хватил хорошую стопку первача, закусил ломтиком сала и продолжал, уже несколько запинаясь:

— А я говорю: на Север. К белым медведям! И полная конфискация. Напасть с оружием в руках на уполномоченного губкома ВКП(б)! Ты соображаешь, чем это пахнет?

«Надо же, как повернул, — подумал Горюнов. — С оружием в руках! И попробуй сказать, что неправда. Всё до единого слова — правда. А однако ж всё совсем не так».

Озадаченный этой мыслью, он налил ещё полстакана, но ясности по-прежнему не прибавлялось.

Он тронул за плечо засыпающего от пережитых тревожных Сукоча.

— Послушай.

Сукоч приоткрыл свободный от нависающего синяка глаз.

— Кого ты хочешь на Север? Силу на Север? Разве он тебя ударял? Тебя мальчишка ударял. Сопляк несмышлёный. Ты что ж, за его, неразумного, всю семью хочешь судить?

— Все-е-ех на С-север! — злоещим шёпотом прошипел Сукоч, взял со стола гранёный стаканчик и внимательно посмотрел внутрь. Горюнов налил до краёв, и тот, расплёскивая, отправил его по назначению.

— Ну, пошли спать.

Горюнов отвёл затяжелевшего гостя в дом, уложил на бывшую тёщину кровать, стащил с него сапоги и накрыл цветастым одеялом. Тот мгновенно забулькал, как закипающий чайник. Горюнов прислушался. Настя с сыном тихонько посапывали на печке так, что уловить это мог только он своим привычным ухом. Тёплая волна охватила его от пяток до макушки. Он улыбнулся этому мирному посапыванию и разным картинкам из их общей жизни, пробежавшим перед ним в это мгновение, и вернулся за стол. Свернув сигарку, он медленно затянулся забористым дымом, поправил фитиль коптившей лампы и, достав из выдвижного ящика листок бумаги и огрызок карандаша, принялся писать.

«Дарагой милай мой друг и приятиль уважаемой Николай Филиповыч! С большим приветом к тебе однополчанин Сенька Горюнов по 2му пролетарскому полку помнишь как мы с тобой в карауле картохи пекли. Дарагой друг товарищ как ты там думаю харашо. Ты как ушел служить в лётную школу так в каждой газетке тебя смотрю может пропечатывают. Я тоже харашо назначили вот председателем колхозу типерь значить скоро сеять будем. Милай мой товарищ ради нашый дружбы прашу прими этаго мальчишку в свою школу хоть ни лётчиком а хочишь кем. Хлопиц

хороший мамка казачка отец краснармеиц он у тебе хоть за каку службу справица. Звать Лукоян. Прими Христа ради очинь тебе прашу. Шлю тебе с им табаку сам выростил. Остаюсь с камунистическим приветом твой вечно друг Сенька. Села Покровки году 29го.»

Сложив листок вчетверо, он прошёл в летнюю кухню. Взял душистый каравай, отрезал половину, уложил в сидор. Туда же вложил несколько луковиц. Помедлив, отрезал хороший шмат сала, завернул его в тряпицу.. Снял с потолка мешочек крепкого самосадного табаку. Поднёс его к лицу, вдохнул терпкий дух. Натуго затянул лямки сидора и, пригнувшись, вышел во двор. Освобождённый на ночь от цепи Полкан подбежал к нему и положил лапы на грудь. Хозяин потрепал его большую тёплую голову, слегка оттолкнул от себя и вышел со двора.

Ночь была звёздная, но безлунная. Тишина приятно щекотала уши. В лёгких потоках воздуха носились запахи оттаивающей земли. Горюнов обогнул снаружи своё подворье, остановился у внешней стены маленького сарайчика, устроенного над лазом в погреб. Крохотный проём, оставленный для вентиляции, был ещё с зимы заткнут тряпкой. Он вытащил тряпку и почувствовал, как изнутри дохнуло теплом.

— Эй! — негромко позвал он.

Ответа не последовало.

«Заснул, — подумал Горюнов. — Эх, молодо-зелено!»

Он просунул руку в отверстие, ухватился изнутри за его край и с силой рванул к себе. Кусок саманной стены выломился и вылетел с такой силой, что мужчина чуть не потерял равновесие.

— Кто тут?

В расширившемся проёме показалось белым пятном лицо Лукьяна.

— Тс-с! — шепнул Горюнов. — Помогай!

Следующий кусок они выломали уже вдвоём. А через пару минут Лукьян без особого труда выбрался наружу.

— Спасибо, дядя Семён!

Он сделал попытку пойти.

— погоди, «спасибо»! — схватил его за рукав Горюнов. — Ты что, домой, что ли, собрался?

— А куды ж!

— «Куды ж»! Тогда уж лучше здесь сиди. Завтра тебя в тарантас и в город, в ГПУ. А там на Колыму. Слыхал про такую?

— На Колыму-у? — с тоской протянул Лукьян.

— А ты думал, на курорт? Натворил делов. Нападение на уполномоченного губкома ВКП(б) с оружием в руках! Ещё ладно, если не расстреляют.

И, увидев испуганное мальчишеское лицо, сказал ободрительно, насколько мог.

— Ладно, не дрейфь. В бега тебе надо. Смоешься подальше — глядишь, всё помаленьку и утрясётся. Вот, возьми.

Он протянул ему сидор.

— Прямой дорогой не ходи. Иди во-от той стороной, выйдешь на Илецкий тракт. Трактом пойдёшь, обязательно соляной обоз тебя нагонит. С этим обозом доберёшься в Оренбург. Иди прямо на станцию. И там просись в какую-нибудь теплушку до Москвы. А нужно тебе в Зарайск, есть под Москвой такое местечко. Найдёшь лётную школу. Городок небольшой, люди подскажут. И там есть друг мой дорогой Истратов Николай Филиппович. Ему поклон и вот это отдашь. Он-то тебе жизнь и наладит.

Он вытащил письмо.

— Спрячь лучше, не дай Бог потерять. И ещё табачок передай, в сидоре найдёшь. А домой ни-ни! Слышишь? Даже не мечтай. Я сам отцу расскажу, что с тобой и как. Запомнил?

— Запомнил, — дрогнувшим голосом ответил Лукьян.

— Ну, вот и хорошо. Иди, сынок.

Он прижал Лукьяна к себе и с удивлением обнаружил, что пшеничная шелелюра юноши пахнет точно так же, как и стриженная головка его шестилетнего сына.

— Убежал?! Это как же он из-под замка убежал?

Не тронутый прикладом глаз Сукоча испускал вспышки и всполохи.

— Как-как! У меня тут тюрьмы нет. Ни бетона, ни кирпича жжёного. Саман! Двинул как следует плечом — кусок стены-то и вывалился.

— Ой-ой-ой! — недоверчиво покрутил головой Сукоч. — Прямо-таки вывалился. Наверняка помог кто-нибудь.

Он пристально взгляделся в безукоризненно честные глаза Горюнова.

— Уж не ты ли?

— Ну, коне-ечно! — обиделся тот. — Я своими вот этими вот... трудовыми... разломал свой собственный сарай, чтобы выпустить какого-то паршивого поганца. Ты хоть думай, что говоришь!

— Дома у него были? — не обращая внимания на обиду, продолжал дознание Сукоч.

— Ну да, дурак он тебе — домой бежать. Он уже не знает какие вёрсты мотает.

— Надо срочно организовать погоню.

— Ну, какая погоня, какая погоня! Пока ты до города доберёшься. Пока там разберутся, что к чему. Пока найдут людей. Пока их сюда доставят. Знаешь, сколько воды утечёт? А потом: кто знает, куда он подался? Куда за ним гнаться? На все четыре стороны? И сколько людей для этого потребуется? И дадут ли столько? Дело-то, между нами, совсем пустяковое. Никто к тебе классовой ненависти не проявлял. Ударил мальчишка сдуру — так ему игрушку жалко стало. И что ж, его расстрелять за это? Там, в гепеу, небось, поважнее дела есть, чем за сопляками деревенскими гоняться. Давай, вон, лучше ещё подлечимся, да горяченьким чем закусим. Настя! Настя!! Где твой петух обещанный, трында-марында? Вмиг тащи сюда, мужики жрать хочут! И, главное, ты вот чего сообрази, — уже под петуха продолжал Горюнов. — Что ты там скажешь? Что с семнадцатилетним пацаном не справишься? Обсмеют же тебя же первого! У вас же там не мужики — орлы! Атамана Дутова за хвост ловили! Ну, как они на тебя после этого посмотрят?

— А это? — уже без всякого энтузиазма хмуро произнёс Сукоч, бережно прикасаясь к вошедшему в полный сок синяку.

— А это... — хитро усмехнулся Горюнов, наполняя стаканчики. — Я бы так посоветовал. Скажи: хорошая, мол, баба попалась, да с мужиком ейным малость не поладили. Во-во, так и скажи. И будешь ты герой, и всяк к тебе будет с уважением. А я подтвержу, если что. Или даже...

Он аж просветлел, увлечённый внезапно пришедшей удачной мыслью.

— Или даже — хочешь? — я тебе к такой бабе сведу, что и врать не придётся. И будешь ты свой синяк носить как орден Красного Знамени.

— Это к какой такой бабе? — поинтересовалась вошедшая Настя, недвусмысленно поигрывая ухватом.

— Да я для примера говорю! — отмахнулся Горюнов. — Хоть, скажем, к бабке Потылихе. Она не только что синяки, а и зубы может заговаривать.

— Ну-ну, зубы-то ... — проворчала Настя, тем не менее запуская ухват в печку и используя его там по прямому назначению.

Обиженный жизнью Сукоч сидел, млея от гостеприимства и начиная понемногу соображать, что вообще-то в словах этого бойкого председателя что-то есть.

Крайний участок, доставшийся Коржу от колхозных щедрот, представлял собой настоящую целину. Редкие низенькие хвостики полены, между которыми просвечивала красноватая земля, просверлённая кое-где суслиными норками, отдельные «блины» такого же красного плитняка, неизвестно какими силами и в какие времена разбросанные по поверхности, да несколько узких тропинок, протоптанных коровами, много лет прогоняемыми здесь на дальние пастбища. Всё это богатство представляло склон пологого холма, на вершине которого виднелась сложенная из того же плитняка низенькая кладка Савкина Ключа.

Сила поднялся наверх. Мощный ключ, фонтанируя, выбивался из-под большого камня, заполнял огороженное когда-то плитняком пространство и, переливаясь через замшелую стенку, стекал по противоположному склону в ложину, на дне которой зеленели высокие луговые травы и щёткой торчали кустарники. «Как всё чудно устроено, — подумал Сила. — Ведь вон же низина, готовое ему русло, а он из-под земли пробился почему-то на самой шишке!» Продолжая удивляться необъяснимой причуде родника, он поглядел вокруг. Из-за дальних холмов показался краешек солнца. «Ох, и пекло тут будет в июле!» Сила вспомнил, как много раз проезжал летом этим местом, поднимался вверх и поил из ключа свою гнедую Мачеху, обалдевшую от слепней и жары. И, смахнув что-то мешающее с глаз, подумал: «Вот на том склоне — красота. Травка растёт, всё лето зелено. А тут!..» Что делать: южная сторона. Он посмотрел вдаль, на колхозную землю. Вот вроде бы один массив, а как всё по-разному! К началу колхозного клина местность выравнивалась, уклона там практически уже не было, и солнце пекло совсем не так жаростно, как здесь. Привычно отыскал он бывшие свои десятины — и тут же отвёл глаза, стараясь не давать волю ненужным мыслям.

По колхозному полю ползли, оставляя тёмные следы, плуги, запряжённые волами, лошадьми, да и коровами. Сила ревностно следил за тем, как прирастает коллективная пашня. «Медленно, медленно движетесь!» — мысленно подгонял он односельчан. Когда же они закончат! Когда освободят общественные плуги, чтобы мог, наконец, вспахать свою полосу единоличник Корж?

— Ты что, Сила Иванович! Не закончив пахать колхозное, дать плуг единоличнику? Да с меня голову снимут.

— Тебе же трактор обещали.

— Обещали, обещали. Да нет пока ни трактора, ни тракториста. А время, сам видишь, не ждёт!

— И вот как это раньше: плугов было столько же, а все всё успевали.

Горюнов посмотрел исподлобья и сказал, понизив голос:

— Ты это при Сукоче не скажи. А то он тебе пропишет «раньше».

Каждый день разминал он ком земли, вздыхая при виде того, как уходит влага. Ах, ты, язви тя! Ах, ты, южный склон. А может, и не так уже плохо, что ты южный?

Корж присел на краешек каменной кладки. Над колхозными плугами, словно нехотя, медленно летали грачи. За спиной журчала чистая, как слёзы, вода.

Он взял лопату и, ещё толком не представляя себе, что собирается сделать, — скорее, просто, чтобы дать разгон застоившимся мускулам, начал копать. Получившуюся канавку выложил плитняком, который они с Анной от нечего делать собрали по участку и снесли к меже. От канавки сделал маленькие ответвления так, чтобы расстояние между ними соответствовало расстоянию между бороздами. Теперь, если перекопать перемычку, отделяющую всю систему от Савкина Ключа, вода потихоньку пойдёт по главной канаве в ответвления, а оттуда на поле. Если воды окажется слишком много, то перемычку можно снова засыпать землёй и теми же камнями.

«И не нужно нам дождя», — подумал Сила, пригоршней зачерпывая воду, чтобы напиться.

— Я к тебе давно присматриваюсь. И вот что скажу: либерал ты. Мягкотелый. Врагов Советской власти жалеешь, покрываешь их.

— Тпру-у-у! — остановил повозку Горюнов. — Это как же так я их жалею! И каких это врагов? Уж сколько лет как война кончилась, а ты всё врагов каких-то видишь. Где они? Ну, где?

— Вот я о том и говорю, — назидательно прогнусил Сукоч. — Оно вот и видно, что нету в тебе классового чутья. «Какие враги»! Да те же самые.

— Коржа имеешь в виду! Какой же он враг. Чего ты на него взелся? Работает мужик — дай Бог каждому. И, между прочим, Советская власть его врагом не признала. И сыны его так и служат командирами в Красной Армии.

— погоди ещё, доберётся власть и до Коржа твоего, и до сынов-командиров. Всему своё время! А ты вот лучше скажи: кто ему такую землю поднёс? За какие такие заслуги?

— Это какую? — аж поперхнулся Горюнов.

— А такую, что урожай у него, как я слышал, втрое выше против колхозного!

— Да землю ему дали самую ху.. Худшую, — поправился Горюнов перед начальством. — А что он такой урожай на ней вырастил, так это уже его достижение.

— Значит, не самую «ху-худшую», — передразнил Сукоч. А что касается «достижения», то я тебе советую, очень советую спрятать его поглубже и в своём отчёте ни в коем случае не упоминать. Если, конечно, не хочешь, чтобы надавали тебе по заднице. А то и по шапке! А ещё было бы лучше, если б в отчёте твоём значилось, что единоличник Коржавин собрал урожай втрое *меньше* колхозного. Вот и будешь ты тогда молодец, и о хозяйстве твоём могут даже в Москву доложить как о ярком примере преимуществ колхозного строя. А я подтверждаю по старой дружбе, что, дескать, видел всё это собственными глазами. Но землю эту ты у него отбери! Не дай бог нам с тобой ещё новых единоличных «достижений». Ведь один-то раз проскочит, а постоянно врать — не получится. Обязательно найдутся добрые люди, доведут до сведения высокого начальства. И тогда уже нам с тобой несдобровать. Поэтому землю у него прямо срочно забери. Уяснил?

Горюнов тяжело вздохнул и пустил шагом бывшую силу Мачеху.

Углы хаты проросли мутными жёлтыми сосульками. Анна в валенках и старом зипуне, закутанная в коричневый шерстяной платок, ввалилась с улицы, держа в красных задубелых руках дохлую кошку. Попыталась содрать с неё шкуру, но сделать надрезы на мёрзлой тушке оказалось невозможным. Тогда она начала скоблить её, как рыбу. Шерсть веером разлеталась из-под ножа, а полоски на кошачьих боках становились от скоблёжки ярче, отчего тушка начинала всё больше походить на окуня.

Сила поискал валенки, не нашёл, плюнул и вышел так. Не чувствуя холода, он прошёл пустым ледяным хлевом на зады, туда, где возле баньки обычно виселись пирамиды его кизяка. Там было пусто. Всё правильно: травы не было, скот порезали от бескормицы. Стало быть, нет и навоза. Откуда же взяться кизяку! Хорошо, что ещё можно пока топить крышей. Взяв вилы, он поднялся на избу, где среди голых стропил ещё торчали тут и там клочья грязной, набитой пылью, соломы. Сбросил их вилами во двор. Подумал немного — и сбросил туда же две корявые стропилины. Упавши, они разломались на мелкие части, так что не было нужды распиливать их на поленья. «Это хорошо», — подумал Сила.

Внизу, на улице, чёрные от голода и грязи мужики рвали что-то похожее на человеческое тело. Рябой Фрол выпрямился, посмотрел в его сторону и поднял над головой два кукиша. «Дура ты, лошадь!» — подумал Сила. И в этот момент один из мужиков швырнул в него каким-то предметом. Он попытался остановить его вилами, резко подавшись вперёд. Предмет оказался кистью человеческой руки. От резкого движения и неожиданности увиденного Сила потерял равновесие, сорвался и полетел вниз...

— Ты чего? — громким шёпотом спросила Анна.

— Чего я?

— Кричишь.

— Ничего. Спи.

Он отвернулся и, закрыв глаза, проговорил про себя, как учили его когда-то в детстве: «Тьфу-тьфу-тьфу, куда ночь, туда и сон!» Он повторил это несколько раз, прислушиваясь к своим ощущениям. Многократно проверенные жизнью магические слова сейчас почему-то не приносили обычного, так хорошо знакомого полного облегчения. Где-то на дне оставалась смутная тревога, не дававшая до конца отряхнуться от мрачной картины приснившегося.

Поворочавшись ещё, он встал, босиком прошлёпал в сенцы. Задел воды из ведра и, отхлебнув несколько глотков, застыл с недопитым ковшиком в руке. Все годы, прожитые на этой, ставшей уже родной земле, выстроились перед ним в ряд. Удачные, неудачные, богатые и совсем никудышные. То дарившие тучным урожаем, то отнимавшие всё подчистую, вплоть до последней крохи надежды.

Кутая голые плечи в платок, вошла Анна. Отпив из его ковшика, она положила голову на мужино плечо.

— Давай уедем отсюда, Силушка.

Сквозь вмазанный в стену кусок стекла виднелась порция светлеющего неба.

— Нет, правда. Куда-нибудь подальше, в город. Да хоть в Москву!

При слове «Москва» оба подумали о Лукьяне.

Беззвучно вошла кошка по прозвищу Кошка. Обнюхав пустое блюдце, она проскользнула в чулан сквозь отверстие в двери, приготовленное специально для неё.

— Не дадут нам жизни. Или всё-таки сошлют, или тут заморят.

Место, где выделили полоску Коржу на этот раз, называлось Култыш и находилось на противоположном от Савкина Ключа краю деревенских угодий. Чтобы подчеркнуть

его удалённость от цивилизации, местные остряки даже сочинили частушку:

*Я в оглобли и дугу
Свою тётку запрягу
И проедусь не спеша
От Краян до Култыша.*

От косогора на Краянах он отличался главным образом тем, что, если из-за известных рисков распахать косогор до Силы не решались, то о возделывании Култыша за всю историю села никто даже и не думал. Находился он в низине, росла там какая-то, пёс её знает, колючка. И те сельяне, которым изредка случалось проезжать по ней, говорили, что земля там дрожит — того гляди, развернется, и черти повыскакивают. Другие, правда, опровергали это, говоря, что не замечали ничего подобного, но такие разногласия лишь усиливали подозрительное отношение жителей к данному месту с непонятным, невесть откуда взявшимся названием.

И сейчас, шагая ранним весенним утром по хорошо укатанному лоснящемуся просёлку, Сила вспоминал и эти истории, и эту частушку. Проходя мимо своих бывших, ещё «кулацких» десятин, он ревниво оглядел их, заметил несколько новых, невесть откуда взявшихся камней, плюнул и вспомнил ещё одну частушку, появившуюся совсем недавно — всего-то пару лет назад:

*Колхоз, колхоз,
Рваные дерюжки!
Собираются в колхоз
Одни побирушки.*

Слегка усмехнувшись в бороду, он начал смотреть вдаль, на холмы, вспоминая, как в двадцать первом из последних сил слонялись по ним, вылавливая ещё оставшихся сусликов. Зверьки, видно, почуяв беду, исчезали прямо на глазах. Вслед за птицами, которым, благодаря крыльям, сделать это было ещё легче. И, сжавшись от непреходящего обжигающего стыда, словно это было вчера, вспомнил, как он, здоровый и сильный мужик, своеавший войну, вместе с другими стоял на площади с холщовым мешком в очереди за «американкой» — необычным, похожим на пуговицы зерном, называемым чечевицей, — помощью от американского Красного Креста.

Он аж остановился, задыхаясь, и простоял так несколько минут. В голове закрутилось сразу всё — и сегодняшний сон,

и тот страшный год, и ещё другие, хоть и не столь жуткие, но пережить которые тоже было ох как нелегко. И чёрною тучей выползла мысль, что по всем наблюдениям и расчётам пора уже прийти и году новой беды. Он почувствовал, как внутри нарастает тревога. Но — странное дело! — по мере её нарастания уходило то чувство тягостной неизвестности, что пришло с сегодняшним сном и никак не хотело отпускать. Сейчас оно съёживалось и таяло, пока не исчезло совсем.

Придя на Култыш, он для начала попрыгал, прислушиваясь. И, так и не почувствовав толком, трясётся ли тут земля, прошёлся по ней, шурша сухой прошлогодней колючкой. Копнув в одном месте, отметил, что почва не столь тверда, как ей полагалось бы быть на целине. Да и цвет её был не совсем обычным: хоть и красно-коричневый, как и вокруг, но, казалось, немного потемнее, чем следовало бы. Поплевав на ладони, Сила вскопал небольшую площадку. Откидав землю, углубился ещё на штык. Опустившись на колени, вдохнул пряный, слегка кисловатый и отчего-то показавшийся очень давно, ещё с детства знакомым, запах. Взявшись за лопату, Сила копнул дальше и неожиданно для себя выворотил большой ком пористой и лёгкой почвы. Он взял его в руки, поднёс к лицу и, поднимая к небу, ещё не вполне доверяя случившемуся, но уже чувствуя, как против воли переполняет его огромная безотчётная, захватывающая дух благоговеющая радость, сказал в голос, — словно выдохнул:

— Аж сам торф!

КАК РАСТИЛИ АНТИРУССКИХ

Для украинской националистической историографии, начиная с ее формирования (кирилло-мефодиевцы, профессор В.Б. Антонович, профессор М.С. Грушевский и др.), характерна глубокая тенденциозность в освещении истории России. Особенно это ярко отражается на исторических сюжетах, общих как для южных (считающихся украинскими историками своими), так и для северных регионов Российской империи или СССР.

Незалежной историографии свойственна своеобразная система мифологизации исторического процесса. Украинские историки в своем тенденциозном искажении русской истории идут по пути объявления «украинским» всего, что существует в современных границах государства Украина и противопоставления «европеизма» Украины и «азиатскости» России.

Выдвигается целая концепция «Украины—Руси» как окраины Европы, сдерживавшей на протяжении всего своего существования восточный деспотизм, олицетворяемый кочевниками и их преемниками — русскими с их имперскими амбициями. Принадлежность

РУССКИЙ МИР

к западноевропейскому суперэтносу определяется для них эволюцией «Украины, смотрящей на Запад»: имеется в виду Галицко-Волынское княжество и переход в дальнейшем под власть Литвы, Польши и Австрии.

Украинская националистическая историография глубоко политизирована, ее основные постулаты обслуживают «украинскую национальную идею», которая, в свою очередь, как писал идеолог «украинского интегрального национализма» Дмитрий Донцов, построена «не на разуме, а на воле, на догме, на аксиоме, на бездоказательном порыве». Чтобы понять это своеобразие украинской националистической историографии, необходимо понимать эволюцию исторического развития южнорусских земель.

Украинские историки позиционируют отделение украинцев от других восточных славян: одни — в домонгольскую эпоху, другие — как результат установления монголо-татарского ига. Само монгольское нашествие действительно раскололо надвое древнерусскую цивилизацию, но раскол этот не был полным и необратимым. Скрепам русского единства оставались православная вера и княжеский род Рюриковичей, который продолжал править и на Севере, и на Юге. На Севере древнерусские княжества XIII—XIV вв. боролись как с пришедшим завоевателем, так и друг с другом за лидерство в процессе объединения русских земель. В этой борьбе «на два фронта» в Северной, Владимиро-Суздальской Руси победило Великое княжество Московское, сумевшее отразить исламский натиск Золотой Орды, а затем и уничтожить в XVI столетии Казанское, Астраханское и Сибирское ханства.

На Юге Рюриковичи самостоятельно княжили до второй половины XIV столетия. Южная Русь лишь со второй половины XIV столетия во многом утратила связь с северорусскими княжествами и попала под владычество Русско-литовского государства, где правили потомки литовского князя Гедимина, которое после Люблинской унии 1569 г. было преобразовано в провинции Речи Посполитой.

Экспансия папского католицизма на Севере была остановлена победами Великого князя Александра Невского. В южнорусских землях же папская пропаганда, используя государственную мощь польского государства, добилась заключения Брестской унии 1596 года с несколькими архиереями, предавшими Православие и русское имя в крае, и вела жестокую борьбу с Русской Православной Церковью.

Политика католического прозелитизма и польская эксплуатация южнорусского населения привели к пробуждению русского национально-религиозного сознания в XVII столе-

тии (Иов (Борецкий), Мелетий (Смотрицкий) и др.) и выразились в серии казацких восстаний, завершившихся с помощью военного вмешательства Московского государства присоединением большей части южнорусских земель во второй половине этого столетия.

Процесс собирания земель продолжился и далее — уже Российской империей. Но некоторые земли в силу незначительности русской дипломатии остались вне русского государства: Галичина в 1772 г. отошла Австрии по первому разделу Польши, Буковина в 1774 г. после заключения Кючук-Кайнарджийского мира также попала во владения Австрии в награду за ее нейтралитет в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

Угорская Русь же еще ранее вошла в состав Австрии в 1526 г. как составная часть Венгрии после разгрома венгров турками. Австрийское государство стало наследником русских земель и с немецкой педантичностью стало проводить политику денационализации русского населения, попавшего в их руки, с помощью все тех же поляков.

Таким образом, политика московских царей и всероссийских императоров по собиранию русских земель не была завершена, и часть русских людей продолжали находиться под духовной властью унии, с одной стороны, и под государственной властью Австро-Венгрии, с другой. Эта оторванная и в духовном, и в политическом плане часть общерусского населения и стала тем субстратом, в котором появилось украинство как исторический феномен.

Начало южнорусского сепаратизма (из которого выросло украинство) лежит в немалой степени в той неудовлетворенности казацкой старшины унификацией малороссийских казацких полков в общерусскую административную структуру и в тех романтизированных воспоминаниях о прежних «вольностях» при казацких гетманах, действовавших совместно с поляками.

Одним из первых исторических произведений, которые могут быть отнесены к нарождающимся попыткам обособить Малороссию от остальной России, является полемическое стихотворное сочинение «Разговор Великороссии с Малороссией» (1762), автором которого, скорее всего, был Дивович Семен Данилович, выгнанный из Санкт-Петербургского университета из-за конфликта с М.В. Ломоносовым. В тексте этого сочинения Малороссия рассказывает свою историю и перечисляет заслуги, оказанные ею русскому народу и государству, дающие ей право на некоторую автономию. Малороссию автор выводил от древних козаров (хазар) и утверждал, что она управлялась своими вождями.

Подобных сочинений было еще несколько, но сами по себе воспоминания про «казацкую вольность» еще не могли дать жизнь настоящему украинофильскому движению. Первую революционную прививку «украинское возрождение» получило от поэтов-декабристов, воспевавших вольности казачества, вроде К.Ф. Рыльева. Его стихи о казаках пользовались не меньшей известностью в этой среде, чем поэзия Шевченко.

После раздела Польши неудовлетворенность казацкой старшины получила в лице польской шляхты и католической церкви активных и богатых покровителей. В первой трети XIX столетия поляки получили в управление Виленский учебный округ (составленный из Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерний). В учебных заведениях (католических и униатских) этого округа вплоть до Польского восстания 1830—1831 гг. было воспитано целое поколение польских патриотов и украинофильствующих малороссов.

Первоначально своеобразное украинофильство как движение зародилось в Уманском кружке польской молодежи — ученых и поэтов, воспитанников Базилианского училища (Северин Гошинский, Богдан Залесский, Михаил Грабовский), которые считали себя украинцами, но, как чистокровные поляки, писали все-таки по-польски. Кружок после разгрома польского восстания в 1831 г. прекратил свое существование, но его идеи были подхвачены другими молодыми людьми, которые в Киеве в 1840-х годах создали тайное общество — Кирилло-Мефодиевское братство. Они бредили древними вольностями запорожского казачества и мечтали о республиканском строе для каждого славянского народа со всеми демократическими свободами без исключения. Главными деятелями братства были Н.И. Гулак, Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш (с детства находился под влиянием Грабовского) и Т.Г. Шевченко (бредил польской революционной поэзией). Братство было раскрыто русскими властями, и его деятели отбывали наказания до конца 1850-х годов, когда их возвратили из ссылки.

Наследниками революционной деятельности «украинского движения» стала созданная в 70—80-х гг. XIX в. так называемая «Старая Громада». Главными ее организаторами были историки приват-доценты университета М.П. Драгоманов (русский полтавец), В.Б. Антонович (поляк) и автор украинского гимна (по образцу польского «Ще не вмерла Украина» этнограф П.П. Чубинский (русский полтавец). Таково схематическое развитие украинского движения в пределах Российской империи.

На землях же, отошедших Австрии, до 1848 г. австрийское правительство признавало за прикарпатскими русскими (галичанами, буковинцами и угорцами) их русское происхождение и национальное единство с русскими Российской империи. Но после похода русской армии 1848 г. в Венгрию австрийское правительство сделало крутой поворот в отношении австрийских русских. Австрийский губернатор Галиции граф Франц Стадион в 1848 г. обратил внимание Вены на опасность называть русскими галичан, после чего австрийские власти стали официально именовать русских галичан рутенами. Известны слова графа Стадиона, сказанные в том же году русской депутации: «Вы можете рассчитывать на поддержку правительства только в том случае, если захотите быть самостоятельным народом и откажетесь от национального единства с народом вне государства, именно в России, т.е. если захотите быть рутенами, а не русскими. Вам не повредит, если примете новое название для того, чтобы отличаться от русских, живущих за пределами Австрии. Хотя вы примете новое название, но все-таки останетесь тем, чем вы были».

Началось образование антирусской Руси. Усилилась борьба с русским литературным языком, с русскими книгами — распространение того и другого приравнялось к государственной измене. Много русских патриотов было посажено в тюрьмы. И в противодействие им под покровительством венского правительства возникла «украинская» партия, расколовшая единство русских в Прикарпатье (Галиция, Буковина и Угорская Русь).

Национальной доктриной этого своеобразного «украинского Пьемонта» стала неприкрытая русофобия. «Если у нас идет речь об Украине, — писали галицкие украинофилы, — то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... Возрождение Украины — синоним ненависти к своей жене-московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней».

В Австро-Венгрии стал разрабатываться из местных простонародных говоров искусственный язык. Все это было направлено на переориентацию прикарпатских русских с Российской империи на создание из галичан антирусской силы. Австро-венгерские власти стали применять на практике старый рецепт польского сепаратистского движения — «натравить русского на русского». Здесь уместно привести выдержку из завещания польского революционера генерала Мерошевского, которое звучит так: «Бросим огни и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси; возбудим ссоры в самом

русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями. По мере того, как он ослабляется, мы крепнем и растем».

В лице австро-венгерского правительства появился серьезный государственный заказчик на исправление русской истории, на поиск в веках «украинцев» и изобретение им «достойного» языка общения.

В это время на политическую сцену призывается один из главнейших идеологов украинства, историк Михаил Сергеевич Грушевский (1866—1934), выписанный австрийским правительством по рекомендации В.Б. Антоновича из Киева и приехавший в 1894 г. во Львов (тогда принадлежавший Австро-Венгрии). Грушевский преподавал в австрийских учебных заведениях «украинскую» историю и занимался реформированием и организацией украинского движения, созданием его исторической идеологии. До него в среде украинства велись лишь споры, каким именем заменить названия малоросс и Малороссия. Именно ему принадлежит «честь» поставления в нем всех точек над «і». Малороссы им были переименованы в украинцев, а Малороссия — в Украину, в значении имени собственного, а не нарицательного, как можно было бы употреблять эти слова.

На совести Грушевского лежит также большой вклад в изобретение особого украинского языка: отказавшись от церковнославянских слов, он заменил их польскими (через польский язык он ввел много латинских, французских и немецких слов), но с соблюдением малорусского произношения. Этим языком (о котором А.Стороженко — его критик — говорил, что это польский язык, в котором польские звуки приспособлены к малорусскому выговору) написана Грушевским десятитомная «История Украины-Руси», пестрящая украинцами и украинскими князьями. Все деятели украинства, как и сам Грушевский, по своим политическим убеждениям были социалистами-революционерами и тесно сотрудничали с революционным движением.

Приехав во Львов и заняв идеологически центральное положение как профессор Львовского университета, М.Грушевский соединил в себе две традиции южнорусского сепаратизма — униатскую австро-венгерскую и казацко-малороссийскую, выработав некую общую генеральную линию (и историческую, и политическую) дальнейшего развития украинства в целом.

По данным русской контрразведки, «Грушевский, находясь во Львове, получал от австрийского правительства ежегодные денежные субсидии для издательства научным това-

ришеством имени Шевченко книг и брошюр на малорусском языке, часть коих водворялась в Россию и распространялась из украинских книгоиздательств, находившихся в сношениях с Львовским издательством».

В отношении построения схемы истории Украины профессор Львовского университета Грушевский стал настоящим реформатором. 10-томный труд «История Украины-Руси» и в названии отражает идеологическую установку. Считая слово «Русь» позаимствованным великорусским населением северных княжеств у украинцев после упадка их государственности — Киевской Руси, он оставляет его в названии. Наряду с этим он признает, что термин «Малая Русь» появляется в отношении Киевской и Галицко-Волынской земли в XIV веке (грамоты Константинопольского патриарха) и что в XII—XIII вв. слово «украина» употреблялось в нарицательном смысле, в значении пограничья, окраины. Несмотря на это признание, он считает, что слова «украина», «украинный» становятся именами собственными для среднего Поднепровья уже с XVI в. На чем основано это утверждение — неизвестно.

О реальном появлении, а не вымышленном, слов «украина», «украинный» откровенно пишет сам М. Грушевский: *«Литературное возрождение XIX в. принимает название “украинского для обозначения... новой национальной жизни. Для того чтобы подчеркнуть связь новой украинской жизни с ее старыми традициями, это украинское имя употреблялось одно время в сложной форме “Украина-Русь”, “украинско-русский”: старое традиционное имя связывалось с новым термином украинского возрождения и движения. Но в последнее время всё шире употребляется и в украинской, и в других литературах простой термин “Украина”, “украинский” не только в применении к современной жизни, но и к прежним ее фазисам, и это название вытесняет постепенно все прочие. Для обозначения же всей совокупности восточнославянских групп, филологами называемой обыкновенно “русскою”, приходится употреблять название восточнославянской, чтобы избежать путаницы “русского” в значении великорусского, “русского” в значении восточнославянского, и наконец “русского” в значении украинского (как оно еще и посейчас в полной силе остается в обиходе Галиции, Буковины и Угорской Руси). Эта путаница подает повод к постоянным неумышленным и умысленным недоразумениям, и это обстоятельство принудило украинское общество в последнее время твердо и решительно принять название “Украины”, “украинского”».*

Налицо явный волевой, самовольный акт «наречения» малорусов не историческим именем, а изобретенным поли-

тическим названием. Примерно так же коммунистическая партия XX в. взяла и твердо и решительно нарекла совокупность народов СССР термином — советский народ, ставя перед собою далеко идущие цели, формирование новой общности.

Схема М. Грушевского противопоставляет Восток и Запад, Византию и Европу, Россию и Украину и поныне с незначительными вариациями преподается в украинских школах и высших учебных заведениях. Начало Украины видится Грушевскому и его школе украинским историкам в далекой древности, в IV в., с появлением на территории сегодняшнего государства Украина племен антов. Их украинская историография считает прямыми потомками украинцев. В начале VII в. общность антов распадается, и остатки этих племен соединяются с руссами к началу XI столетия.

Современные украинские учебники вторят М. Грушевскому, что «с конца IV в. и до VI в. н.э. предки славян расселились почти на всей территории нынешней Украины под названием “анты” (группа племен). Название “анты” в переводе с санскрита означало: люди, которые живут у края, украиняне... Государство антов просуществовало около трех столетий — от конца IV в. до начала VII в. Это было могущественное государство, которое можно считать праславянским предшественником последующего украинского государства — Киевской Руси».

Создавшаяся русская государственность в Киевской Руси имеет у украинских историков название — украинское государство «Украина-Русь», основой которого естественно является украинский народ под властью украинских князей. С XII в. складывается следующий центр украинской государственности — Галицко-Волынское княжество, которое постепенно подчиняется Литовскому, а затем после унии этого великого княжества с Польшей находится в Речи Посполитой.

Особую гордость украинской государственности составляет так называемая «Христианская Казацкая Республика» в Запорожской Сечи, преобразовавшаяся позднее в другой этап этническо-украинской державности — Гетманщину (XVII в.). Мифическо-эпические сказания об этом времени сложили в среде украинских историков воззрение на это время как на «золотой век», к идеалу которого стремились все попытки построения самостийных держав в XX столетии на территории Малороссии.

Наряду с М. Грушевским в начале XX века появился и вошел в политику другой «апостол» и творец «украинства» —

Дмитрий Иванович Донцов (1883—1973). Направление Д. Донцова было более радикальным, ставшим неким новым этапом историософии украинства. В отличие от Грушевского-историка, Донцов был больше идеолог или, как его называли, «батька українського націоналізму», теоретическим наследием которого жили националисты ОУН (типа С. Бандеры) и «дышат» сегодняшние незалежные историки. Он считал Украину типичным образцом западноевропейских стран, полностью чуждой византийско-татарской Московии, бывшей, по его мнению, деспотической монархией, в отличие от глубоко проникнутой аристократическо-республиканскими тенденциями Украины.

Во многом идеи Донцова были продуктом переработанной в украинском стиле философии немецкого национал-социализма и «консервативной революции». Так, он развивает идеи о врожденной кастовости населения; существовании в украинском народе «аристократии», сплоченной вроде духовно-рыцарского ордена; и о внутринациональных расовых типах, которые могут быть сведены в две группы. В первую группу входят типы: «нордический» (государственно-творческий), «понтиский» (атаманский) и «динарский» (воин-хлебороб), которые можно назвать «рыцарским» типом. Во вторую же группу попадают «остийцы» или, как он их иначе называет, Санчо Пансы. По его мнению, «остийцы» — преобладающий тип в украинской нации, и они олицетворяют все те качества «безыдейности» и «неаристократичности», которые необходимо умертвить в будущей «украинской нации». Будучи весьма откровенным автором, он пишет: «Чтобы страна наша и мы жили, — Панса должен умереть». В этих взглядах отразилось существующее и до сегодня разделение Украины на православный Восток и на католически-униатский Запад.

Будучи безусловным русофобом, Донцов еще во время Первой мировой войны видел перед Германией и Австро-Венгрией прекрасное и величавое, как он выражался, задание всемирно-исторического значения — сломать мощь России, что не удавалось до той поры лучшим европейским полководцам Европы Карлу XII и Наполеону I. А затем он считал, что будет *«вырезано из тела современной российской Империи» государство Украина, которое будет участвовать в каждой политической комбинации, острие которой будет направлено против России»*.

Особо надо отметить, что о рождении государства Украина в XX столетии заявлялось трижды — в 1917, в 1941 и в 1991 гг. Для нас это были годы революции и потери национальной

самостоятельности в 1917; годы немецкого нашествия и смертельной борьбы в 1941-м; время раскола и федерализации страны в 1991-м. Всякий раз, когда нам было трудно, украинский сепаратизм поднимал свою голову на малороссийской земле с требованием расчленения единого русского тела. «Как комета, — писал «идеолог розбрату» Д.Донцов, — появляется, как правило, украинский вопрос на политическом небе Европы; каждый раз, когда для России наступает критический момент».

Несмотря на огромные усилия в XX столетии, на территории УССР и вплоть до сегодняшнего дня создать путем политики государственной украинизации южнорусского населения единую украинскую нацию не удалось. Самоопределение Крыма, Донецка и Луганска и выступления за федерацию по всей Новороссии тому лучшие доказательства.

Для украинской историографии характерно постоянное «печалование» о том, что украинская нация все никак не может окончательно сложиться. Еще М.Грушевский писал, что *«украинство в России должно выйти из рамок этнографической народности, стать политическим и экономическим фактором, приняться за организацию украинской общественности как нации»*. Он же горячо призывал: *«Нужно желать быть нацией, необходимо работать в этом направлении, посвятить все силы, двинуть все общественные средства, чтобы переработать потенциальную энергию этнографического существования в динамику национального развития. Этнографическая обособленность — это статистика, национальная жизнь — продукт воли, динамической энергии народа. Необходимо для этого желать, необходимо работать, необходимо дерзать»*.

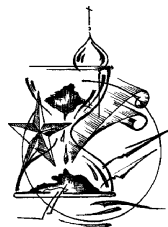
И украинские деятели «дерзали» весь XX в., пытаясь обособить малорусское население и развить его этнографические особенности. М.Грушевскому в 1905 г. вторил другой известный деятель «украинства» — Иван Франко: «Перед украинской интеллигенцией открывается... огромная действительная задача — создать из громадной этнической массы украинского народа украинскую нацию, цельный культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни». Эту мысль украинские деятели повторяют до сих пор. Создание же единой нации украинцев потерпело оглушительное фиаско в наше время.

КТО ПОБЕДИЛ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ?

Война против России была нужна Японии как для территориальных завоеваний, так и для приобретения статуса мировой державы. Мысль о неизбежности войны с Россией внедрялась в сознание японского народа задолго до 1904 года. Знаменитый англо-японский писатель Лакфадью еще в 1895 году писал, что когда японцы двинутся на Россию, то им на помощь придут даже мертвые, погибшие в недавней войне с Китаем японские солдаты и матросы. Амбициозность японских политиков поддерживалась западными державами, заинтересованными в ослаблении России. США, Германия, Англия оказали Японии громадную помощь в перевооружении, подготовке и военном снабжении армии.

К 1904 году Япония сосредоточила на Дальнем Востоке вооруженные силы в 5 раз больше, чем вооруженные силы России. Оснащены они были самым современным западноевропейским и американским оружием. Японский флот, по крайней мере, в два раза был больше российского Тихоокеанского флота.

Государь император Николай II предвидел войну с Японией и готовился к ней, но, к со-

жалению, Россия к 1904 году не успела переоборудовать Сибирскую и Дальневосточную железные дороги под военные перевозки, что стало одной из решающих причин поражений русской армии в начале войны.

Царь Николай II не был воинственным человеком, считал войну величайшим злом, поэтому старался всячески избежать ее. На переговорах с Японией он готов был идти на большие уступки, вплоть до сдачи части острова Сахалин в аренду. Но, как отмечал С.С. Ольденбург, «Россия могла бы избежать борьбы только путем капитуляции, путем самоустранения с Дальнего Востока. Никакие частичные уступки — а их было сделано много — не могли не только предотвратить, но и отсрочить войну».

И война грянула. В ночь с 26 на 27 января 1904 года японские корабли вероломно напали на русскую эскадру в Порт-Артуре. В своем манифесте к народу Император Николай II заявил: *«В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существующих между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.»*

Не предуведомив о том, что перерыв таких сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать нашу эскадру, стоявшую на военном рейде крепости Порт-Артура. По получении о сем донесения наместника Нашего на Дальнем Востоке мы тотчас же повелили вооруженною силою ответить на вызов Японии...»

Некоторые политические деятели России того времени сомневались в целесообразности войны. А либерально-революционная общественность сразу заявила, что России не нужны удаленные за тысячи верст территории и, чтобы иметь добрососедские отношения с Японией, она должна была «самоустраниться с Дальнего Востока». Однако русские политики и общественные деятели понимали значение русско-японской войны. Это понимание так выразил впоследствии С.С. Ольденбург: *«С тех дней, когда Петр Великий прорубал «окно в Европу», ни одна война не была в такой мере борьбой за будущее России, как русско-японская война. Решался вопрос о выходе к незамерзающим морям, о русском преобладании в о-*

ромной части света, о почти незаселенных просторах Маньчжурии. Иначе как, поставив крест над всем своим будущим в Азии, Россия от этой борьбы уклониться не могла».

Кроме того, можно сказать, что война России с Японией была предопределена на небесах. Об этом говорят следующие мистические случаи. За семь дней до ее начала одному валаамскому старцу было видение, впоследствии записанное с его слов и хранившееся в архиве Валаамского монастыря. В этом тонком видении явился ему ангел в образе юном и предсказал грядущие бедствия. Вот как рассказывал об этом сам старец: «В одну ночь приходит ко мне светлый юноша и говорит: «Пойдем со мной, и ты увидишь то, чего никто на земле не разумеет...» Юноша обратился в другую сторону, и я увидел идущего вдаль громадного зверя, а за ним темная туча пошла на русскую землю. Мне стало страшно, и я отступил на шаг назад. Но юноша говорит: «Куда пойдешь? Некуда от этого скрыться. Но знай, что это тебя не касается». Тогда я почувствовал в себе некую силу и стал смотреть на все. Я спросил: «Что это значит?» Юноша сказал: «Первое: зверь — это война, а второе — туча — это наказание...»

Кроме этого видения был и другой мистический случай, подтверждающий предопределенность войны с Японией. За два месяца до ее начала в Киево-Печерскую Лавру пришел паломник, старый русский матрос, участник знаменитой обороны Севастополя в 1854 году, во время Крымской войны. У Киевских святынь он усердно молился о русском флоте в Порт-Артуре. И вот однажды ему было видение: стоящая спиной к заливу Божия Матерь, которая держала в руках продолговатый плат. Своими стопами Она попирала обнаженные обоюдоострые мечи. Матрос очень испугался этого видения, был поражен страхом, но Богородица успокоила его и поведала о том, что скоро начнется война, в которой Россию ждут тяжелые испытания. А в заключение Она сказала, что необходимо написать икону, которая должна в точности отобразить это видение, и отправить ее в Порт-Артур.

Когда старый матрос стал рассказывать повсюду об этом видении, ему мало кто верил. И только после нападения японских кораблей на русскую эскадру в Порт-Артуре православные поверили в истинность явления Богоматери матросу. Десять тысяч киевских богомольцев по пятаку собрали сумму, необходимую для написания иконы «Торжество Богородицы», или, как ее называют иначе, иконы Божией матери «Порт-Артурская». Вскоре эта икона была написана и отправлена в Порт-Артур. Но он к тому времени был уже осаж-

ден японцами, и попытки доставить туда икону закончились неудачей. Тогда ее отправили в Ставку Главнокомандующего генерала Куропаткина.

С неудачи духовного порядка начало войны было для России неудачным и в других отношениях. В марте 1904 г. около Порт-Артура произошло сражение между русской и японской эскадрами. По трагической случайности в самом начале боя на mine подорвался русский эскадренный броненосец «Петропавловск», на котором находился Главнокомандующий флота адмирал Макаров. Корабль затонул в считанные минуты. В числе погибших оказался и сам адмирал. Оставшись без руководства, наши корабли потерпели поражение. Гибель замечательного флотоводца адмирала Макарова была тяжелой, невозполнимой утратой. С его именем Россия обоснованно связывала надежду на победу в этой войне. Но гибель русской эскадры во многом предопределила дальнейшие поражения, так как после этого наши войска лишились поддержки с моря. Стратегическое положение русской армии и флота ухудшилось. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, японцы нанесли русским войскам тяжелое поражение под Мукденом и разгромили эскадру в Цусимском проливе.

Тем не менее эти поражения не принесли Японии победы над Россией. С.С. Ольденбург писал: *«Русская армия осталась и после него (Мукдена) грозной боевой силой, а японцы были сильно истощены, несмотря на победу. Они в последний раз воспользовались преимуществом своей более ранней готовности — и все же не добились решающего результата. Разговоры о Мукдене, как о небывалом и позорном разгроме, объяснялись политическими соображениями — показать негодность русской власти».*

После Мукдена японская армия уже не могла вести активные боевые действия. Экономика и финансы Японии были подорваны. Военные потери были огромны. *«В боевых действиях Япония потеряла 270 тысяч человек, в том числе, 86 тысяч погибшими. Число погибших со стороны России было на 36 тысяч человек меньше. Экономическое и финансовое положение оставалось стабильным».*

В связи с этим, уже после Цусимского сражения, японский император обратился к президенту США Рузвельту с просьбой начать переговоры с Россией о заключении мира, так как Япония не в силах далее продолжать войну.

Император Николай Второй не хотел заключать мира, понимая, что поражение Японии неизбежно и все зависит только от времени. И тем не менее он вынужден был пойти на

мирные переговоры, так как в России началась внутренняя смута, которая оказалась опасней японских армий. Враги русской православной монархии спровоцировали революцию 1905 года. Русская Православная Церковь забила тревогу. «Идет тяжелая война, — писал в то время митрополит Антоний (Вадковский), — сплотиться бы всем надо в высоком самоотвержении, полном патриотическом чувстве, а вместо этого в земле нашей царит внутренняя смута. Родные сыны России под влиянием неведомых в старину пагубных учений враждою раздирают ее материнское сердце. Любви к Церкви нет, благоговение к власти исчезло... Вот где настоящее горе и несчастье России».

Надо сказать, что на организацию антигосударственных выступлений были привлечены огромные иностранные средства. «Япония выделяет деньги на организацию забастовок и беспорядков в России, — пишет историк О.А. Платонов, — через подставных лиц финансирует профсоюзные фонды поддержки бастующих... Кроме японских денег, российские революционеры получают огромные суммы от антирусских организаций и отдельных лиц Европы и Америки».

Конечно, однозначно утверждать, что революционные беспорядки устраивались ради получения иностранных денег, не следует. Они стали возможными потому, что часть российского общества решила построить государство по человеческому разумению, а не по Божественному дарованию. Такая позиция была следствием расцерковления, отступления от православной веры. Люди пожелали жить «свободно», без евангельских законов, ограничивающих их в действии, поэтому, как говорил св. праведный Иоанн Кронштадтский о той ситуации, «вера слову Божию, слову истины исчезла и заменена верою в разум человеческий; печать в большинстве изолгалась — для нее не стало ничего святого и досточтимого... не стало повиновения детей родителям, учащихся — учащим... Браки поруганы, семейная жизнь разлагается, твердой политики не стало — всякий политиканствует, все желают автономии. Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям».

Отступление от православной веры, забвение морально-нравственных принципов привело к возможности использовать иностранные деньги в российском революционном движении. И они использовались во весь размах, подкупая образованных русских людей и направляя деятельность на борьбу с православной монархической государственностью. Замечательный пастырь того времени протоиерей Иоанн Вос-

торгов прямо писал о предательстве интеллигенцией национальных интересов во время русско-японской войны: *«Никогда со времени начала Руси не обнаруживалось в такой степени в людях, считающих себя представителями русской мысли, отсутствие самого посредственного государственного разума, патриотизма и простой порядочности. Этот момент скорби и потрясений Отечества они сочли удобным, чтобы разрушать все устои власти и порядка... Они приветствовали и раздували каждую нашу неудачу, они заражали унынием идущие на битву войска; дошло, наконец, до того, что русские студенты посылали приветствие японскому микадо (по поводу японских побед. — И. Е.), они же из Швейцарии послали в японскую армию генералу Куроки самую подробную карту Северной Маньчжурии, чтобы враги безошибочно наносили вред русскому воинству... Каины, Хамы и Иуды водрузили свои седла в России.*

Каины убивали лучших русских людей — царских слуг: убит Великий Князь Сергей Александрович, убит Бобриков в Финляндии, убит Плеве... Хамы радовались унижению Родины и издевались над ее страданиями... Иуды брали японские деньги... покупали на них оружие для восстания внутри России, устраивали забастовки рабочих на заводах, приготовлявших военные запасы, на верфях, строивших военные суда, на дорогах, перевозивших войска...»

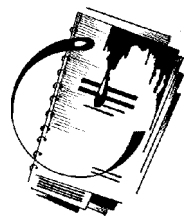
Кто бы и как ни оценивал итоги русско-японской войны, Николай II в условиях откровенного саботажа, тайных политических интриг и морально-нравственного предательства со стороны либерального общества смог привести Россию к порогу победы, и только разгорающаяся революция 1905 года помешала довести эту войну до победного конца.

Источник: «Зёрна»

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ОТ ПРЕСТОЛА

То, что произошло 2/15 марта 1917 г. во Пскове, до сих пор именуется в истории как отречение Николая II от престола. До сих пор историческая наука и общественное сознание воспринимают как аксиому, что Император Николай II добровольно, но под давлением обстоятельств, поставил свою подпись под манифестом, объявлявшим, что он слагает с себя верховную власть.

Между тем русская история не знала такого факта, как отречение коронованного монарха от престола. Известен случай отказа от престола Наследника Цесаревича Великого Князя Константина Павловича, брата Императора Александра I, сделанного за несколько лет до смерти Царствующего государя. Однако акт этого отказа был собственноручно написан Константином Павловичем, после чего 16 августа 1823 г. был составлен манифест Императора Александра I о передаче права на престол Великому Князю Николаю Павловичу. Манифест этот был засекречен и помещен на хранение в Успенский собор Московского Кремля. Три копии манифеста, заверенные Александром I, были направлены в Синод, Сенат и Государствен-

ДОСЬЕ "МГ"

ный Совет. После кончины Императора Александра I прежде всего надлежало вскрыть пакет с копиями. Тайну завещания знали Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, князь А.Н. Голицын, граф А.А. Аракчеев и составивший текст манифеста московский архиепископ Филарет.

Как видим, решение об отказе Великого Князя от престола было заверено многочисленными свидетелями и утверждено манифестом Императора. При этом речь шла об отказе от престола не Царствующего монарха, а наследника престола.

Что же касается Царствующего монарха, то **Основные Законы Российской Империи вообще не предусматривали самой возможности его отречения** (теоретически таким основанием могло быть разве что пострижение Царя в монахи.) Тем более невозможно говорить о каком-либо отречении Царя, сделанного под моральным воздействием, в условиях лишения свободы действий.

В связи с этим примечательны слова товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова, сказанные им в марте 1917 г. при отказе присягать Временному правительству: «Отречение Государя недействительно, ибо явилось не актом доброй воли Государя, а насилем. Кроме законов государственных, у нас есть и законы Божеские, а мы знаем, что, по правилам Св. Апостолов, недействительным является даже вынужденное сложение епископского сана: тем более недействительным является эта узурпация священных прав Монарха шайкою преступников».

Епископ Арсений (Жадановский), принявший мученическую смерть на Бутовском полигоне, говорил, что «по церковно-каноническим правилам насильственное лишение епископа своей кафедры является недействительным, хотя бы оно произошло «при рукописании» изгоняемого. И это понятно: всякая бумага имеет формальное значение, написанное под угрозой не имеет никакой цены, — насилие остается насилем».

Таким образом, даже если бы Император Николай II и подписал под угрозой или под давлением некую бумагу, ни в какой мере не являющуюся ни по форме, ни по сути манифестом об отречении, то это **вовсе не означало бы, что он действительно отрывается от престола.**

Со стороны Государя налицо было бы не добровольное отречение, но акт, который, если бы это относилось к епископу, по третьему правилу святителя Кирилла Александрийского, имеет следующую оценку: «Рукописание же отречения дал он, как сказует, не по собственному произволению, но по нужде, по страху и по угрозам от некоторых. Но и кроме сего, с церковными постановлениями не сообразно, яко некие свя-

шеннодействователи представляют рукописания отречения». Кроме того, Император Николай II, даже следуя официальной версии, не упразднил Монархию, а передавал престол своему брату — Великому Князю Михаилу Александровичу.

Отречение Императора Николая II, таким образом, **не обрело силу Российского законодательного акта, поскольку манифест обретает силу закона лишь в случае опубликования, которое может совершить только Царствующий Император (то есть появление текста отречения в прессе не есть автоматическое узаконивание его), а Великий Князь Михаил Александрович таковым никогда не был — ни одной минуты.** Таким образом, отречение Императора Николая II, даже в случае подписания им известного текста, является юридически ничтожным.

Фальсификация документов об отречении

План заговора, предусматривавший отречение Государя, был задуман задолго до Февральского переворота. Одним из главных его разработчиков был А.И. Гучков. Уже после февральских событий он сообщал: «Государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось еще до переворота, при помощи других сил. Самая мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, что следовало сделать».

Гучков говорил, что события февраля 1917 г. привели его «к убеждению, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отречения Государя. Я настаивал, чтобы председатель Думы Родзянко взял бы на себя эту задачу». Таким образом, понятно, что инициативы М.В. Родзянко по поездке в Бологое, его планы ареста Государя и требования его отречения были инициативами и планами А.И. Гучкова.

О том, что отречение было спланировано заранее, говорил и спутник А.И. Гучкова по поездке во Псков В.В. Шульгин. Уже после переворота он говорил кадету Е.А. Ефимовскому: «Вопрос об отречении был предрешен. Оно произошло бы независимо от того, присутствовал Шульгин при этом или нет. Шульгин опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью «создать щит», чтобы убийства не произошло».

Но отречение Императора входило в планы не только Гучкова. Не меньше оно входило и в планы Керенского. Это не означает, конечно, что между двумя лидерами переворота не было разногласий. Но все это не мешало их самому активно-

му взаимному сотрудничеству. Поэтому С.П. Мельгунов был абсолютно прав, когда утверждал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 г. руководили две масонские группы. Во главе одной из них (военной) стоял А.И. Гучков, во главе другой (гражданской) стоял А.Ф. Керенский.

А.И. Гучков был тесно связан с военными кругами и сыграл ведущую роль в организации бездействия армии в подавлении беспорядков в Петрограде. Начальник войсковой охраны Петрограда, генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-майор М.И. Занкевич, выполняя условия договоренности с Гучковым, предпринял шаги, которые были направлены на ослабление обороны района Адмиралтейства и Зимнего дворца. 2 марта Занкевич всюду представлялся как лицо, действующее по приказанию М.В. Родзянко. С другой стороны, А.Ф. Керенский имел большие связи в масонских и революционных кругах.

У А.И. Гучкова имелись соответствующие договоренности с командирами некоторых полков о линии поведения в случае возникновения стихийных солдатских выступлений. 28 февраля А.И. Гучков выезжал агитировать военнотружущих в казармы Лейб-гвардии Павловского полка, 1 и 2 марта он вел агитацию в других частях. Участвовал А.И. Гучков и в захвате Главного артиллерийского управления. Таким образом, А.И. Гучков всячески способствовал не дворцовому перевороту, о чем он говорил ранее, а именно революции. Той самой революции, к которой так стремился А.Ф. Керенский.

Сотрудничество Гучкова и Керенского ярко проявилось в захвате Императорского поезда 1 марта 1917 г. Захват поезда и отречение Государя были нужны как Гучкову, так и Керенскому. Не вызывает сомнений, что после того, как Императорский поезд был направлен во Псков, в отношении Государя Керенский и Гучков действовали в полном согласии.

Уже днем 2 марта о манифесте с отречением Государя говорили в открытую в разных местах Империи. Напомним, что в это время, даже по версии Рузского, Император еще не принял никакого решения.

В 15 часов в Екатерининском зале Таврического дворца П.Н. Миллюков говорил об отречении как о деле решенном: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей».

В 17 час. 23 мин. 2 марта генерал В.Н. Клембовский уверенно заявлял: «Исход один — отречение в пользу Наследника под регентством Великого Князя Михаила Александр-

ровича. Его Величество решение еще не принял, но, по-видимому, оно неизбежно».

В 19 часов 1 марта Императорский поезд прибыл во Псков. Обстановка вокруг него была нехарактерна для обычных встреч Царя. А.А. Мордвинов писал, что платформа «была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением, кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи Государя, на ней не было». То же самое писал и генерал Д.Н. Дубенский: «Никаких официальных встреч, вероятно, не будет, и почетного караула не видно». Начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов добавляет к предыдущим воспоминаниям ряд важных деталей. Он пишет, что «ко времени подхода Царского поезда вокзал был оцеплен, и в его помещения никого не пускали».

Заместитель главы уполномоченного по Северному фронту Всероссийского Земского Союза князь С.Е. Трубецкой вечером 1 марта прибыл на псковский вокзал для встречи с Царем. На вопрос дежурному офицеру «Где поезд Государя?», тот «указал мне путь, но предупредил, что для того чтобы проникнуть в самый поезд, требуется особое разрешение. Я пошел к поезду. Стоянка Царского поезда на занесенных снегом неприглядных запасных путях производила гнетущее впечатление. Не знаю почему, этот охраняемый часовыми поезд казался не Царской резиденцией с выставленным караулом, а наводил неясную мысль об аресте».

События, происшедшие во Пскове в собственном Императорском поезде 1—3 марта, остаются по сей день неразгаданными. По официальной версии, Император Николай II, который ранее категорически отказывался от любых попыток убедить его в необходимости ответственного министерства, во Пскове вдруг одобрил и подписал в течение суток сразу три манифеста. Один из этих манифестов кардинально менял политическую систему страны (вводил ответственное министерство), а два других — последовательно передавали русский престол сначала малолетнему Цесаревичу, а затем Великому Князю Михаилу Александровичу.

После того как Императорский поезд поставили на запасной путь, в Императорский вагон прибыли главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Рузский, начальник его штаба генерал Ю.Н. Данилов и еще два-три офицера. По воспоминаниям лиц свиты, от Николая II генерал Рузский стал требовать кардинальных уступок сразу же, как зашел в вагон и был принят Императором. В.Н. Воейков на допросе в ВЧСК заявил, в противоположность своим вос-

поминаниям, что «все разговоры об Ответственном министерстве были после прибытия в Псков».

Генералитет начал оказывать активное давление на Императора Николая II еще до его прибытия во Псков. Днем 1 марта, когда Государь был на станции Дно, генерал-адъютант М.В. Алексеев послал ему телеграмму. Сообщив о беспорядках в Москве, Алексеев писал Царю о том, что беспорядки перекинутся по всей России, произойдет революция, которая знаменует позорное окончание войны. Алексеев уверял, что восстановление порядка невозможно, «если от Вашего Императорского Величества не последует акта, способствующего общему успокоению». В противном случае, заявлял Алексеев, «власть завтра же перейдет в руки крайних элементов». В конце телеграммы Алексеев умолял Царя «ради спасения России и династии, поставить во главе России лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет».

Весь тон и аргументации этой телеграммы М.В. Алексеева полностью согласуются со слогом и аргументами М.В. Родзянко. Эту телеграмму М.В. Алексеев должен был послать в Царское Село, но не сделал этого, якобы потому, что отсутствовала связь. На самом деле с отправлением телеграммы решили повременить, так как знали, что Император должен быть доставлен во Псков.

Полковник В.Л. Барановский в своем разговоре с помощником начальника разведывательного отделения штаба Северного фронта полковником В.Е. Медиокритским по прямому проводу 1 марта в 15 час. 58 мин. отметил: «Начальник штаба просит эту телеграмму передать главнокомандующему и просит его вручить эту телеграмму Государю Императору, когда Его Величество будет проезжать через Псков». В результате закулисных переговоров с Родзянко вечером 1 марта телеграмма Алексеева претерпела значительные изменения. Фактически это был манифест о введении ответственного министерства во главе с Родзянко.

Генерал М.В. Алексеев и находившийся в Ставке Великий Князь Сергей Михайлович уполномочили помощника начальника штаба Северного фронта генерала В.Н. Клембовского «доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева». Полная поддержка просьбе, изложенной в телеграмме Алексеева, поступила из Тифлиса и от Великого Князя Николая Николаевича.

Давление на Царя с требованием даровать ответственное министерство было продолжено во Пскове генералом

Н. В. Рузским. При встрече с Царем Рузский поинтересовался, получил ли Николай II его телеграмму об ответственном министерстве. Речь шла о телеграмме Рузского, которую он послал Императору еще 27 февраля в Ставку. Николай II ответил, что получил и ждет приезда Родзянко.

Рузский в разговоре с Великим Князем Андреем Владимировичем через год после происшедших событий пояснил, что Император Николай II согласился дать ответственное министерство после того, как главкосев передал ему телеграмму от генерала Алексеева с проектом манифеста.

Однако в составленной Царем ответной телеграмме ни о каком даровании ответственного министерства речи не шло. Рузский рассказывал, что когда ему наконец принесли телеграмму от Государя, оказалось, «что там нет ни слова об ответственном министерстве». Единственное, на что согласился Император Николай II, — это поручить Родзянко сформировать правительство, выбрав министров по своему усмотрению, кроме министров военного, морского и внутренних дел. При этом сам Родзянко должен был оставаться ответственным перед Императором, а не перед Думой. По существу, телеграмма Николая II с поручением Родзянко возглавить такое правительство, в котором назначения главных министров оставались бы за Царем, а сам Родзянко был бы ответствен перед Монархом, превращали ответственное министерство в обыкновенный кабинет.

На все возражения Рузского о необходимости ответственного министерства Император Николай II ответил, что он «считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку». «Я ответствен перед Богом и Россией за все, что случится и случилось, — сказал Государь, — будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом, — безразлично».

По словам генерала Н. В. Рузского, решающей для Государя стала телеграмма от М. В. Алексеева. Ознакомившись с ней, Николай II согласился на ответственное министерство, сказав, что «принял решение, ибо и Рузский, и Алексеев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнения, а ему, Государю, известно, что они редко сходятся на чем-либо вполне».

Получив якобы согласие от Царя, Рузский пошел на телеграф для разговора по прямому проводу с М. В. Родзянко. Н. В. Рузский сказал М. В. Родзянко, что Государь согласился на ответственное министерство и спросил председателя Думы, можно ли высылать манифест с этим сообщением для его

«распубликования». Однако переданный Рузским текст «манифеста» на самом деле был черновым вариантом, во многом повторяющим текст телеграммы генерала Алексева. Конечно, такой текст не мог быть передан Государем.

В ответ М.В. Родзянко заявил генералу Н.В. Рузскому, что ситуация изменилась, «настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко». В связи с этим возникло «грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича».

Рузский спросил: «Нужно ли выпускать манифест»? Родзянко дал как всегда уклончивый ответ: «Я право не знаю, как вам ответить. Все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой».

Несмотря на эту двусмысленность, Рузский понял ответ однозначно: манифест посылать не надо. С этого момента начинается усиленная подготовка к составлению нового манифеста об отречении. В конце разговора Н.В. Рузский спросил М.В. Родзянко, **может ли он доложить Императору** об этом разговоре. И получил ответ: «Ничего против этого не имею, и даже прошу об этом».

Таким образом, Родзянко решал, сообщать что-либо Государю или нет. При этом мнение Царя, его поручения и распоряжения совершенно не принимались в расчет. Для Рузского существовали другие начальники, и прежде всего им был сам М.В. Родзянко.

Именно генералу М.В. Алексеву начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов послал утром 2 марта телеграмму, в которой сообщал о состоявшемся разговоре Рузского с Родзянко. В конце телеграммы Данилов писал: «Председатель Государственной Думы признал содержание манифеста запоздалым. Так как об изложенном разговоре главкозев сможет доложить Государю только в 10 часов, то он полагает, что было бы более осторожным не выпускать манифеста до дополнительного указания Его Величества».

Уже в 9 часов утра генерал А.С. Лукомский по поручению М.В. Алексева вызвал по прямому проводу генерала Ю.Н. Данилова. Алексей в жесткой манере, отбросив «верноподданнический» тон, указал Данилову на необходимость потребовать от Императора отречения, угрожая в противном случае междоусобной войной и параличом фронта, который приведет Россию к поражению.

Ю.Н. Данилов высказал мнение, что убедить Императора согласиться на новый манифест будет нелегко. Решено было дожидаться результатов разговора Рузского с Царем. В ожидании этого результата Алексей разослал циркулярные те-

леграммы для главнокомандующих фронтами А.Е. Эверта, А.А. Брусилова и В.В. Сахарова, в которых просил их выразить свое отношение к возможному отречению Государя.

Не успел генерал Алексеев поинтересоваться мнением главнокомандующих, как они сразу же, не задумываясь, ответили, что отречение необходимо, и как можно скорее. Вот, например, ответ генерала А.А. Брусилова: «Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева всеподданнейшую просьбу Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может».

Примерно такими же по смыслу были ответы всех командующих. **Такая реакция с их стороны могла быть в случае, если они заранее знали о предстоящей телеграмме генерала Алексева с вопросом об отречении. Точно так же, как они знали заранее и ответы на этот вопрос.**

Вечером 2 марта в Царский вагон с телеграммами главнокомандующих пришли генералы Н.В. Рузский, Ю.Н. Данилов и С.С. Савич. Они продолжили оказывать давление на Царя, убеждая его, что положение безнадежно и единственный выход из положения — это отречение.

По воспоминаниям вышеназванных генералов, в ходе этого давления и, главное, телеграмм главнокомандующих, Император Николай II принял решение отречься от престола в пользу своего сына Цесаревича.

Рузский в своих рассказах разным лицам путался, в какой форме Государь выразил свое согласие на отречение. То генерал утверждал, что это была **телеграмма**, то **акт отречения**, то **несколько черновики**. Таким образом, из всех воспоминаний мы видим, что Императором была составлена телеграмма (телеграммы, черновики, акт), **но никак не манифест об отречении от престола.**

Между тем точно известно, что проект такого манифеста был приготовлен. «Манифест этот, — писал генерал Д.Н. Дубенский, — вырабатывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего Двора, директор политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев».

То же самое подтверждает генерал Данилов: «В этот период времени из Могилева от генерала Алексева был получен проект Манифеста, на случай, если бы Государь принял решение о своем отречении в пользу Цесаревича Алексея. Проект этого Манифеста, насколько я знаю, был составлен Директором Дипломатической Канцелярии при Верховном Главнокомандующем Н.А. Базили по общим указаниям генерала Алексева».

Дубенский писал: «Когда мы вернулись через день в Могилев, то мне передавали, что Базили, придя в штабную столовую утром 2 марта, рассказывал, что он всю ночь не спал и работал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении Императора Николая II от престола. А когда ему заметили, что это слишком серьезный исторический акт, чтобы его можно было составлять наспех, то Базили ответил, что медлить было нельзя».

Однако из воспоминаний самого Н.А. Базили явствует, что его труд совсем не был каторжным: «Алексеев меня попросил набросать акт отречения. «Вложите в него все ваше сердце», — сказал он при этом. Я отправился в свой кабинет и через час вернулся с текстом».

Вечером 2 марта генерал Алексеев послал по телеграфу генералу Данилову проект манифеста, снабдив его следующей телеграммой: «Посылаю проект выработанного манифеста на тот случай если Государь Император соизволит принять решение и одобрить изложенный манифест. Генерал-адъютант Алексеев».

Сразу же за этим сообщением шел текст проекта манифеста: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. В соответствии с установленными Основными Законами порядком МЫ передаем наследие НАШЕ Дорогому Сыну НАШЕМУ Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Возлагаем на Брата НАШЕГО Великого Князя Михаила Александровича обязанности Правителя Империи на время до совершеннолетия Сына НАШЕГО. Заповедуем Сыну НАШЕМУ, а равно и на время несовершеннолетия Его Правителю Империи править делами государственными в

полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Богъ России».

Этот текст почти полностью был взят из телеграммы генерала М.В. Алексеева с проектом манифеста об ответственном министерстве. В нем были сделаны лишь небольшие дополнения и внесена тема отречения. Полковник оперативного отдела штаба Ставки В.М. Пронин в своей книге приводит дневниковые записи за 1 марта. Из них становится очевидно, что авторы манифеста об ответственном министерстве и отречения от престола — одни и те же лица: «22 ч. 40 м. Сейчас только возвратился из редакции «Могилевских Известий». Генерал-Квартирмейстер приказал мне добыть, во что бы то ни стало, образец Высочайшего Манифеста. В указанной редакции, вместе с секретарем ее, я разыскал № за 1914 г. с текстом Высочайшего Манифеста об объявлении войны. В это время уже был составлен проект Манифеста о даровании ответственного министерства. Составляли его ген. Алексеев, ген. Лукомский, камергер Высоч. Двора Н.А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович. Текст этого Манифеста с соответствующей припиской генерала Алексеева послан Государю в 22 час. 20 мин.».

Однако «манифест» вовсе не попал к Государю. В своей телеграмме Алексееву 2 марта в 20 час. 35 мин. генерал Данилов докладывал: «Телеграмма о генерале Корнилове отправлена для вручения Государю Императору. **Проект манифеста направлен в вагон главкосева.** Есть опасения, не оказался бы он запоздалым, так как имеются частные сведения, что таковой манифест был уже опубликован в Петрограде распоряжением Временного правительства».

Странно, что телеграмма с предложением назначить генерала Л.Г. Корнилова на должность начальника Петроградским ВО направляется Государю, а манифест об отречении направляется почему-то Рузскому! Потрясающим является предположение Данилова, что совершенно секретный манифест, которого не видел даже Государь, может быть опубликован в Петрограде распоряжением мятежников! Фактически это прямое признание того, что вопрос об отречении ни в коей мере не зависел от Государя Императора.

Таким образом, 2 марта никакого нового манифеста об отречении в Ставке не составлялось, его основа была подготовлена заранее и в эту основу вносились нужные изменения. На экземпляре проекта манифеста, принадлежащего Н.А. Базили, имеются поправки, сделанные рукой генерала Алексеева. Поэтому можно сделать однозначный вывод: Император Николай II не имел никакого отношения к авторству манифеста об отречении от престола в пользу Наследника и никогда его не подписывал.

Со слов Рузского, подписание манифеста Государем не состоялось, так как в штабе Северного фронта было получено известие о скором приезде во Псков А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. Н.В. Рузский и Ю.Н. Данилов пытались объяснить задержку в подписании манифеста желанием Николая II встретиться сначала с А.И. Гучковым. Однако, по всей видимости, это решение принималось главкосево.

В Ставке также были уверены в неизбежности отречения. В 17 час. 23 мин. 2 марта в разговоре по прямому проводу генерала Клембовского с главным начальником Одесского военного округа генералом от инфантерии М.И. Эбеловым Клембовский уверенно заявил, что исход один: «отречение в пользу Наследника под регентством великого князя Михаила Александровича».

Вполне возможно, что приезд А.И. Гучкова во Псков и возникновение после его приезда третьего манифеста об отречении, уже в пользу брата Царя, Великого Князя Михаила Александровича, были связаны со сговором А.И. Гучкова и Н.В. Рузского в обход М.В. Алексева. Алексеев, видимо, полагал, что отречением в пользу Цесаревича вопрос будет решен. При чем предполагалось, что отрекшийся Император будет отправлен в Царское Село и там объявит о передаче престола сыну. Еще в 9 часов вечера 2 марта депутат Государственной Думы кадет Ю.М. Лебедев говорил в Луге, что «через несколько часов из Петрограда выедут в Псков члены Думы Гучков и Шульгин, которым поручено вести переговоры с Государем, и результатом этих переговоров явится приезд Государя в Царское Село, где будет издан ряд важнейших государственных актов».

По-видимому, М.В. Алексеев надеялся играть ведущую роль при новом правительстве (отсюда его авторство манифеста). Однако события пошли не так, как рассчитывал Алексеев. «Алексеевский» манифест был отправлен в Петроград через Псков, откуда никаких сведений о его дальнейшей судьбе в Ставку не поступало. Более того, стало известно, что никакого объявления о манифесте не будет сделано без дополнительного разрешения генерала Н.В. Рузского. Это могло означать, что по каким-либо причинам Рузский ре-

шил переиграть ситуацию. Что происходит во Пскове, М.В. Алексеев не знал. По приказу Алексеева генерал Клембовский связался с Псковом и «очень просил», «ориентировать штабс-квартиру, в каком положении находится вопрос». Особенно Алексеева волновало сообщение, что литерные поезда отправляются в сторону Двинска.

Вскоре из штаба Северного фронта генералу Алексееву поступила ответная телеграмма, в которой сообщалось, что вопрос об отправке поездов и об их дальнейшем маршруте будет решен «по окончании разговора с Гучковым».

А.И. Гучков и В.В. Шульгин прибыли во Псков около 22 часов 2 марта. В 00 час. 30 мин. 3 марта полковник Болдырев сообщил в Ставку: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который будет вручен по подписании Государем депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена».

Текст так называемого манифеста почти полностью повторил предыдущий вариант манифеста в пользу Цесаревича, выработанный в Ставке под руководством М.В. Алексеева. Различия были лишь в имени того, кому передавался престол. Однако нет уверенности, что М.В. Алексееву передали этот текст.

Знаменитый манифест, который вот уже скоро сто лет является главным и, по существу, единственным «доказательством» отречения от престола 2 марта 1917 г. Императора Николая II, впервые был «обнаружен» в СССР в 1929 г. в Ленинграде специальной комиссией по чистке аппарата Академии наук. Все сотрудники учреждений Академии наук СССР, Президиум которой до 1934 г. находился в Ленинграде, обязаны были пройти проверку анкетных данных и процедуру обсуждения соответствия занимаемой должности. В этой «чистке» Академия наук понесла существенные кадровые потери: из-за социального происхождения (дворяне, духовенство и т.п.) были уволены наиболее квалифицированные сотрудники, на место которых были взяты новые лица, чья не только лояльность, но и преданность советской власти уже не вызывала сомнений. В результате чистки только в 1929 г. из Академии наук было уволено 38 человек.

В ходе этой проверки были обнаружены «документы исторической важности», которые якобы незаконно хранили у себя сотрудники аппарата. Газета «Труд» от 6 ноября 1929 г. писала: «В Академии Наук обнаружены материалы Департамента полиции, корпуса жандармов, Царской охранки. Академик Ольденбург отстранен от исполнения обязанностей секретаря Академии».

В заключении комиссии говорилось: «Некоторые из этих документов имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции, как внутри страны, так и за границей. В числе этих документов оригинал об отречении от престола Николая II и Михаила».

Именно «находка» Императорского «манифеста» стала для ОГПУ главной «уликой» в обвинении академиков, прежде всего историка С.Ф. Платонова, в заговоре с целью свержения советской власти и восстановления Монархии.

Как же эти важные документы оказались в Академии наук? Это становится понятно из сообщения в «Вестнике Временного правительства», сделанного в марте 1917 г.: «Приказом министра Временного правительства Керенского поручено академику Котляревскому вывезти из департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдет нужным, и доставить их в Академию Наук». Как пишет биограф академика С.Ф. Ольденбурга Б.С. Каганович: «В действительности о хранении в Академии наук документов новейшего времени, попавших туда по большей части в хаосе 1917—1920 гг., когда им угрожала физическая гибель, правительственные органы знали и ранее и не видели в этом опасности для режима».

29 октября 1929 г. комиссией был составлен документ, в котором давалось описание «манифеста». В документе сообщалось: «Документ напечатан на машинке. Внизу, с правой стороны имеется подпись «Николай», изображенная химическим карандашом. Внизу же, с левой стороны имеется написанная от руки цифра «2», далее напечатанное на машинке слово «марта», затем написанная от руки цифра «15», после чего имеется напечатанное на машинке слово «час». После этого следует подчистка, но явно проглядывается написанная от руки цифра «3», затем следует слово «мин», а дальше напечатанное на машинке «1917 г.». Внизу под этим имеется подпись «министр Императорского двора генерал-адъютант Фредерикс». Изображенная подпись Фредерикса **написана по подчищенному месту**».

Экспертиза найденных «отречений» проходила под руководством П.Е. Щеголева, того самого, который участвовал в создании фальшивых «дневников» Вырубовой и Распутина. Строго говоря, говорить о какой-либо экспертизе не приходится, так как были лишь сверены с оригиналами подписи Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. О результатах сверки было доложено комиссии: «Сверив подписи на упомянутых двух документах с бесспорными подписями «Николай II» и «Михаил», представленных

Н.Я. Костешевой, из документов хранящихся в Ленинграде в Центро-архиве, пришли к заключению, что как первый, так и второй документы имеют подлинные подписи, а потому являются оригинальными. Подпись: П. Щеголев».

Подчистки в документе, марка печатной машинки, соответствие ее шрифта шрифту 1917 г. — ничто не заинтересовало комиссию.

Так из недр сфальсифицированного большевиками «академического» дела, из заключения фальсификатора Щеголева появился на свет документ, на основании которого в сознании народа прочно закрепилось мнение, что Император Николай II отрекся от престола.

Порядок оформления Высочайших манифестов и псковский «манифест»

Большое количество образцов подлинников и черновиков манифестов в архивах России позволяет делать вывод о том, что в основном при Императоре Николае II проекты манифестов составлялись на пишущей машинке. Сверху, даже на проекте, ставилась шапка с титулом Императора: «Божией Милостию Мы Николай Второй...» и так далее. Далее следовал текст, а затем обязательно стояла следующая приписка, которая затем также в обязательном порядке переносилась в подлинник: «Дан в городе N, в такой-то день, такого-то месяца, в лето от Рождества Христова такое-то, в Царствование Наше такое-то». Далее шла следующая обязательная фраза, которая тоже переносилась затем в подлинник: «На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано НИКОЛАЙ». Причем в проекте имя Государя ставил проектировщик манифеста, а в подлиннике, естественно, сам Император. В самом конце проекта в обязательном порядке стояла фамилия его составителя. Например, «проект составил статс-секретарь Столыпин».

Под проектами манифестов Государь свою подпись не ставил. Имя «НИКОЛАЙ» в проекте писал его составитель, который и ставил в конце свою подпись. Поэтому, если бы мартовский «манифест» был проектом, то в конце его должна была стоять надпись: «Проект составил Алексеев», или «Проект составил камергер Базили».

Проект утверждался Императором Николаем II, который ставил на черновике соответствующую резолюцию. Например, на проекте манифеста о своем бракосочетании с Великой Княжной Александрой Феодоровной Николай II написал: «Одобрю. К напечатанию».

Когда проект был утвержден Государем, приступали к составлению подлинника. Текст подлинника манифеста обязательно переписывался от руки. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства Императорского Двора служили специальные переписчики, которые обладали специальным, особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось. Образцами Высочайшего манифеста являются манифесты о начале войны с Японией 1904 г. или о даровании Государственной Думы от 17 октября 1905 г.

После того как манифест переписывался рондистами, Государь ставил свою подпись. Подпись покрывалась специальным лаком. Далее, согласно ст. 26 Свода Законов Российской Империи: «Указы и повеления ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, в порядке верховного управления или непосредственно Им издаваемые, скрепляются Председателем Совета Министров или подлежащим Министром либо Главноуправляющим отдельною частью и обнародуются Правительствующим Сенатом».

Таким образом, манифест вступал в законное действие в момент его обнародования в Сенате. На подлиннике манифеста ставилась личная печать Императора. Кроме того, в печатном варианте манифеста ставилось число и место, где манифест был напечатан. Например, в печатном варианте манифеста Императора Николая II о восшествии на престол написано: «Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате октября 22 дня 1894 года».

«Манифест» об отречении напечатан на машинке, а не написан рондистом. Здесь можно предвидеть возражение, что во Пскове было невозможно найти рондиста. Однако это не так. Вместе с Государем всегда следовал свитский вагон во главе с К.А. Нарышкиным. Представить себе, чтобы во время поездок Государя во время войны в Ставку в этом свитском вагоне не было тех, кто мог составить по всем правилам Высочайший манифест или Императорский указ — невозможно! Особенно в тревожное время конца 1916 — начала 1917 г. Все было: и нужные бланки, и нужные писари.

Но даже если предположить отсутствие 2 марта во Пскове рондиста, Государь должен был сам написать текст от руки, чтобы ни у кого не вызывало сомнений, что он действительно отрывается от престола.

Но снова предположим, что Государь решил подписать машинописный текст. Почему же те, кто печатал этот текст,

не поставили в его конце обязательную приписку: «Дан в городе Пскове, во 2-й день, марта месяца, в лето от Рождества Христова Тысяча Девятысот Семнадцатое, в Царствование Наше двадцать третье. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано НИКОЛАЙ»? Начертание этой приписки заняло бы несколько секунд, но при этом была бы соблюдена предусмотренная законом формальность составления важнейшего государственного документа. Эта формальность подчеркивала бы, что манифест подписан именно Императором Николаем II, а не неизвестным «Николаем».

Вместо этого в «манифесте» появляются абсолютно ему не свойственные обозначения: «Г. Псков, 2-го марта, 15 час. 5 мин. 1917 г.». Ни в одном манифесте или его проекте нет таких обозначений.

Что мешало составителям «манифеста» соблюсти эту простую, но столь важную формальность? Что помешало Государю, опытнейшему политику, заставить внести эту формальность в «манифест»?

Далее: что помешало составителям «манифеста» поставить, пусть напечатанную на машинке, необходимую «шапку»: «Мы Божьей Милостию»? Вместо этого стоит странная надпись: «Ставка. Начальнику Штаба»:

«Ставка. Начальнику Штаба. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом едине-

нии с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принесся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России. Г. Псков, 2-го марта, 15 час. 5 мин. 1917 г.»

Мы видим, что текст этого манифеста является практически полным повторением проекта манифеста об ответственном министерстве и проекта манифеста об отречении в пользу Наследника Алексея Николаевича, с той разницей, что в этот текст введено имя Великого Князя Михаила Александровича.

Таким образом, нам известны авторы текста манифеста: это были генерал Алексеев, Базили и Великий Князь Сергей Михайлович. День его первоначального написания — 1 марта 1917 г., день, когда был составлен проект манифеста об ответственном министерстве. День его первой правки — ночь 2 марта, когда был составлен манифест об отречении. Но когда и кем был составлен третий вариант этого манифеста, передавший престол Великому Князю Михаилу Александровичу?

По нашему мнению, на основании этого текста в Петрограде был изготовлен фальшивый манифест, подделана подпись Императора Николая II и графа Фредерикса. Далее было оставлено место для даты и времени, которые были внесены позже.

Делать такую фальшивку в Ставке было неудобно: надо было искать образцы подписи Государя и Фредерикса, проводить долгую кропотливую работу. Надо заметить, что беспорядки и погромы в те февральские дни в Петрограде были строго контролируемые. Громили только того, кого заговорщикам надо было громить, и арестовывали только того, кого выгодно было арестовывать. Так, разгрому подверглись отделение контрразведки, помещение ГЖУ, полицейские участки, но оказались абсолютно не тронутыми военные командные учреждения, в частности Генеральный штаб.

Между тем, в окружении Гучкова еще задолго до переворота было большое количество офицеров и даже генералов Генштаба. Естественно, что в дни Февральского переворота эти связи были задействованы Гучковым в полной мере. По воспоминаниям многих очевидцев, Гучков был прямо-таки окружен офицерами-генштабистами. По-видимому, эти офицеры играли важную роль в поддержании связи Гучкова со Ставкой и штабом Северного фронта. Среди его ближай-

ших сторонников был генерал-лейтенант Генерального штаба Д.В. Филатьев. После Февральской революции он стал помощником военного министра Гучкова.

В условиях Генерального штаба изготовление фальшивого манифеста было делом не такой уж большой сложности. Как любой высший военный орган, русский Генштаб имел своих шифровальщиков и дешифровальщиков, имел и специалистов по выявлению подделок почерков, а также и по подделке документов.

На особую роль, которую сыграли в операции «Отречение» офицеры Генерального штаба, указывает разговор по прямому проводу между штаб-офицером для поручений при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта В.В. Ступиным и подполковником Генштаба при Ставке Б.Н. Сергеевским, который произошел в 23 час. 2 марта 1917 г. В это время Гучков и Шульгин уже прибыли во Псков. В разговоре Ступин сообщает Сергеевскому, что Алексеев посылает его искать в окрестностях Петрограда генерал-адъютанта Иванова. Ступин высказывает свое непонимание этого задания. Далее он говорит: «С минуты на минуту начнется ожидаемое решение всех вопросов. Является ли при таких условиях необходимой моя поездка? Спрашиваю об этом частным образом и вас прошу справиться у начальства оперативного отдела о необходимости моего выезда из Пскова, тем более, что при теперешней работе здесь нежелательно лишаться офицера Генерального штаба».

В связи с этим представляется весьма интересным заголовок, с которого начинается текст манифеста: «Ставка. Начальнику Штаба». Обычно считается, что имеется в виду генерал Алексеев. Однако когда Гучков вышел из Императорского вагона, он около 1 часа ночи 3 марта послал в Петроград следующую телеграмму: «Петроград. Начальнику Главного штаба. Зашифровал полковник Медиокритский. Просим передать Председателю думы Родзянко: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции».

Итак, вновь появляется адресат: «Начальник Штаба». Ясно, что речь идет не об Алексееве. Последнего в телеграммах и официальных документах было принято именовать «Наштаверх».

Примеры этому мы можем в большом числе встретить в телеграфной переписке времен германской войны и в переписке февраля—марта 1917 г. В телеграмме генерала Данилова генералу Клембовскому от 1 марта 1917 г.: «Главкосев

просит ориентировать его срочно, откуда у Наштаверха...» и т.д.; в телеграмме генерала Лукомского генералу Данилову от 2 марта 1917 г.: «Наштаверх просит испросить Высочайшее указание...»; в телеграмме генерала Болдырева генералу Лукомскому: «Начальник штаба поручил мне сообщить для доклада Наштаверху...»

Однако Государь в своих собственноручно написанных телеграммах к Алексееву обращался так: «Начальнику Штаба Верховного Главнокомандования. Ставка».

При этом текст телеграммы писался Государем на телеграфной четвертушке (именно на такой, по утверждению Шульгина, был напечатан текст «манифеста» об отречении). Сверху указывалось место отправления, число, время и фамилия отправившего телеграмму офицера. Причем слова «Начальнику Штаба В.Г.» писалось слева «четвертушки», а слово «Ставка» писалось справа. Почерк Императора покрывался специальным лаком. Поэтому очевидно, что телеграмма о «манифесте» отправлялась какому-то иному лицу, а не генералу М.В. Алексееву.

Этот заголовок «манифеста» («Начальнику Штаба») всегда волновал многих исследователей, которые не понимали и не понимают, почему вдруг Император Николай II направил важнейший акт Царствования генералу М.В. Алексееву? **На самом деле этот заголовок является важнейшим доказательством фабрикации манифеста об отречении.** И первым об этом проговорился сам А.И. Гучков на допросе ВЧСК летом 1917 г. Допрашивающий Гучкова член комиссии Иванов спросил: «Чем можно объяснить, что отречение было обращено, кажется, Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего»? На что Гучков ответил: «Нет, **акт отречения был безымянным.** Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось отправить его по следующим адресам: по адресу Председателя Государственной Думы Родзянко и затем по адресам главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках». Иванов вновь спрашивает Гучкова: «Так что, вы получили его на руки без обращения»? Гучков отвечает: «Без обращения».

Эти ответы выдают Гучкова с головой. Во-первых, он ни слова не говорит, что зашифрованный манифест им был направлен начальнику Главного штаба в Петроград, а не напрямую Председателю Государственной Думы. **А во вторых, и это главное, отрицание Гучковым заголовка «Начальнику Штаба» на манифесте означает, что он, Гучков, этот манифест не видел в глаза!** Так как заголовок этот стоит не на зашифрованном тексте телеграммы, а на «подлиннике» мани-

феста, под которым стоит «личная» подпись Государя! Через несколько лет другой «очевидец», Ю.В. Ломоносов, будет живописать, как он в первый раз увидел «манифест» утром 3 марта, когда его «привез» в Петроград Гучков: «Глаза всех впились в положенный мной на стол кусочек бумаги. «Ставка. Начальнику штаба».

Об этом адресате — «Начальнике Главного Штаба» (в других вариантах — Начальнике Штаба, Начальнике Генерального Штаба) следует сказать особо. Его имя появляется часто в революционной и масонской переписке начала XX в.

И под этим именем имеется в виду, конечно, вовсе не настоящий действующий начальник Генерального штаба русской армии.

Например, 20 мая 1914 г. охранное отделение перехватило странное письмо из Лозанны от одного из деятелей революционного движения. Письмо было направлено во «Всероссийский высший Генеральный Штаб, Его Превосходительству Главкомандующему». В этом письме, написанном единомышленнику, подробно описывалась грядущая революция в России. Заканчивалось оно следующими словами: «Что касается вашего Императора, ему будет обеспечено изгнание».

Итак, Гучков отправляет извещение о состоявшемся отречении Государя в Петроград начальнику Главного штаба и при этом сообщает, что зашифрованный текст манифеста отправляется немедленно этому же начальнику Главного штаба. **При этом Алексею не отправляется ничего!** Алексеев в разговоре с Родзянко 3 марта сообщил, что «Манифест этот был протелеграфирован мне из Пскова около двух часов ночи». **Однако нет никаких признаков, что М.В. Алексеев получил текст «манифеста» об отречении в пользу Михаила Александровича.** Ибо вплоть до 4 марта главнокомандующие не знали содержания этого текста, хотя, по словам Алексеева, он успел разослать его некоторым из них. Скорее всего, Алексеев знал только то, что сообщил А.И. Гучков: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича».

Как выглядел псковский «манифест»?

Доказательством подделки манифеста об отречении служит то обстоятельство, что описания манифеста самым существенным образом отличаются друг от друга. Как известно, имеющийся текст манифеста напечатан на одном обыкновенном листе бумаги.

А вот что пишет об этом Шульгин в книге «Дни»:

«Через некоторое время Государь вошел снова. Он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст...

Это были две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке».

То же самое Шульгин повторил на допросе ВЧСК: «Царь встал и ушел в соседний вагон подписать акт. Приблизительно около четверти двенадцатого царь вновь вошел в вагон — в руках он держал листочки небольшого формата. Он сказал:

— Вот акт отречения, прочтите».

Как мы уже говорили, описываемые Шульгиным телеграфные «четвертушки» действительно имели место при составлении Государем его телеграмм в Ставку. Наверняка Шульгин видел образцы таких телеграмм. Либо ему специально их показывали, чтобы он знал, как выглядят Царские телеграммы. Поэтому Шульгин так «правдоподобно» и лгал об этих «четвертушках». То, что его старшие поделники решат разместить свой подлог на большом листе бумаги, Шульгин в 1917 г. предположить не мог, и один раз заявив о «четвертушках», он был вынужден «вспоминать» о них и далее, даже вопреки здравому смыслу, когда уже стал широко известен «оригинал» на большом листе.

Кстати, по свидетельству Евгения Соколова, ставшего уже в советские годы крестным сыном престарелого Шульгина, который после освобождения из ГУЛага доживал свой век во Владимире, «Шульгин [...] напроочь отказывался пересказывать момент отречения Николая II и отправлял интересующихся к своей книге «Дни».

Не иначе как опасался запутаться в собственной лжи.

В отчете графа Нарышкина манифест становится рукописным: «Его Величество ответил, что проект уже составлен, удалился к себе, где собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается Великому Князю Михаилу Александровичу. [...] Приказав его переписать, Его Величество подписал манифест и, войдя в вагон-салон, в 11 час. 40 мин., передал его Гучкову. Депутаты попросили вставить фразу о присяге конституции нового Императора, что **тут же было** сделано Его Величеством».

Как мы понимаем, приписать можно только от руки. Кстати, Нарышкин не пишет, что после правки Царем манифест вновь переписывался. Значит, он был с правкой?

Журналист Самойлов, с которым Рузский беседовал летом 1917 г., уверял: «В заключение ген. Рузский показал мне подлинный акт отречения Николая II. Этот **плотный телеграф-**

ный бланк, на котором на пишущей машине изложен известный текст отречения, подпись Николая покрыта верниром (лаком)».

Чем отличается телеграфный бланк от простого листа бумаги? На телеграфном бланке стоит минимум слово «телеграмма», а максимум название телеграфа. Ничего этого на бумаге с текстом манифеста нет.

О телеграфных бланках говорит и Мордвинов: «Первый экземпляр (манифеста. — П.М.), напечатанный, как затем и второй, в нашей канцелярии на машинке, **на телеграфных бланках**, Государь подписал карандашом».

Из всех «участников событий», только Гучков на допросе ВЧСК дал описание манифеста, похожее на найденный в Академии наук оригинал. «Через час, или полтора, Государь вернулся и передал мне бумажку, где на машинке был написан акт отречения, и внизу подписано «Николай». Но Гучков, как мы помним, утверждал, что текст не имел шапки «Начальнику Штаба».

Гучков утверждал также, что, по настоянию Шульгина, Императором были сделаны поправки в тексте манифеста, но манифест более не перепечатывался. Опять-таки получается, что он был с поправками?

Примечательно, что известные нам образцы пресловутого «манифеста» имеют иногда существенные, а иногда небольшие отступления от «оригинала», что совершенно было бы невозможно, если бы этот текст был действительно составлен и подписан Государем.

В камер-фурьерском журнале над текстом «манифеста» появляется шапка: «Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича». Далее следует общеизвестный текст, в конце которого следует приписка, которой заканчивались все Высочайшие манифесты: «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукой написано: «НИКОЛАЙ». Гор. Псков, 15 час. 5 мин. 1917 г. Скрепил министр Императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Как мы знаем, этой приписки нет в оригинале «манифеста», как и нет названия документа: «Акт об отречении».

Манипуляции с манифестом после отъезда думских депутатов из Пскова

Сразу же после того, как Гучков и Шульгин уехали из Пскова, захватившая власть оппозиция начала новый виток политической игры. На этом витке М.В. Алексеева стали отодвигать от активного участия в дальнейшем развитии событий.

В час ночи 3 марта генерал М.В. Алексеев в своей телеграмме объявил командующим о получении им телеграммы генерала Н.В. Рузского об отречении Императора Николая II в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Руководство Ставки и Северным фронтом, которых М.В. Родзянко так настойчиво убеждал в необходимости скорейшего манифеста об отречении, были уверены, что о манифесте можно и нужно немедленно объявить армии и начать присягать новому Императору Михаилу. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А.Е. Эверт 3 марта поспешил послать из Минска в Петроград на имя Родзянко телеграмму, в которой известил, что он и войска фронта по получении манифеста Государя Императора Николая II возносят «молитвы Всевышнему о здравии Государя Императора Михаила Александровича, о благоденствии Родины, даровании победы» и приветствуют «в вашем лице Государственную думу, новое правительство и новый государственный строй».

Однако эта телеграмма генерала А.Е. Эверта никогда не была передана адресату, так как была задержана в Ставке генералом Алексеевым. Когда 5—6 марта А.Е. Эверт стал допытываться, почему никто не знает о его проявлении лояльности «новому государственному строю», он пожаловался Гучкову в Петроград. Временное правительство запросило М.В. Алексеева, и тот ответил, что телеграмма А.Е. Эверта от 3 марта не была передана «из Ставки, так как ее редакция уже не соответствовала тому государственному строю, который установился к моменту получения телеграммы».

За этой туманной фразой скрывалась интрига, которая развернулась вокруг «манифеста» Николая II и «манифеста» Великого Князя Михаила Александровича. Алексеев в телеграмме Данилову приказал об отречении сообщить войскам округа, а «по получении по телеграфу манифеста, также по телеграфу передать (его) в части войск открыто и кроме того напечатать».

Но в 5 часов утра 3 марта Рузский был вызван по прямому проводу Родзянко и Львовым. Родзянко заявил Рузскому, что «чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти Великому Князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом». Далее Родзянко заявил Рузскому, что «с регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как Императора абсолютно неприемлемо».

Ответ Рузского Родзянко не может не поражать отношением первого к личности Монарха и его воле, которая якобы

была выражена только что подписанным манифестом. Русский спросил: «Михаил Владимирович, скажите для верности, так ли я вас понял: значит, всё остается по-старому, как бы манифеста не было?».

Узнав от Родзянко, что сформировано Временное правительство с князем Львовым во главе, Русский сказал: «Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в Ставке».

Родзянко «не забыл» сообщить в Ставку то, что он сказал Русскому. В 6 часов утра он связался по телеграфу с Алексеевым и повторил свою просьбу не печатать никакого манифеста «до получения от меня соображений, которые одни сразу смогут прекратить революцию».

В ответ Алексеев, плохо сдерживая раздражение, заявил, что манифест уже сообщен главнокомандующим и Великому Князю Николаю Николаевичу.

Тем не менее в 6 час. 45 мин. Алексеев своей телеграммой запретил ознакомлять с манифестом всех, кроме «старших начальствующих лиц». Но нет никаких признаков того, что с этим текстом ознакомились даже они. Шло время. Ни из штаба Русского, ни из Петрограда никаких сведений о дальнейшей судьбе манифеста в Ставку не поступало. Среди военного руководства всё больше нарастало недоумение и беспокойство.

3 марта в 15 часов на связь с М. В. Алексеевым вышел генерал А. А. Брусилов. «Дальше войскам трудно не объявлять (о манифесте. — П. М.), — сообщил он. — Слухи до них дошли, многое преувеличено и просят отдачи какого-либо приказа».

А. А. Брусилов сделал М. В. Алексееву предложение, которое свидетельствует о том, что командующий Юго-Западным фронтом ничего не знал об отречении Николая II в пользу своего брата. «Мне кажется, — уверял он Алексеева, — что нужно объявить, что Государь Император отрекся от престола и что вступил в управление страной Временный комитет Государственной думы, и что составлен комитет министров, и воззвать к войскам, чтобы они охраняли своей грудью Матушку-Россию».

Алексеев поддержал Брусилова и сказал ему, что «не может добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату и выслушал мое решительное сообщение о невозможности далее играть в их руку и замалчивать манифест».

Не дождавшись разговора с Родзянко, генерал Алексеев в 18 часов 3 марта добился разговора по прямому проводу с Гучковым. Алексеев настаивал на скорейшем опубликовании манифеста, доказывая, что «скрыть акт столь великой важности в жизни России — немислимо». В ответ Гучков со-

обшил, что обнародование манифеста невозможно, так как «Великий Князь Михаил Александрович, вопреки моему мнению и мнению Милюкова, решил отказаться от престола. Обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи».

Поздно вечером 3 марта состоялся разговор по прямому проводу между А.С. Лукомским и М.В. Родзянко, в котором Лукомский передал председателю Государственной Думы настойчивое требование главнокомандующих «об опубликовании акта 2 марта».

Между тем от командующих армиями стали поступать интересные предложения, что следует делать далее с «манифестами». Так, командующий 3-й армией генерал от инфантерии Л.В. Леш рассуждал, что «раз манифест объявлен в некоторых местностях, то мне кажется, лучше его придержать».

Командующий 10-й армией генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский предлагал исправить манифест, «вернув» престол цесаревичу Алексею, а регентом сделать Великого Князя Николая Николаевича.

Вопреки запретам Ставки о недопустимости разглашения сведений о манифесте, отдельные командующие, не в силах молчать перед вопрошающим давлением сотен тысяч людей, официально о нем объявляли.

Когда военные круги стали узнавать об отречении Михаила Александровича, их недоумение и тревога стали возрастать. Лукомский по аппарату заявил генералу Квецинскому, что «манифест Великого Князя Михаила Александровича может быть апокрифичен». Только в 14 час. 43 мин. 4 марта в Ставку пришла телеграмма А.И. Гучкова, извещающая, что оба манифеста «опубликованы четвертого утром в номере 8 «Известий».

В камер-фурьерском журнале за 1917 г. имеется следующая запись от 2 марта: «Сего числа прибыли в г. Псков представители Временного правительства военный министр Гучков и член Государственной Думы Шульгин, и в 9 часов 40 минут были приняты в Императорском поезде и доложили о происходящем в Петрограде революционном движении».

Однако из протоколов допроса ВЧСК самого Гучкова видно, что он уезжал во Псков, не будучи еще назначенным военным министром. Ничего не знали об этом назначении ни в Ставке, ни в штабе Северного фронта. В 16 час. 50 мин. 2 марта 1917 г. генерал Данилов из Пскова телеграфировал генералу Алексееву, что «около 19 часов Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина». В 20 час. 48 мин. того же дня

Данилов телеграфировал генералу Клембовскому, что «поезд с депутатами Гучковым и Шульгиным запаздывает».

В стране и армии о назначении Гучкова военным и морским министром стало известно только днем 3 марта 1917 г. Свою телеграмму из Пскова от 2 марта Гучков подписал просто своей фамилией, без указания какой-либо должности. Наконец, первые сведения об образовании и составе Временного правительства в Ставке получили лишь днем 3 марта. Таким образом, делопроизводитель камер-фурьерского журнала, делавший запись 2 марта 1917 г., **не мог называть Гучкова «военным министром»**. Последнее приводит нас к выводу о том, что камер-фурьерский журнал оформлялся после происшедших событий, то есть фальсифицировался.

Отъезд Государя в Ставку. Последнее обращение к войскам и официальный арест Государя

В 1 час 28 мин. ночи 3 марта генерал Ю.Н. Данилов сообщил генералу Алексееву, что «Его Величество выезжает сегодня, примерно в 2 часа, на несколько дней в ставку, через Двинск». Эта последняя поездка Николая II в Ставку, якобы для того, чтобы проститься с войсками, похоже, была также инспирирована генералитетом по соглашению с Временным правительством.

Говоря о мотивах поездки Николая II в Ставку, нельзя забывать, что Царь не был свободен в своих действиях. Вечером 3 марта свергнутый Император прибыл в Могилев, где он был встречен со всеми подобающими почестями. Но, несмотря на кажущуюся почтительность руководства Ставки, Император в Могилеве продолжал оставаться несвободным. Когда 5 марта Николаю II наконец разрешили связаться по телефону с семьей, он в разговоре с Императрицей сказал: «Я думал, что смогу приехать к вам, но меня не пускают».

Для А.И. Гучкова отправление Императора в подконтрольную Ставку никакой опасности не представляло. Наоборот, он был уверен, что именно там Царь будет находиться под надежным контролем. Недаром А.А. Бубликов вспоминал, что на его недоуменный вопрос, почему Николай II находится в Ставке, Гучков спокойно ответил: «Он совершенно безвреден».

4 марта 1917 г. в Могилеве состоялся последний доклад Императору Николаю II о положении дел на фронте. Делавший доклад генерал М.В. Алексеев заметно волновался, но под влиянием вопросов Императора Николая II, его замечаний и указаний стал докладывать как обычно.

С 4 по 8 марта Царь регулярно встречался и общался со своей свитой, со своей матерью, вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, приехавшей к нему из Киева 4 марта (с 1919 года она находилась в эмиграции и на родине, в Дании).

8 марта Государь попытался в последний раз обратиться к своим войскам. Обращение получило название «Последний приказ Императора Николая II». Текст этого обращения широко известен. Однако он представляет собой не текст, составленный Императором Николаем II, а текст, изложенный в приказе начальника штаба М.В. Алексеева. Между тем имеется документ с подлинным обращением Императора Николая II к войскам. Он написан рукой Государя и направлен с сопроводительным письмом для подшивания к делу. Приведем полностью этот документ:

«Текст обращения Николая II к войскам после отречения от престола. Генерал-квартирмейстеру при Верховном Главнокомандующем 10 марта 1917 г. № 2129. Дежурному генералу при Верховном Главнокомандующем. По приказанию Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего препровождать при сем собственноручную записку отрекшегося от Престола Императора Николая II Александровича, каковую записку Начальник Штаба приказал подшить к делу Штаба Верховного Главнокомандующего для хранения, как исторический документ.

Приложение: записка. Генерал-лейтенант Лукомский. Генерального штаба подполковник: Барановский.

К вам, горячо любимые мною войска, обращаюсь с настоятельным призывом отстоять нашу родную землю от злого противника. Россия связана со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе. Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его, тот изменник своего Отечества — предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг, как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию изо всех сил. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы (дисциплины) только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах безпредельная любовь к Родине. Да благословит вас Господь Бог на дальнейшие подвиги и да ведет вас от победы к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Попав под цензуру М.В. Алексеева, обращение Царя претерпело значительные изменения. Обращение Императора Николая II было искусно подправлено Алексеевым и отпечатано на машинке. Генерал Н.М. Тихменев, уже находясь

в эмиграции, в 1939 г. свидетельствовал о событиях марта 1917 г.: «8 марта, вернувшись в свой кабинет, я нашел на столе вот этот самый листок, который я держу в руках. Это — приказ начальника штаба от 8 марта, напечатанный в штабной типографии. «Приказ начальника штаба верховного главнокомандующего 8 марта 1917 г. № 371. Отрекшийся от престола Император Николай II, перед своим отъездом из района действующих армий, обратился к войскам со следующим прощальным словом: (далее идет текст обращения с поправками Алексеева. — П.М.). 8 марта 1917 г. Ставка. Подписал: Начальник штаба, генерал Алексеев».

После правки Алексеева в текст обращения были добавлены фразы, которых не было в Царском обращении — о том, что «после отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия» и «повинуйтесь временному правительству».

8 марта 1917 г. Император Николай II был арестован в Могилеве прибывшими из Петрограда представителями Думы во главе с А.А. Бубликовым. Объявить Царю об аресте посланцы Думы поручили генералу Алексееву, который не погнушался его исполнить. На слова генерала М.В. Алексева, что он в своих действиях руководствовался любовью к Родине, Николай II пристально посмотрел на генерала и ничего не сказал.

В тот же день новый командующий Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов по приказу Временного правительства арестовал в Александровском дворце Императрицу Александру Феодоровну и Царских Детей.

Выводы

Сегодня можно говорить с большой степенью уверенности о подделке «манифеста» Императора Николая II.

Самым веским косвенным доказательством подделки, полной или частичной, дневников Императора Николая II служат слова самого Императора, сказанные им А.А. Вырубовой после того, как он был доставлен из Могилева в Александровский дворец. Говоря о пережитых им днях во Пскове, Николай II сказал ей: «Видите ли, это все меня очень взволновало, так что **все последующие дни я не мог даже вести своего дневника**».

Еще одним косвенным доказательством может быть фальсификация дневников Императрицы Александры Феодоров-

ны. Ю.Ден вспоминала, что 6 марта 1917 г. она «совершила акт наихудшей формы вандализма, убедив Ее Величество уничтожить свои дневники и корреспонденцию. На столе стоял большой дубовый сундук. В нем хранились все письма, написанные Государем Императрице во время их помолвки и супружеской жизни. Я не смела смотреть, как она разглядывает письма, которые так много значили для нее. Государыня поднялась с кресла и, плача, одно за другим бросала письма в огонь. После того, как Государыня предала огню письма, она протянула мне свои дневники, чтобы я сожгла их. Некоторые из дневников представляли собой нарядные томики, переплетенные в белый атлас, другие были в кожаных переплетах. «Аутодафе» продолжалось до среды и четверга».

Дневник Николая II за февральские и мартовские дни не совпадает с официальными документами Ставки и Северного фронта. Имеется разница в дате приема Царем генералов Рузского, Данилова и Савича, во времени отъезда Николая II из Пскова ночью 3 марта и во времени прибытия в Могилев 4 марта и т.д.

Начиная с 28 февраля 1917 г. и заканчивая днем убийства 17 июля 1918 г. (по Григорианскому стилю) Император Николай II был не просто лишен свободы, но **находился в полной информационной блокаде**. Вместе с ним, начиная с марта 1917 г. и заканчивая Ипатьевским домом, в такой же блокаде находилась его семья и приближенные. Многие, с кем Государь мог говорить на тему событий в Пскове, были убиты.

Император Всероссийский не мог говорить о делах государственной важности с любыми окружавшими его людьми, как бы хорошо он к ним ни относился.

Общаться на такие темы Государь мог только с равными себе. Таким человеком в свите Государя в дни его царскосельского и тобольского заточения был князь В.А. Долгоруков, убитый большевиками в Екатеринбурге. Кто знает, о чем разговаривал с ним Государь? О чем он разговаривал с графом И.Л. Татищевым, еще одним верным представителем русской знати, пошедшим за своим Царем в заточение и на мученическую смерть?

Кроме Императрицы, Николай II мог делиться информацией о подложности манифеста только с ними. То, что Император не говорил с окружающими его в заточении людьми или даже не отрицал факта отречения, вовсе не означает, что он подписывал манифест. **Молчание Императора Николая II заключалось еще и в том, что он увидел во всем происшедшем Божию Волю, пред которой, как православный человек и Монарх, он не мог не склониться.**

Совершенно очевидно, что операция «Отречение», осуществленная заговорщиками в феврале-марте 1917 г., хотя и является неслыханной по своим масштабам, цинизму и тяжким последствиям, не была, тем не менее, исключительным и самостоятельным явлением. Через год и 8 месяцев подобная же «операция» была осуществлена в Германии при свержении с престола германского императора Вильгельма II. И хотя между личностями Императора Николая II и кайзера Вильгельма существует принципиальная разница морального характера, нельзя не заметить, что свержение Вильгельма II было осуществлено теми же силами и по тому же сценарию, что и свержение русского Государя.

Режиссерами переворота в Германии в ноябре 1918 г. были те же люди, что организовали Февральский переворот в России. Сразу же после свержения монархии в России «серый кардинал» тайного банкирского сообщества Уолл-стрит «полковник» М. Хаус заявил: «Теперь мы начнем сбивать кайзера с насеста». Интересно, что революционные волнения начались в Берлине после того, как Император Вильгельм уехал в свою ставку в бельгийский город Спа. 9 ноября 1918 г. кайзер приказал войскам двигаться на подавление мятежа и услышал от своего начальника Генерального штаба генерала В. Гренера, что армия «больше не является оплотом вашего величества». Гренер был тесно связан с заговорщиками, которые обещали ему пост рейхсканцлера. Рейхсканцлер принц Макс Баденский позвонил кайзеру из Берлина и заявил, что только отречение может спасти страну от гражданской войны. После того как Вильгельм II отказался от отречения, на него стали оказывать давление его генералы, в частности генерал-фельдмаршал фон Гинденбург. Пока Вильгельм II пребывал в раздумье, **Макс Баденский, не дожидаясь манифеста, объявил в Берлине об отречении кайзера в пользу сына.** Накануне принц получил заверения от американского президента, что речь идет только об отречении императора Вильгельма, но никак не о свержении монархии в Германии. Но как только было объявлено об отречении кайзера, депутат рейхстага социал-демократ Филипп Шейдеман провозгласил Германию республикой.

Мы видим, что свержение императора Вильгельма II обошлось безо всякого его манифеста об отречении, хотя о таком было объявлено всему миру!

Таким образом, совершенно очевидно, что ни с юридической, ни с моральной, ни с религиозной точек зрения для поданных Государя никакого отречения от престола со стороны Царя не было. **События в феврале-марте 1917 г. были ничем**

иным, как свержением Императора Николая II с прародительского Престола; незаконное, совершённое преступным путем, против воли и желания Самодержца, лишение его власти.

Следует отметить, что в июле-августе 1917 года Временным правительством был разработан проект о введении новых государственных праздников, среди которых был и «День Великой Русской Революции», 27 февраля. Проект был представлен на рассмотрение Синода обер-прокурором А.Карташёвым 3 августа 1917 года. Есть основания предполагать, что этот проект был принят, так как в декрете СНК России от 29 октября 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне» упоминается выходной день 27 февраля. Позднее был установлен праздничный «День низвержения самодержавия», 12 марта (27 февраля). Этот «праздник» был официально введен в календарь 10 декабря 1918 года, когда ВЦИК принял Кодекс законов о труде, содержащий «Правила об еженедельном отдыхе и о праздничных днях», где среди праздников был и «День низвержения самодержавия», 12 марта. Отмечался большевиками вплоть до 1940 года, когда был отменен Иосифом Виссарионовичем Сталиным (Постановление СНК СССР от 27 июня 1940). Таким образом, и большевики, и некоторые февралисты датировали свержение Самодержавия четырьмя днями раньше опубликования так называемого «манифеста» об отречении.

**«Отказ» Великого Князя Михаила Александровича
воспринять престол.
Свержение русской Монархии**

Ночью 3 марта 1917 г. руководство Временного комитета Государственной Думы получило известие о «манифесте» Императора Николая II и о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу. Для главы Комитета М.В. Родзянко это известие не стало неожиданным. П.Н. Милюков вспоминал: *«Родзянко и Львов ждали в военном министерстве точного текста манифеста, чтобы выяснить возможность его изменения. В здании Думы министры и временный комитет принимали меры, чтобы связаться с Михаилом Александровичем и устроить свидание с ним утром. Родзянко принял меры, чтобы отречение Императора и отказ Михаила были обнародованы в печати одновременно. С этой целью он задержал напечатание первого акта. Он, очевидно, уже предусматривал исход, а может быть, и сговаривался по этому поводу».*

Эти слова Милюкова лишний раз доказывают, что манифест об отречении в пользу Михаила Александровича был задуман заговорщиками заранее. Сразу же Родзянко и Ке-

ренский заявили, что вступление на престол Великого Князя невозможно. «С регентством Великого Князя, — заявил Родзянко генералу Алексею, — и воцарением Наследника Цесаревича, быть может, и помириться бы, но кандидатура Великого Князя как Императора ни для кого не приемлема, и вероятно гражданская война». То же самое сообщил он и генералу Рузскому.

Вслед за Родзянко и Керенским против кандидатуры Великого Князя выступил и В.В. Шульгин, только что вернувшийся из Пскова. *«Не объявляйте Манифеста, — сказал он Милюкову. — Произошли серьезные изменения. Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет... совершенно... необходимо упоминание об Учредительном собрании... Не делайте никаких дальнейших шагов, могут быть большие несчастья. Немедленно приезжайте на Миллионную, 12. В квартиру князя Путятина. Там Великий Князь Михаил Александрович... и все мы едем туда... пожалуйста, поспешите...»*

Из слов В.В. Шульгина об Учредительном собрании, главным требованием Керенского, становится понятно, что Шульгин действовал с Керенским заодно.

Великий Князь Михаил Александрович был обманом приглашен Родзянко приехать из Гатчины в Петроград и затем насильственно содержался («был заперт» — по определению полковника Б.В. Никитина) на улице Миллионной, дом 12, в квартире князя П.А. Путятина.

Не случайно, как пишет Б.В. Никитин уже после февральских событий, Великий Князь высказывал «совершенно особенное недовольство против Родзянко».

В конце дня 1 марта его посетил Великий Князь Николай Михайлович и английский посол Бьюкенен. Решение о встрече с Великим Князем Михаилом Александровичем было принято сразу же после того, как стало известно об объявлении манифеста Государя с отречением в пользу брата в целом ряде воинских частей, вопреки намерениям временщиков.

Рано утром члены ВКГД Родзянко, Милюков, Керенский, Гучков, Шульгин прибыли на Миллионную улицу. То, что произошло там, покрыто таким же мраком, как и обстоятельства отречения Императора Николая II. Все, что сегодня известно, основывается на воспоминаниях заговорщиков, а потому вызывает весьма сомнительное доверие. Интересно, что в дневниках Великого Князя Михаила Александровича полностью отсутствуют какие-либо сведения об этой исторической встрече.

Особняк, где находился Михаил Александрович, полностью контролировался вооруженными людьми Керенского.

По собственному признанию, Керенский сказал Великому Князю: «Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества»!

3 марта 1917 г. заговорщиками был сфабрикован документ, в результате которого Монархия в России перестала существовать. Под диктовку лидеров ВКГД масон В.Д. Набоков написал текст, который либо дали подписать Великому Князю Михаилу Александровичу, либо подделали его подпись. Имеются большие сомнения, что Михаил Александрович подписал акт 3 марта. Когда Великий Князь Михаил Александрович находился уже в ссылке в Перми, к нему 26 мая (по новому стилю) 1918 г. пришел журналист С.В. Яблоновский и взял у него интервью. При этом присутствовал секретарь Великого Князя Н. Джонсон. Он рассказал журналисту о событиях 3 марта: «После беседы с общественными деятелями, из которых, как известно, одни стояли за отречение от Престола, а другие — за принятие власти, было решено, что на другой день (4 марта) все отправятся к военному министру (т.е. Гучкову), и там вопрос решится окончательно. В Петрограде в это время было неспокойно, шла перестрелка, поездка представлялась небезопасной. Я отправился вперед, чтобы по возможности устранить эти опасности. К удивлению, я узнал, что ни одно из лиц, которые должны были ехать с Великим Князем к министру, не явились. Великий Князь отправился к министру один, и результатом их беседы было окончательное отречение от Престола».

Таким образом, 3 марта Великий Князь Михаил Александрович никак не мог подписать следующий текст:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею Брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину безпримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том случае воспринять Верховную Власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всюю полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. 3-III. 1917г. Михаил». Интересно, что сам В.Д. Набоков называл этот «акт» «пустой бумажкой».

Глубинную сущность этого документа хорошо понял эмигрантский историк И.П. Якобий:

«В чем заключается смысл этого акта? Ведь было совершенно очевидно, что Учредительное собрание, созванное под давлением правительства государственного переворота, никогда не признает прав Великого Князя. Итак, его условный отказ был, в действительности, замаскированным отречением. Но для чего гг. Набокову, Нольде, Шульгину и их хозяевам нужен был этот лицемерный обман? Цель здесь совершенно ясна: если бы Великий Князь Михаил Александрович, или, точнее, Император Михаил II, формально отрекся от Престола, то, согласно Основным Государственным законам, право на Престол автоматически перешло бы к следующему по старшинству Представителю Императорского Дома; отрекись и он, право это переходило бы последовательно к другим представителям Династии, и среди них могло оказаться лицо менее покладистое, чем Великий Князь Михаил Александрович. Этого ни в коем случае допустить не хотели. Нужно было положить вообще конец Монархии в России, и потому одного отречения Великого Князя Михаила Александровича было недостаточно. Но, не отрекаясь от Престола, а лишь временно отказываясь от «восприятия» верховной власти, Великий Князь парализовал на неопределенный срок всякую возможность не только реставрации, но хотя бы предъявления другим лицом права на Престол, который вакантным еще не мог почитаться».

О полном беззаконии, совершенном в марте 1917 г., писал выдающийся русский правовед и историк М.В. Зызыкин:

«Когда Император Николай II 2 марта 1917 г. отрекся за себя от Престола, то акт этот юридической квалификации не подлежит и может быть принят только как факт в результате революционного насилия. Так как право на наследование Престола вытекает из закона и есть право публичное, то есть прежде всего обязанность, то никто, и в том числе Царствующий Император, не может существующих уже прав отнять, и таковое его волеизъявление юридически недействительно; таким образом, отречение Государя Императора Николая II за своего сына Вел. Кн. Цесаревича Алексея ни одним юристом не будет признано действительным юридически. Отречение за него было бы недействительно и в том случае, если бы происходило не при революционном насилии, а путем свободного волеизъявления, без всякого давления. Великий Князь Алексей Николаевич мог отречься только по достижении совершеннолетия в 16 лет. До его совершеннолетия управление государством в силу ст. 45 Основных Законов

должно было перейти к ближнему к наследию Престола из совершеннолетних обоего пола родственников малолетнего Императора, то есть к Вел. Кн. Михаилу Александровичу. Последний также сделался жертвой революционного вымогательства, а малолетний Великий Князь Алексей Николаевич был пленен вместе с своими родителями так называемым временным правительством. Осуществить свои права на Престол, как подобает посредством Манифеста, в таковых обстоятельствах он не мог.

Великий Князь Михаил Александрович издал так называемый манифест. Предположим, что это акт свободного волеизъявления; как тогда надо определять его юридическую силу? Вел. Кн. Михаил Александрович отказался сделаться Императором, но не ввиду того, что он не имел права вступить на Престол при наличности в живых Великого Князя Алексея Николаевича, он не заявил и того, что он считает себя обязанным настаивать на правах Великого Князя Алексея на Престол, а себя считать лишь Правителем Государства. Он, напротив, заявил, что готов принять Престол, но не в силу Основных Законов, от чего он *expressis verbis* отказался, а в силу права революции, выраженного через учредительное собрание по известной четыреххвостке. Если бы даже таковое собрание состоялось и, установивши новый образ правления, избрало бы его Государем, то Великий Князь Михаил Александрович вступил бы уже не на Трон своих предков Божьей Милостью, а на волею народа созданный трон по избранию от воли народа; вместе с тем это было бы упразднением православно-легитимного принципа Основных Законов, построенных на монархическом суверенитете. Признание права за учредительным собранием устанавливать образ правления есть отказ от монархического суверенитета и устройство политической формы правления на народном суверенитете, то есть на «многоятежном человечества хотении». Этим он упразднил бы все традиции предшествующей истории и продолжил бы ее на радикально противоположном принципе в европейском демократически-эгалитарном стиле.

Таким образом, 2 и 3 марта 1917 г. в России была насильственно, путем небывалого подлога, свергнута многовековая русская Самодержавная Монархия. К власти преступным путем пришло нелегитимное Временное правительство, состоящее из февральских заговорщиков.

«ХОЗЯЕВА ДЕНЕГ» ТОПЯТ РОССИЮ

(Беседа профессора кафедры международных финансов МГИМО, доктора экономических наук, члена-корреспондента Академии экономических наук и предпринимательства, председателя Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова Валентина Катасонова с корреспондентом интернет-газеты «Колокол России»)

— Валентин Юрьевич, в ваших лекциях и статьях красной нитью проходит идея о том, что мы живем в так называемую постденежную эпоху. Справедливо ли утверждать, что деньги сегодня являются лишь политическим инструментом, они перестали быть реальным эквивалентом товаров и услуг?

Валентин Катасонов: Скажем так, деньги перестали эффективно выполнять свои две базисные функции — меру стоимости и средство обмена/обращения. После того, как они стали еще и средством накопления, их первичное назначение во многом нивелировалось. Это можно сравнить с современным телефонным аппаратом — смартфоном. Исходная функция телефона — средство

ЭКСПЕРТЫ

голосовой связи, но сейчас она задвинута на второй план кучей других опций, которые из второстепенных для многих уже стали основными. Мы получаем такую многоплановую игрушку и большое количество вариантов, как использовать ее в своих интересах. С деньгами происходит примерно то же самое.

— *Есть ли у России хоть какой-то шанс состояться экономически, играя по правилам «хозяев денег»? Реально ли нам завоевать свое место под солнцем среди акционеров ФРС США, крупнейших банков и транснациональных корпораций?*

В.К.: Это бесполезное занятие. Недавно в одной из бесед с коллегой я вспоминал работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где совершенно трезво утверждалось, что Россия уже опоздала в клуб империалистических государств.

Дальнейшее развитие России по пути капитализма приведет лишь к тому, что мы прочно обоснуемся на периферии этой мировой системы — на условиях колонии или вассала для империалистических метрополий.

Сейчас попасть в этот элитный клуб так называемого «золотого миллиарда» невозможно — там идет своя грызня. Показателен пример Аргентины и Греции, которые совсем недавно в нем числились, а ныне официально переведены в ряд развивающихся экономик.

— *Ну, а Россия, кажется, из развивающихся никогда выше и не прыгала... Каково же наше место в существующей финансовой иерархии?*

В.К.: Иногда я сравниваю эту систему со структурой большого морского судна: там есть верхняя палуба, средняя палуба, нижняя палуба и трюм. Так вот, Россия сейчас находится в трюме, на самом дне мировой экономики.

— *Еще до значительного падения цен на нефть экономику России начало лихорадить. Стабильно снижается производство в аграрном и реальном секторе, медленно вымирает малый и средний бизнес. При этом российские банки жалуются, что почти 50% рублевой денежной массы изъято из экономики в госрезервы. Соответственно, банкиры вынуждены поднимать ставки по всем кредитам. Статистические показатели — вопиющие, вот только непонятно, где искать корень наших проблем?*

В.К.: Все довольно просто — за денежную массу и ее перемещения отвечает денежная власть. В нашем случае — Министерство финансов и Центральный банк. Безусловно, они являются частью той системы, которую я условно называю колониальной администрацией.

Метрополии сильная колония ни к чему, ей нужно: а) ослабить Россию; б) превратить ее в удобный объект для управления; в) продолжать ее доить. Вот наши денежные власти и решают эти задачи, причем весьма эффективно.

Почему 50% рублевой массы изымается из оборота вопреки здравому смыслу? Да потому, что Центробанку очень помогает Минфин, который концентрирует так «излишки денег» на казначейских счетах и в различного рода резервных фондах.

— *Вы неоднократно говорили о том, что в декабре 2014 года у нас было достаточно валютных резервов и положительное сальдо платежного баланса. То есть рубль вообще должен был идти в гору, а его обвал очень напоминал спланированную диверсию. Вы указывали на грубейшее нарушение статьи 75 Конституции РФ, за которое Эльвиру Набиуллину и ее команду следовало бы привлечь к ответственности. Но вместо этого мы видим лишь мировое признание со стороны банкиров и оценку «отлично» работы Набиуллиной от президента Владимира Путина...*

В.К.: Да, по моему мнению, это была спланированная и очень непростая в плане осуществления для «хозяев денег» диверсия. Именно поэтому «подвиг» Набиуллиной затем вызвал бурный восторг у представителей нашей метрополии. В декабре 2014 года у России не было никаких предпосылок для того, чтобы ронять рубль. И ранее, кстати, сам Центробанк выступал с заявлениями, что обвала рубля быть не может, потому что у России положительное сальдо платежного баланса и достаточные золотовалютные резервы. Согласно любому учебнику экономики, курс рубля должен был в таких условиях расти, а не падать. К сожалению, ни профессора, ни авторы учебников даже не пытались объяснить этот феномен. Они по-прежнему твердят, что сальдо платежного баланса прямым образом влияет на рост или падение валюты. Произошедшее в декабре им, судя по всему, абсолютно не интересно.

— *Значит, получается, что финансовая элита РФ под руководством ЦБ последовательно продолжает демонтаж всей национальной экономики?*

В.К.: Безусловно, я рассматриваю происходящее как целенаправленные действия нашей колониальной администрации. К моему большому сожалению, слова Владимира Путина на прошлогоднем октябрьском форуме «Россия зовет!» обнуляют все очки, которые он набирал в последние полтора года — я имею в виду присоединение Крыма, борьбу с международным терроризмом в Сирии и т.д. На форуме

Путин выступил как рафинированный экономический либерал, озвучив такие вещи, о которых сегодня стесняются говорить даже руководители министерств и отдельных органов исполнительной власти.

Во-первых, президент упомянул о необходимости привлечения иностранного капитала, хотя мы все прекрасно видим, что против России сейчас ведется финансовая война. Приглашать иностранный капитал в такой ситуации — значит фактически позволять противнику зайти с тыла. В нашей истории уже были случаи, когда в страну в больших объемах попадал иностранный капитал — ничем хорошим это не заканчивалось. Во-вторых, он сказал о будущем расчленении единой корпорации РЖД, то есть фактически предложил проделывать с российскими железными дорогами то же самое, что мы ранее сделали с единой энергосетью Советского Союза, превратив ее в РАО ЕЭС. Последствия «реформы» Чубайса у всех нас перед глазами.

Наконец, очень странным мне показалось заявление президента о том, что мы не будем вводить запрет на трансграничное движение капитала. Исходя из официальных данных, которые я почерпнул на сайте ЦБ, за последние 10 лет до 2014 года включительно чистый отток капитала из России вместе с выводом инвестиционных доходов составил 1 триллион долларов. Это примерно 100 миллиардов долларов в год. В 2014 году эта цифра составила 151 миллиард долларов, в 2015-м она не уменьшилась. Фактически из экономики России выдавливают кровь.

Между прочим, еще в 2012 году, когда в МВФ проводился разбор полетов, связанный с финансовым кризисом, стало понятно, что многие страны просто не переживут его вторую волну. И тогда руководство МВФ дало понять — если отдельным государствам будет совсем уж плохо, можно вводить ограничения на движение капитала. Специалисты прекрасно об этом знают. А мы здесь оказались святее папы римского — продолжаем гнуть ту линию, которую МВФ навязывает странам третьего мира. А это уже реальный признак колониальной страны, которая по определению не может иметь своего экономического курса.

— *Кстати, отдельные экономисты очень хвалили Набиулину за «ноу-хау» в виде отказа от регулируемого валютного курса в пользу свободного. Вскоре после этой, с позволения сказать, инновации и случился жуткий обвал...*

В.К.: Да, финансовый управляющий страны, конечно, может заявить о том, что нацвалюта отпускается в свободное плавание. Но чем он в таком случае управляет и что регули-

рует, если в стране имеет место свободный вход и выход капитала?! Тогда у России просто теряются все рычаги для управления своим платежным балансом и начинается проходной двор — рай для спекулянтов. Мне приходится говорить очевидные вещи, потому что для многих финансистов во власти они вдруг перестали быть очевидными.

Иногда мне кажется, что мы сегодня находимся в некоем дурдоме, обсуждая плюсы и минусы плавающего валютного курса. Представьте себе, что у человека постоянно скачет артериальное давление — разве он сможет при этом эффективно работать? Плавающий валютный курс в экономике — это то же самое, он автоматически ставит крест на всех среднесрочных и долгосрочных решениях. Можно заниматься только валютными спекуляциями — а экономика страны при этом медленно умирает.

— *Валентин Юрьевич, все-таки каково ваше мнение: первое лицо страны искренне считает, что деятельность Центробанка благотворно сказывается на нашей экономике? И могут ли в принципе банкиры с Уолл стрит, которые, судя по всему, считают Набиуллину своим близким союзником, желать добра России? В окружении Владимира Путина есть и представитель патриотических сил — советник президента РФ Сергей Глазьев, который смело озвучивает консервативные взгляды на российскую экономику. Каково его влияние в команде президента?*

В.К.: К сожалению, наши рекомендации и тревожные сигналы, в том числе и через канал Глазьева, не доходят до президента. Похоже, что Сергей Юрьевич выполняет роль громотвода для патриотически настроенных экономистов. Самое тревожное, что время сейчас работает против нас. Экономика страны продолжает ослабевать — это видно даже из официальных статистических данных. И если начнется вторая волна финансового кризиса (а она, скорее всего, нахлынет не из России — эпицентрами могут быть Америка, Европа или Китай), то получится, что глубина нашего падения будет еще глубже, чем в стране-эпицентре.

— *Всё это невесело. Но почему при показательной суверенности внешней политики (Крым, Украина, Сирия и т.д.) Россия оказывается колониальной в отношении своей внутренней экономики? Если мы так крепко застряли на крючке у ФРС и находимся под внешним управлением, почему нам было позволено присоединить Крым, почему нам позволяет защищать Башара Асада в войне со спонсируемыми Западом террористами? При этом внутри страны мы продолжаем падать всё ниже? Что мешает нашему президенту принять необходимые меры для суверенизации экономики?*

В.К.: Мне тоже трудно понять такой курс — налицо явная асимметрия, диссонанс внешней и внутренней экономической политики. В публичных выступлениях я даже пару раз использовал такой жесткий термин — «политическая шизофрения». Некоторые патриоты на меня сразу ополчились — мол, зачем ты обижаешь президента? Я им ответил — никого не обижаю, просто, как врач от экономики, я вынужден «осматривать больного», ставить свой диагноз. Объяснить, почему такое происходит, может только человек, имеющий постоянный «доступ к телу» первого лица. Но не вызывает сомнений, что окружение Владимира Путина в большинстве своем либеральное. Из экономистов, насколько мне известно, с ним наиболее плотно общаются Набиуллина, Греф и Кудрин.

Остается гадать, то ли это выбор самого президента, то ли имеет место некая операция по его изоляции от экономической политики. Но во втором случае возникает резонный вопрос, почему тот же прием не используется для купирования активной внешней политики Путина? Это же очень просто сделать... В общем, меня тоже очень волнует эта «вилка». Главное, что позиция президента как либерала в экономике за последние годы не претерпела больших изменений.

— *Чем нам может грозить продолжение такого курса при худшем сценарии? Какова вообще ваша оценка остроты социально-экономической ситуации в стране?*

В.К.: За экономическим кризисом обычно следует социальный, а далее может произойти социально-политический взрыв. Сложно прогнозировать, как общество отреагирует на все эти негативные процессы. Пока народ у нас в основном спит. Нам надо просыпаться самим и будить окружающих. Между прочим, некоторые европейские страны, например Германия и Греция, в этом плане нас опережают. В Берлине недавно прошла массовая демонстрация: более 150 тысяч человек выступали против Трансатлантического партнерства — новой доктрины взаимодействия США и Европы. Это очень серьезный показатель — люди понимают, ЧТО скрывается за вывеской глобальной экономики.

— *В этом году из уст президента «Роснефти» Игоря Сечина часто можно было услышать фразу, что сильный рубль, дескать, для его отрасли только помеха. Получается, углеводородная энергетика, целиком ориентированная на нефтедоллары, в открытую заявляет, что ее устраивает текущий расклад?*

В.К.: Давайте посмотрим на картину в более широком контексте. Сечин говорил о том, что рубль у нас занижен по отношению именно к доллару. То есть сейчас все чиновники,

которые проводят линию на снижение курса своей национальной единицы, по сути, работают на хозяев печатного станка. А эти хозяева заинтересованы, прежде всего, в поддержке высокого курса доллара. Чем выше доллар по отношению к другим валютам, тем дешевле они могут скупать товары и активы во всем мире.

А если, несмотря на заниженный рубль, правительству все-таки удавалось простимулировать какую-то отдельную отрасль, в нашем случае — углеводородную энергетику, то это было возможно только за счет падения других отраслей. Здесь работает простой закон сохранения энергии. Соответственно, продолжается падение в частном секторе, доходах и уровне жизни населения. А Сечин в это время призывает стимулировать экспорт нефти за счет нашего народа! И дядя Сэм радостно потирает руки, продолжая наблюдать, какая страна сильнее понизит курс национальной денежной единицы ради защиты своего экспорта и тем самым укрепит доллар.

— *Вы заявляли о том, что разработали конкретную программу чрезвычайных мер по оздоровлению экономики РФ, которую можно было бы реализовать буквально в течение года. Расскажите о ее составляющих поподробнее.*

В.К.: Перечисляю пункты по степени значимости. На первом месте — деофшоризация экономики, на втором — запрет на трансграничное движение капитала, третье — выход из ВТО, четвертое — изменение статуса ЦБ, превращение его в орган госуправления, лишение его независимости от правительства, наконец, пятое — изменение денежной эмиссии.

То есть Центробанк в результате должен перестать быть валютным обменником. Он получит возможность выпускать рубли под инвестпроекты реальной экономики. К дополнительным тезисам можно добавить введение госконтроля над ценами и развитие импортозамещения. В последнем нам уже активно помогают западные соседи, организовавшие санкции.

По поводу деофшоризации объясню отдельно, почему сейчас этот пункт стоит так остро. Некоторые сводят ее пагубное влияние лишь к тому, что бюджет РФ недополучает какие-то деньги, частные прибыли уводятся в офшоры и т.д. На самом деле все это второстепенно. Куда важнее то, что за пределы России выводятся активы. Фактически все наши ресурсы, железные дороги, заводы находятся на территории России, но юридически за рубежом создаются компании-клоны, на которые также записано все это имущество. И есть опасность, что при подаче исков в международные суды имущество таких фирм в России может быть оштрафовано/арестовано. Еще один момент — все эти офшорные структуры и

счета принадлежат чиновникам и бизнесменам, которые по паспортам являются гражданами РФ. Это и есть офшорная аристократия, по сути, являющаяся «пятой колонной», работающей на наших противников.

Что касается ВТО, сейчас сам замысел этой структуры обесценивается, потому что США создают отдельные крупные блоки, действующие по собственным правилам — Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнерства. Вскоре из ВТО туда переключится вся коммерческая деятельность. Некоторые по наивности думают, что речь здесь идет только о торговом партнерстве. По факту же основная цель — создание новой экономической модели — полностью в интересах банков и ТНК. По сути, по своему юридическому статусу они окажутся над государствами.

— *Известно, что вы поддерживаете тех консерваторов, которые призывают использовать для оздоровления экономики эффективные элементы сталинской модели. Разве методы госплана не устарели морально?*

В.К.: Лично я говорю не столько об инструментах, сколько о целях, которые ставил перед собой Сталин. Основная цель тогда была всем предельно понятна — построение экономически независимого государства. Экономический суверенитет предполагает, что нам необходим полный набор самодостаточных отраслей. Соответственно, появилось обобщающее понятие — «народно-хозяйственный комплекс». Затем возникла концепция межотраслевого баланса, на основе которой создавался план натуральных показателей экономики, который должен был четко выполняться безо всяких корректировок. После Сталина, кстати, корректировки в плане стали допускаться. А госплан в качестве метода средне- и долгосрочного стратегического планирования, очевидно, никогда не устареет. Вслед за СССР он помог выбраться из экономической ямы США и Китая.

— *С кознями недремлющих врагов и оружием против них вроде бы разобрались. Напоследок хотелось бы задать вам своеобразный вопрос-размышление. А что если текущий системный кризис в экономике России носит не столько внешний, привнесенный, сколько внутренний характер? Возможно, его причины стоит поискать в том, что с 90-х годов и поныне наша власть продолжает делать ставку на нефтегазовую трубу, отказывается модернизировать промышленность, развивать реальный сектор. То есть причина вовсе не во внешнем колониальном управлении, а в плохих менеджерах внутри России...*

В.К.: В 90-е годы у нас появился лозунг — «интегрируемся в мировую экономику». Мы интегрировались, и что произош-

ло позитивного для населения России? Никакой модернизации не случилось, а то, что у нас еще работает в реальном секторе — преимущественно наследие советской эпохи. Российской экономики сейчас фактически уже нет — есть российский сегмент как часть всемирной финансовой системы. Предпосылки для этого создавались как внутри, так и вне страны. Но сейчас это второстепенно. Думаю, что, если мы действительно хотим поднимать экономику, надо начинать с **суверенной** внутренней и внешней политики.

Беседу вел Иван Ваганов

<https://clck.ru/9bZKM>

Владислав ЖУКОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНОЦИД

Все инициативы Минфина, Минэкономразвития, Центробанка являются не ошибками, а целенаправленной реализацией политики социального подавления населения в лучших традициях Гайдара. По мысли либералов, 35—40 миллионов пенсионеров не вписались в рынок, в этот нефтегазовый Титаник и, оказавшись лишним балластом, мешают жить чиновникам-казнокрадам и криминально-олигархическим структурам. Пенсионеры, учителя, ученые, представители малого бизнеса уж только тем повинны, что живут в России. Эти либеральные деятели не воспринимают людей как фактор повышения конкурентоспособности экономики, как движущую силу научного прогресса или как ключевой элемент перехода от сырьевой экономики к инновационной ренте. Конечно, в Китае, Японии или в США человеческий капитал, его умственные способности являются двигателем прогресса, но для наших либералов подобное отношение к людям является глупостью, потому что для них любая копейка в чужом кармане является личным оскорблени-

ем и упущенной возможностью. Для чиновников любые расходы на образование, здравоохранение, социальную сферу являются не инвестициями в развитие человеческого потенциала, а бессмысленные, тяжело подающиеся разворовыванию нерентабельные траты. Ничего удивительного, мы продолжаем жить по заветам младореформаторов. По их мнению, люди не вписались в рынок, поэтому пойдут в лес собирать ягоды-грибы, выращивать на шести сотках морковку, картошку и помидорку.

Политика социального дарвинизма наших улюкаевых, силуановых, набиуллиных и прочих товарищей не претерпела никаких изменений. Они дружно преклоняются перед фигурой Гайдара и с открытыми ртами подобострастно взирают на заокеанских хозяев в ВМФ или во Всемирном банке. Они в один голос заявляют, что мы должны для счастливой жизни поддерживать американские платежные балансы и их дефициты в бюджете. Эти либералы-товарищи являются открытыми ставленниками Госдепартамента США, пресловутой пятой колонной или национальными предателями, как их назвал наш президент. Пока эти деятели сидят во власти, мы обречены иметь статус банановой республики и сырьевой колонии.

К чему свелась вся антикризисная политика государства? У нас, как в старые добрые времена в начале нулевых годов, не Минфин для правительства, а наоборот. А если говорить шире и четче, то в России не Минфин работает на достижение целей государства, а государство и благосостояние граждан используются для повышения качества жизни сотрудников Минфина.

Весь антикризисный план правительства четко выразил министр финансов А. Силуанов, заявивший, что правительство ставит целью достичь макроэкономической стабильности, под которой понимают увеличение золотовалютных резервов. Это маразм. В стране кризис, обвал производства, инвестиций и занятости, рост нищеты до 55—60 миллионов россиян, потому что прожиточный минимум составляет не десять тысяч рублей, а все 18—20 тысяч. А либералы предлагают не создавать точки роста в экономике и не стимулировать развитие реального сектора и поддержку аграриев, потому что этим когда-нибудь займется добрый дядя Сэм или придут к нам китайцы и решат все проблемы. А нам надо, заявляют либеральные товарищи, день простоять да ночь продержаться, затянуть пояса, причем на шее пенсионеров и бюджетников, а не олигархов, и поддерживать дефицит рублевой массы в экономике, острый денежный голод и завыв-

шенную процентную ставку. Тем самым — якобы обеспечить мнимую макроэкономическую стабильность, борясь с инфляцией и девальвацией, уничтожая экономику и гробя россиян. А потом, заявляют они, годика через два-три потекут капиталы из США или, на худой конец, из Азии, и Китай будет оказывать помощь в импортозамещении и новой индустриализации. В этом вся суть макроэкономической политики Минфина. Для либералов главный примат — это пополнение валютных резервов. Не нашли лучшего способа, как это сделать. Хотя можно было бы увеличить денежную массу в экономике, оставить пониженный курс рубля для сохранения конкурентоспособности своего бизнеса, тем самым пополняя валютные резервы и параллельно увеличивая объем денег в экономике, снижая процентные ставки на рынке и делая доступные кредиты. Надо было им увеличивать объем инвестиций в экономику, снижать налоги на производство, создавать высокопроизводительные рабочие места, увеличивать поддержку аграриев и малого бизнеса, на который выделили всего лишь 150 миллиардов рублей, из которых освоили 35 миллиардов, а три четверти осели в карманах банкиров.

Они не собираются развивать экономику, проводить контрциклическую макроэкономическую политику, а планируют бить по самым уязвимым, социально незащищенным слоям населения, т.е. по пенсионерам. Они индексируют пенсии на меньшую величину, чем фактическая инфляция, т.е. на 4—7%, а не на 15—16%, сэкономив для своего кармана пару триллионов рублей. Также либеральные товарищи собираются повышать пенсионный возраст, изымать пенсионные накопления россиян, плативших через своих работодателей в небюджетные фонды, лишать индексации пенсий работающих пенсионеров, чтобы никто не работал, а все свесили ножки, живя только на пенсию. Правительство ставит человека перед выбором, работаешь или получаешь пенсию, хотя чиновники должны стимулировать пенсионеров к труду и повышать им пенсии.

Вся антикризисная политика правительства сводится к пополнению резервных фондов через обворовывание пенсионеров, понижение уровня жизни малообеспеченных слоев общества — 35—40 миллионов россиян. Это всё проделки Минфина, с которым согласен Центробанк, который заявляет, что России ни в коем случае нельзя расширять размер бюджетных дефицитов, наращивать займы на внутреннем рынке, иначе увеличится количество денег в экономике. Минфин никому не собирается давать денег, а стремится со-

кращать объем денежной массы по мере падения цен на нефть и усугубления западных санкций, поэтому либералы намереваются бороться с девальвацией и инфляцией с помощью зажатия денежной массы и провоцирования кризиса неплатежей. Политика закручивания фискальных и монетарных гаек направлена на жуткий инвестиционный голод, чтобы у бюджетников, врачей, учителей и пенсионеров не было денег.

По планам последователей секты Гайдара и Чубайса в России настанут иные времена, когда наступит макроэкономическая стабильность, а МВФ и Всемирный банк поглядят нас по головке, и в Россию потекут западные или китайские деньги. Показательно, что лучшим главой Центробанка по итогам 2014 года избрали Набиуллину. Ее выбрало издание «Евромания» — это крупный информационный холдинг, контролируемый Америкой. Это четко показывает, кто и в чьих интересах сегодня проводит в России денежно-кредитную, финансовую политику и кто является бенефициаром — зарубежные спекулянты, глобальный бизнес. Это делается с целью несменяемости людей. Если кто-то от реального сектора, академического сообщества или малого бизнеса заявит президенту, что в стране царит бардак, а вульгарный либерализм душит реальный сектор и уничтожает страну, то что им ответить, ведь Набиуллину признали лучшей главой Центробанка 2014 года.

Точно так же в 1997 году перед дефолтом Чубайса признали лучшим главой Минфина, хотя Глазьев и Хазин писали докладные записки с предупреждением, что грядет масштабный дефолт, в результате которого народ останется без денег и наступит нищета. Так же Кудрину давали звание лучшего министра финансов за заслуги перед мировым управляющим классом, зарубежными элитами, глобальным бизнесом и транснациональными корпорациями.

Мы является страной, где живут любители больших граблей, с помощью которых всему населению чиновники набивают шишки. Политика Минфина — социальный геноцид, уничтожение собственного народа. Жестко, но иных определений не подобрать. Либералы отказываются ввести прогрессивную шкалу налогообложения и страховых взносов, не собираются проводить стимулирующую макроэкономическую политику по поддержке реального сектора и малого бизнеса. Их финансовая «элита» сидит на валюте и думает о том, как вложить деньги в иностранные ценные бумаги, лишь бы не вкладывать их в развитие России.

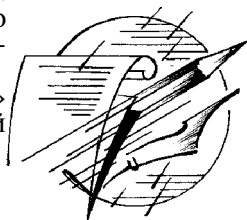
«ФИЗИОЛОГ ЧЕЛОВЕКОВ»

Владимир Познер — патриарх российской журналистики. Его авторитет почти абсолютен, мнение вызывает интерес и пользуется уважением, а право судить, «что морально, а что аморально; что этично, а что не этично» (как показано в культовом фильме «День выборов») не оспаривается.

Он не скрывает: «В России меня держит только работа. Я не русский человек, это не моя родина, не чувствую себя здесь дома — и от этого очень страдаю. Я чувствую в России себя чужим. И если у меня нет работы, я поеду туда, где чувствую себя дома».

На вопрос, какой период истории России он предпочел бы для жизни, Познер отвечает: «Никакой... Российские времена почти всегда оставались темными, тяжелыми и страшными, мне не хочется туда. Даже в русских народных сказках не нахожу близких персонажей... Единственный человек, перед которым преклоняюсь, Пушкин, однако он... не русский. И дело даже не в происхождении, а во внутреннем складе... В нем столько силы, юмора, блеска! Эфиопская прививка сильно сказывалась».

Каким же образом «властелином дум» нашего общества стал человек, считающий

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

себя чужим ему и «очень страдающий» в нем? Считающий «неживыми» и «ненастоящими» персонажей сказок, которые выражают архетип народа, полагающий полностью русское по культуре и воспитанию Пушкина «нерусским» просто потому, что он «светел и оптимистичен, хотя порой и трагичен»? Озаглавивший статью: «Российское стадо вряд ли изменится за время моей жизни»?

И какие последствия это имеет?

Головокружительное начало: «дитя мира»

Познер родился в Париже 1 апреля 1934 года и был крещен в соборе Парижской богородицы. Отец, уехавший из Петрограда в 1922 году, не хотел обременять себя семьей, и мама, француженка, уехала с трехмесячным сыном к родственникам в США, где можно было найти работу: благодаря Рузвельту они, в отличие от Франции, выкарабкивались из Великой депрессии.

Отца Познер увидел лишь в пять лет, когда тот восстановил семью. Они переехали во Францию, но менее чем через год та была оккупирована, и семья с трудом вернулась в США.

В 1941 году Советский Союз, вернув Прибалтику, давал свои паспорта ее жителям и их потомкам — и не имевший гражданства отец Познера получил в Нью-Йорке советское гражданство как сын уроженца Литвы.

Познер учился в дорогих частных школах, так как отец зарабатывал огромные тогда деньги: до четверти миллиона долларов в год. В 1943 году он был начальником русской секции отдела кинематографии Минобороны США. Познер настаивает: «Отец не был агентом», раз «он помогал СССР по убеждению и бескорыстно». Почему агент не может быть бескорыстным и что плохого в его статусе, неясно, но известен даже «агентурный» псевдоним не бывшего «агентом» отца Познера — «Каллистрат».

«Холодная война» вынудила семью, глава которой был гражданином СССР, покинуть США. В конце 1948 года она переехала в советскую зону Берлина: отец был приглашен правительством СССР в «Совэкспортфильм».

Несмотря на советы не покидать ГДР, так как вернувшихся на родину эмигрантов в то время часто сажали, семья в конце 1952 года переехала в СССР. Лишь в 19 лет Познер освоил русский язык.

Советское процветание: от агитпропа к «певцу перестройки»

В 1953 году Познер поступил в МГУ на биолого-почвенный факультет. Сначала его не взяли, но незнакомая женщи-

на предупредила, что причина — национальность. В гостинице «Метрополь» (где скромно жила семья) он накинулся на отца с упреками: «Куда ты меня привез? В Америке меня били, когда я защищал негров, но тут еще большие националисты!» — и тот через полтора месяца добился его зачисления.

За это время Познера, владевшего английским, немецким и французским, пытались призвать в армию и отправить в разведшколу, а когда он отказался (ведь недостойный МГУ не может быть достоин работы в разведке), грозили призвать на флот на 5 лет. Затем Познер, по его словам, еще дважды (по совету отца) отказывался сотрудничать с КГБ, хотя и писал «изложения собственных взглядов без названия фамилий», за что его «в Америку не выпускали 30 лет».

В 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи, Познер «общался с американцами и почувствовал: с ними мне проще, лучше их понимаю, скучаю по Штатам, это родное, мой дом там, за океаном». Его намерению бежать в США воспротивился отец.

В том же году Познер женился на дочери секретаря Союза композиторов СССР.

В 1958 году закончил МГУ по специальности «физиология человека» и стал зарабатывать научными переводами. «Для души» переводил иностранных поэтов, надеясь сделать это профессией. Переводы попали к Маршаку; тот, отметив талант молодого человека, пригласил его стать литературным секретарем — отвечать на письма.

Когда Маршак отобрал переводы Познера для публикации, тот отказался от помощи и передал их вперемешку с переводами самого Маршака под своим именем в «Новый мир». Но все переводы были отвергнуты. Маршак восхитился проделкой, хотя и возмутился для порядка.

Увидев, что оценивается фамилия, а не мастерство, Познер начал искать другую работу. В октябре 1961 года благодаря владению тремя языками он стал сразу старшим редактором в только что созданном Агентстве печати «Новости»; зарплата выросла с 70 до головокружительных 190 руб. Потом он говорил, что эта работа привлекала его возможностью ездить по стране и заводить знакомства.

В 1965 году Познер стал ответственным секретарем «глянцевого» пропагандистского журнала *Soviet life*, потом был переведен в журнал «Спутник», в 1967 году вступил в КПСС и развелся. Вновь женился в 1969 году и на следующий год начал вести радиопередачу «Голос Москвы» на США и Англию (вел ее до конца 1985 года).

Познер говорит: «Долгое время я был убежденным сторонником советской власти, и мое разочарование в ней происходило медленно... Первым тяжелым ударом стал 68-й год... Постепенно мне пришлось признаться себе, что я потерял веру...»

Тем не менее и после «тяжелого удара» и, вероятно, даже после «потери веры» он был эффективным пропагандистом. Эмигранты и через четверть века вспоминали объяснение им разгрома «бульдозерной выставки» в 1974 году: мол, в СССР земля принадлежит государству, и художники просто нарушили право собственности. «Представьте, что на вашу лужайку перед вашим домом пришла бы толпа и без вашего разрешения устроила бы выставку, — что бы вы сделали? Так же поступило и советское государство».

Познер пользовался доверием руководства: «руководитель Гостелерадио Лапин был классическим антисемитом, но поручился за меня и отправил на международный телефестиваль на озеро Балатон» в 1977 году. Интересно, делают ли современные «общечеловеки» добро чуждым им (если Лапин вправду был антисемитом) подчиненным, но Познер, похоже, об этом не думал.

Освещение Олимпийских игр 1980 года принесло ему медаль «За трудовую доблесть».

5 сентября 1982 года видеосвязь объединила четверть миллиона молодых участников фестиваля в пригороде Лос-Анжелеса с советскими сверстниками в студии Останкино. Вели телемост популярный телеведущий Фил Донахью и Владимир Познер, который был известен в США своей радиопередачей.

Перестройка и «новое мышление» вернули (с личного разрешения Горбачева) этот жанр, который сделал Познера известным и в СССР: в декабре 1985 года он провел телемост Ленинград—Сиэтл: «Встреча в верхах рядовых граждан», а через год — телемост Ленинград—Бостон: «Женщины говорят с женщинами», где прозвучало: «В СССР секса нет». Смех аудитории заглушил продолжение фразы — «а есть любовь». Познер не привлек внимания к этому, обеспечив искаженное восприятие фразы, порочившее СССР.

Телемосты помогли Познеру сделать новый шаг в карьере, перейдя с радио на телевидение и с внешней аудитории на внутреннюю. В 1986 году он стал политическим обозревателем Центрального телевидения, а с 1988 года начал вести «Воскресный вечер с Владимиром Познером» (дожившую в ином формате до настоящего времени).

В 1990 году он опубликовал в США автобиографию «Прощание с иллюзиями», удовлетворив потребность американс-

кого общества в подтверждении его правоты. Книга держалась в списке бестселлеров *New York Times* 12 недель, что открыло ему перспективы в «земле обетованной» перестроечной интеллигенции — в США.

После этого, по словам Познера, не желая терять независимость суждений и тем более становиться выразителем мнения государства, профессиональный пропагандист в апреле 1991 года уволился с Гостелерадио, вышел из КПСС и уехал в Нью-Йорк, приняв предложение Донахью вести совместную передачу. Вероятно, «принципиальности» Познера помогло и ухудшение ситуации в СССР: конфискационный обмен денег конца января 1991 года и трехкратное повышение цен 2 апреля.

Певец западных ценностей в России

В 1992 году Познер вошел в жюри основанной Березовским премии в области искусства «Триумф».

В марте 1994 года, через полгода после расстрела Дома Советов, был награжден орденом Дружбы народов.

В 1996 году программа «Познер и Донахью» была снята с эфира. Руководство CNBC, по словам Познера, потребовало права вмешиваться в определении тем и гостей программы, а после отказа не стало продлевать контракт.

В том же 1996 году по тем же причинам закрылась передача «Познер и Дональд Хилл». Попытка вести авторскую передачу не удалась. Оставшемуся без заработков Познеру «в Америке стало как-то кисло», и в феврале 1997 года он вернулся в Россию. Помимо работы на телевидении, стал вести программу на «Радио-7 на семи холмах», за которую получил от американского владельца 15% акций этой радиостанции, тогда оценивавшиеся в 350 тыс. долл. Продав их в 2003 году, Познер, по его словам, получил «свой первый миллион долларов».

В 1997 году американское общество «За лучший мир» присудило ему свою золотую медаль, а в конце 1999 года он был награжден российским орденом Почета — «за заслуги в области культуры и в связи с 75-летием радиовещания в России».

С ноября 2000-го Познер вел ток-шоу «Времена». Интерес к нему уже снижался; в 2005 году на вручении премии «Человек года» в номинации «Телевидение» Познер занял лишь третье место, уступив Канделаки и Малахову. Правда, в 2006 году был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

В июле 2008 года «Времена» закрылись. Вдоволь нажаловавшись на то, что ему «пришлось закрыть программу, поскольку приходилось идти на слишком большие компромиссы» (в США он таких жалоб себе, по-видимому, не позволял), он открыл на том же канале однотипную программу «Познер», выходящую и сейчас.

В том же 2008 году женился в третий раз (второй брак длился 36 лет, с 1969 по 2005 год); через несколько лет юбилейное телеинтервью с ним было названо: «В 80 лет жизнь только начинается».

С апреля по июнь 2012 года вместе с Парфеновым вел передачу, по безыскусной традиции названную именами ведущих, на телеканале «Дождь». После его жалобы в эфире «Дождя» на администрацию Первого канала (она-де не дает ему пригласить Навального) та попросила его выбрать между ними, и Познер предпочел «свободному» «Дождю» более выгодный Первый канал.

По словам Познера, его ущемление на Первом канале сводились к неукоснительно соблюдаемой им (при позиционировании себя как свободного журналиста) договоренности с К.Эрнстом не приглашать нежелательных лиц и правом последнего (которым он пользовался, похоже, дважды) снимать части передач с эфира.

Когда в декабре 2012 года Познер, критикуя запрет гражданам США усыновлять российских детей, назвал Госдуму «Госдурой», он извинился за выпад, но заявил, что передача шла в записи, и, значит, окончательную ответственность несет К.Эрнст.

В 2004 году Познер с братом открыли в Москве ресторан французской кухни «Жеральдин»; банк инвестора со скандалом обанкротился в следующем же году.

Академия российского телевидения

Одним из проектов, принесших Познеру авторитет в России, — созданная в 1994 году для объединения интересов телеканалов, телевещателей и телепроизводителей Академия российского телевидения, учредившая премию ТЭФИ.

Ее вручению сопутствовали скандалы; так, в 1997 году, перепутав конверты, ее с шутками вручили погибшим журналистам. Познер, будучи президентом Академии, получал премию в 1998, 2001 и 2004 годах, не ощущая конфликта интересов.

В 2007 году НТВ и ТНТ, бывшие учредителями Академии, вышли из нее, а в 2008 году от участия в ТЭФИ отказался

ВГТРК: «академиков» обвиняли в непрофессионализме, а критерии оценки оспаривались. Это девальвировало премию и поставило под угрозу Академию.

В результате в 2008 году Познер снял свою кандидатуру с выборов ее главы. Ранее он заявлял, что по уставу Академии покинет пост после второго срока, но его кандидатура все же оказалась выдвинутой (раз ее пришлось «снимать»). Его сменил Швыдкой, — и Познер получил ТЭФИ еще в 2009, 2010 и 2012 годах.

Вклад в разрушение старой Москвы

В 1997 году Познер со своей второй женой открыл в Москве «Школу телевизионного мастерства» для молодых региональных тележурналистов. На курс принимали до 12 человек.

Распоряжением мэра Лужкова в 1999 году под школу на 49 лет был выделен участок в 20 соток в центре Москвы, на Малой Дмитровке. В семиэтажном доме школе предназначалось 10% площади, инвестору 70%, городу — 20%.

Через два года «в ансамбль комплекса школы» включили соседний дом — памятник архитектуры с мастерскими московских художников. Начался скандал, прошел ряд акций протеста, и прокуратура Москвы предписала исправить нарушения. В итоге памятник архитектуры включили в здание школы Познера как конструктивный элемент, а жалобы жителей успеха не возымели.

На этом фоне поразительным по цинизму стало в 2007 году участие Познера в социальной рекламе с фразой «Я люблю Москву, которой почти больше нет: тихую, старую, со скрипом снега под ногами». На один из билбордов с его портретом и этой фразой наклеили нецензурное напоминание об участии Познера в уничтожении Москвы, которую он якобы так любит.

Познер и Украина

В 2013 году Познера признали «человеком года» на Украине, — и буквально смешали с грязью за ответ на стереотипный вопрос: «Кто для Вас украинцы?» Познер сказал, что плохо знает украинцев, но знает, что их много было среди надзирателей сталинских лагерей. Для либерала, воспринимающего историю «этой» страны как историю ужаса и террора, восприятие всего через призму «сталинских лагерей» естественно, как и пренебрежение украинцами на фоне его

отношения к русским. Познер похвалил Украину за еду и песни, укорил за отношение к русскому языку и не смог сказать ничего больше.

Естественное для «гражданина мира» отсутствие интереса к Украине вызвало на ней проклятия и клеймение позором, было воспринято (в том числе и либералами в России) если не как сознательное оскорбление, то как недопустимое пренебрежение, породило манифестацию местечковой озлобленной мании величия.

А в 2014 году, в разгар гражданской войны на Украине, рассуждавший до того о «плешивом мальчике, который хочет войти в историю» Познер заявил: «Не думаю, что правильно... полагать, что за происходящее на юго-востоке... отвечает Путин или русские... Мы не можем говорить о серьезном российском военном присутствии, потому что, если бы оно было... для украинской армии все бы закончилось».

Это вызвало шок среди российских либералов — и они начали проклинать и «люто, бешено ненавидеть» Познера как изменника святому для них делу русофобии. Хотя тот, вероятно, лишь сохранял видимость объективности или демонстрировал лояльность властям РФ для сохранения привычных доходов.

Истинные ценности

Больше всего потрясает в Познере — вероятно, по контрасту с выстраиваемым им образом мудрого, взвешенного и объективного патриарха — готовность лгать.

Я, помнится, испытал шок в середине «нулевых», услышав на одной из конференций, как Познер объяснял беды России графой «национальность» в российском паспорте. Он просто не мог не знать, что в российском паспорте, в отличие от советского (а с распада СССР прошло уже более 12 лет), такой графы нет. Но когда надо, уроженец Парижа Познер «на голубом глазу» заявляет: «Я родился в СССР».

Весной 2014 года, обвиняя наши СМИ в том, что они не представляют противоречащие позиции государства мнения (ведущий Первого канала не мог не знать, что это ложь, — хотя бы на личном опыте), Познер предусмотрительно указывал, что «в последнее время почти не смотрел три наших главных телеканала» и потому, возможно, ошибается. Но той же весной тот же Познер на заседании президентского Совета по правам человека говорил противоположное: «Я внимательно смотрю программы, имеющие отношение к обществу-политической тематике: на Первом канале, на Вто-

ром, на НТВ». Похоже, для него, как и для других либеральных пропагандистов, понятия «правда» не существует: они просто говорят то, что им выгодно.

Важная для Познера (атеиста, крещенного по католическому обряду) тема — обличение православия, «темной и закрытой» религии: «Одна из величайших трагедий... — принятие православия... Русская православная церковь нанесла колоссальный вред России».

Нападки на православие, с которым неразрывно связана русская культура, органично сочетаются с призывами к легализации наркотиков, включая «тяжелые»: мол, если они будут стоить гроши, их никто не будет покупать, и всеобщая доступность наркотиков снизит их потребление. При этом Познер сам описывает, что наркомафия «подсаживает» людей на наркотики именно тем способом, который он рекламирует: дешевой раздачей!

Познер умеет обеспечивать себе максимум комфорта. Он встречает новогодние праздники на карибском курорте для миллионеров Сен-Бартс, он выбрал себе такое место, потому что Абрамович построил там свой дом.

Его отношение к людям выражает как-то трепетно рассказанная им история об отказе знакомому от дома за отпечатки губ, оставленные на бокале. Качества того человека не были интересны, раз он не соответствовал снобистским критериям.

Другой случай разрыва отношений связан с переизданием в России автобиографии «Прощание с иллюзиями». Познер дополнил ее главой о Сергее Михалкове, смешав того с грязью и рассказав со слов Маршака, что автором «Дяди Степы» был именно Маршак, полностью переписавший незрелое стихотворение молодого Михалкова.

Сын последнего, Андрей Кончаловский, более полувека бывший приятелем Познера, прекратил общение, удивившись: «Почему Познер дописал главу о Сергее Михалкове, когда того уже не стало? Ведь эта книга... вышла 18 лет назад в Америке, когда мой отец был жив и мог ему ответить». Возможно, причина была именно в потребности дожидаться, когда критикуемый уже не ответит, или в желании скандала для продажи книги.

Профессиональное раскаяние

Познер умело создает впечатление желания сгладить острые углы и объективно, отстраненно докопаться до «золотой середины». Отстраненность, порожденная, вероятно, отсут-

ствием родины, помогла ему быть преданным власти коммунистом при Брежнев, певцом перестройки при Горбачеве, демократом при Ельцине, иностранцем при раннем и борцом за свободу слова при позднем Путине, и, не принимая пропагандируемое близко к сердцу, тем самым продлить себе жизнь и работоспособность.

Равнодушие к судьбам чужих для него людей и стран позволяет быть эффективным, умело используя и передергивание фактов, и натужное морализаторство, и имитацию объективности. Анализ его «творческой лаборатории» дан Сергеем Смирновым в книге «Времена лжи с Владимиром Познером»: «Каждая глава посвящена определённой передаче. Дается подробный разбор: о чём говорили, как говорили, где звучит откровенная ложь, где передёргивания потоньше, где умелая подмена понятий, а где беспардонное затыкание рта».

Один из действенных приемов Познера как пропагандиста — демонстрация личного раскаяния. Он каялся так часто и так картинно, что обогатил фольклор фразой «Лучше Познер, чем никогда».

Характерны его слова, что он долго не мог простить своего отца не только за возвращение в СССР, но и за то, что тот так и не счел это ошибкой. Похоже, он не мог простить отца и просто за то, что тот не стал каяться и не уподобился своему сыну. А представить, что отец мог делать это не из упрямства, а по убеждениям, действительно считая СССР лучше Запада, Познер, похоже, не в состоянии.

Умело производя впечатление профессионала, он, вероятно, сыграл важную роль в превращении недоверия к власти в непрменный критерий журналистского профессионализма. Недоверие уравновешенного «патриарха» на уровне журналистской «массовки» вылилось в проповедь враждебности к власти как главного (а то и единственного) критерия профессионализма журналиста.

И вот уже в 2015 году, как сообщалось, при приеме на журфак МГУ отсеивали абитуриентов, не считавших, что Россия незаконно оккупировала Крым и ведет войну против Украины, и в целом не демонстрировавших признаков ненависти к своей стране. Помимо прочего, это означало, что либералы требовали совершать для поступления в МГУ уголовное преступление (которым в РФ является отрицание принадлежности Крыма).

Таким образом, журфак МГУ, как и ряд других мест (особенно журфак «вШи» — либеральной Высшей школы экономики, где долгие годы профессорствовала пресловутая Альбац) превращен, похоже, в конвейер по воспитанию ненави-

сти и вражды к России под видом «журналистского профессионализма». А если студент вдруг замечает что-то хорошее, сделанное властью, — поднимается вопль про «нерукопожатность» и — «вон из профессии».

Принцип «каждый имеет право на свое мнение по поводу фактов, но никто не имеет право на свои факты» игнорируется: ради пестования ненависти к государству и стране студентов учат, отрицая реальность, иметь «свои факты». Таким образом, журналисты, завтрашние властители общественного мнения, превращаются во врагов российской государственности. Им ломают судьбы, а обществу ломают будущее, ибо враждебность критически значимой части молодежи к основе общества, какой является государство (а не к его порокам), просто не даст стране существовать.

Позиция либералов определена интересами глобального бизнеса, которому они служат. Ради сокращения издержек в условиях глобального кризиса они делают ставку на слом России по образцу Ливии, чтобы договариваться о получении нефти не с правительством, а с запуганным мэром, например, Сургута. А у истоков этого процесса стоит, похоже, сочавшийся объективностью телеакадемик, разъясняющий, что профессионализм требует всего лишь «недоверия» к власти, называемой им, в зависимости от аудитории, то «плешивым мальчиком», то «Владимиром Владимировичем».

Страдающий в стране, в которой его держит, по его словам, только работа — то есть, по всей вероятности, приносимые ею деньги и власть, которые он, как и многие другие «рукопожатные либералы», не может получить ни в одном другом месте мира, где они никому не нужны и никому не интересны..

ИЗРЕЧЕНИЯ ЧЕРНОМЫРДИНА

Здесь вам — не тут.

Но я не хочу здесь всё так, наскоком. Сегодня с одним обнялся, завтра с другим, потом опять. И пошло-поехало. Так и до панели недалеко.

Я говорю это как человек, которому и просто, и который знаю и не очень понимаю, я это не только, и это непозволительно к чести любого человека, так, или группы. *(По поводу обвинения в коррупции)*

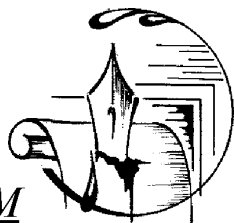
Черномырдина стараются постоянно отпихнуть. Но еще не родился такой отпихивальщик.

Я полюбил вас тогда, когда вы пошли наперекор тем, кто хотел нажимать. *(О Пугачевой)*

Президент — показал. И... еще покажет.

Продолжение. Начало в №7-8 за 2015 г.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Мы помним, когда масло было вредно. Только сказали — масла не стало. Потом яйца нажали так, что их тоже не стало.

Говорил, говорю и буду говорить: не станет Черномырдина, не произойдет этого, как бы некоторые ни надеялись. Потому что, когда такие задачи стоят, когда мы так глубоко оказались, не время сейчас. Меня многие, я знаю, из-за того, что Черномырдин очень многим оказался, как в горле, как говорится. Ведь люди видят, кто болеет за судьбу, а кто просто занимается под маркой. Я знаю, кто тут должен, что пробил его час, наконец, Черномырдин всегда знает, когда кто думает, потому что он прошел всё это от слесаря до сих пор. И я делаю это добровольно, раз иначе нельзя, раз такие спекуляции идут, что хотят меня сделать яблоком преткновения. Это еще надо внимательно посмотреть. Кому это надо, чтобы вокруг Черномырдина создавать атмосферу?

Надо говорить о нашем общем стыде и сраме по сути дела.

Наши отношения России и НАТО — это еще ни о чем не говорит, это наши отношения в части именно всех составляющих.

Сейчас идут мощные такие объяснения: что, почему, как, Черномырдин и Чубайс, вот. Кого-то — Чубайс, кого-то, мол, — Черномырдин. Все это далеко не так. Даже очень далеко не так. Никаких у нас тут противоречий нет и не должно быть.

Мне больше нравится гимн Александрова, потому что я уже почти родился при нем. А наши деды сражались за него на фронтах Великой Отечественной. В этом деле не надо спешить, а надо разобраться. И гимн надо создавать в творческих мучениях. Вот как это делается. *(О гимне РФ)*

Когда я был в своем седле премьером — только ветер свистел в ушах.

Сейчас там что-то много стало таких желающих все что-то возбуждать. Всё у них возбуждается там. Вдруг тоже проснулись, возбудились. Пусть возбуждаются! Что касается кредитов и механизмов распределения — о чем они здесь? Что они могут знать? *(О Буше-младшем, обвинившем В.С. в воровстве)*

Что, мы не знаем, что такое рыночная экономика? Знаем! Мы даже больше знаем, чем они там на Западе. Они марксизм понаслышке знают, а мы его прошли вдоль и поперек. Мы и то, и другое знаем, только вот сделать не можем. Пока.

То, что сделал Алексей Николаевич, является глубины немеренной. *(О Косыгине)*

Ничего там не было, ничего, ни коррупции не было. Просто надо было наехать какой-то частью на Черномырдина.

Что говорить о Черномырдине и обо мне?

Депутаты все высказались, чтобы я шел на... — избирался, точнее.

Если я еврей, чего я буду стесняться? Я, правда, не еврей.

Пригласили погулять, значит, на прием, на ужин, и, по сути дела, устроили вот... Где он ужинать теперь будет? *(Об аресте Павла Бородин в Нью-Йорке)*

Чем мы провинились перед Богом, Аллахом и другими?

Принципы, которые были принципиальны, были непринципиальны.

Не надо умалять свою роль и свою значимость. Это не значит, что нужно раздуваться здесь и, как говорят, тут махать, размахивать кое чем...

Нельзя думать и не надо даже думать о том, что настанет время, когда будет легче.

Учителя и врачи хотят есть практически каждый день!

Я не сторонник сегодня влезать с распростертыми объятиями.

Меня всю жизнь хотят задвинуть. Все пытаются. Задвигал только таких еще нет.

Моя специальность и жизнь проходили в атмосфере нефти и газа.

На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться.

У нас еще есть люди, которые очень плохо живут. Мы это видим, ездим, слышим, читаем. Мы так жить будем, что наши внуки нам завидовать будут!

У нас ведь беда не в том, чтобы объединиться, а в том, кто главный.

Что касается оценки моих коллег, с кем я работаю, министров прежде всего, о ком вы сказали, тем более самого себя, меня вы можете судить сами. Меня и не только вы, но и вся страна, по сути дела, я перед всеми открыт и вам судить обо мне.

Что касается моих министров — это такие же люди, такие же работники со своими плюсами и минусами, и я еще раз могу сказать, что это люди, которые преданы делу, работают и отдаются. Другое дело — получается, не получается. Наверное, не все получается, наверное, мы не все сделали, да, это результаты говорят. Но сегодня, чтобы я вам сегодня сказал, что вы от меня хотите, чтобы я назвал кого, чего? Я не очень понимаю этот вопрос. Команда, которая есть, работает, будет работать и я уже говорил о кадрах, и будем говорить о кадрах, и с вами будем говорить о кадрах. *(Из выступления в Думе, 1994 г.)*

Трагедия на Балканах. И поехать, увидеть и сразу получить по заслугам — я далек от этого.

Люди устали ждать, потому что ждать больше нечего.

Мы можем многого добиться, если не будем заниматься реформами.

В харизме надо родиться.

У меня к русскому языку вопросов нет.

Ярких цветов я не очень люблю. Но это не значит, что я к голубому и голубым имею пристрастие.

Я проще хочу сказать, чтобы всем было проще понять, что мы ведь ничего нового не изобретаем. Мы свою страну формулируем.

Вы что же, опять должны свой народ ещё два раза согнуть и опустить? За что? Почему?

Страна у нас — хватит ей вприпрыжку заниматься прыганьем.

У нас (в России) воруют намного больше, причем нигде не убавляется, такая страна.

Россия — страна сезонная.

Нас никто не может упрекнуть в том, что у нас хорошие помыслы.

Многие спорят, где оно лучше, снизу или сверху, по мне — снизу, так оно даже спокойнее.

Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего! Все это происки!

Всем давать — давалка сломается! (*Во время обсуждения бюджета*)

И те, кто выживут, сами потом будут смеяться!

Мы будем честно говорить о том, что у нас не получается, а что получается, мы будем теперь говорить правду.

То, что я делаю, я делаю сознательно, открыто, и при этом делаю не потому, что моя правая или левая рука. Я делаю, я возглавляю правительство и делаю это на правительстве.

На ноги встанем — на другое ляжем.

Нам нельзя растягивать этот процесс. Его нельзя растягивать. Процесс реформ — он смерти подобен, но нельзя растягивать страдания людей.

Сказано — сделано. Не понял — переспроси. Не понял с первого раза — переспроси ещё раз. Но выполняй. Не можешь — доложи, почему не выполняешь, по какой причине. Другого от вас **ничего** не требуется.

Я еще от прошлых выборов не отошел — меня еще подташнивает.

Клинтона целый год долбали за его Монику. У нас таких через одного. Мы еще им поаплодируем. Но другое дело —

Конституция. Написано: нельзя к Монике ходить — не ходи! Если не умеешь... А пошел — отвечай! И мы доживем! Я имею в виду Конституцию!

Кого на следующих выборах изберут, мы будем с тем и работать. А кто там нам по сердцу, кто там ниже сердца — это уже другой разговор.

К сожалению, мертвыми душами выглядят некоторые наши члены.

Не все коммунисты пропащие люди. Я сам был коммунистом и членом ЦК.

Много денег у народа в чулках или носках. Я не знаю где — зависит от количества.

Чем они там будут отдавать, неважно. Они что, пахнут? (*О долгах Украины*)

Ну, никогда такого не было — и опять то же самое!

Черномырдин никогда и нигде, а всегда и везде.

Вышел в свет 6-й том шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина. В этот том вошли публицистические статьи, написанные в XXI веке, эссе, размышления и воспоминания, новые стихотворения, а также ранние исповедальные заметки.

Приобрести все шесть томов Собрания сочинений можно в редакции журнала «Молодая гвардия». Тел.: 8 (495) 787-35-22. Звонить в пн. и чт. с 12 до 16 ч. А также в магазине «Славянофил» и интернет-магазине «Политкнига». Тел.: 8 (495) 543-87-93.